

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт Европы
Российской академии наук

Март
Апрель

2-2024

Современная **ЕВРОПА**

НАУКА

— 1727 —

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ**

**ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Современная **ЕВРОПА**

ЖУРНАЛ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 2000 г.

2 (123) март-апрель 2024 г.

ШЕФ-РЕДАКТОР

член-корр. РАН Ал.А. ГРОМЫКО

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОВЕТ

ГРИНБЕРГ Р.С. (Россия), ГРУШКО А.В. (Россия),
ЖУРКИН В.В. (Россия), НЕКИПЕЛОВ А.Д. (Россия),
НИВА ЖОРЖ (Швейцария), РОГОВ С.М. (Россия),
ФАРА ДЖАН МАРИЯ (Италия),
ФРАНКО МАРК (Бельгия), ЧУБАРЬЯН А.О. (Россия)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Р.Н. ЛУНКИН

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

К.А. ГОДОВАНЮК

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

А.А. РОЖИН

РЕДАКТОРЫ: Т.Н. СТЕПАШИНА, О.К. ШИМАНСКАЯ,
С.А. ЗАБЕЛИН, Д.И. КОЛЕСОВ, Р.М. ПЛЮСНИН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АРБАТОВ А.Г., АЛЛИСОН Р. (Британия), БЕЛОВ В.Б., БОРКО Ю.А.,
БЕРГМАНН В. (Германия), БУТОРИНА О.В., ВОДОПЬЯНОВА Е.В.,
ГОЛОВНИН М.Ю., ДАНИЛОВ Д.А., ЗОЛОТАРЁВ П.С., КАВЕШНИКОВ Н.Ю.,
МИРОНЕНКО В.И., НОСОВ М.Г., ПОТЕМКИНА О.Ю., РИЧЧЕРИ М. (Италия),
РУБИНСКИЙ Ю.И., СМИРНОВ В.А., ФЛОГАИТИС С. (Греция),
ШВЕЙЦЕР В.Я., ШИШЕЛИНА Л.Н.

МОСКВА

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF EUROPE
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Contemporary EUROPE

SOCIAL AND POLITICAL RESEARCH JOURNAL
EST. JANUARY 2000

CONTENTS

SHARIKOV P. Specifics of Bilateral US-EU Relations during J. Biden Administration
• **KUTYREV G., MARCHUKOV A.** The EU Public Diplomacy in Latin America: State of Affairs, Challenges and Prospects • **KOLESNIKOVA M.** Results of *Maritime* Spatial Planning in the EU • **TRUNOV Ph.** Features of Intergovernmental Consultations. The case of Germany
• **VAKARCHUK D., IVONINSKAYA A.** Impact of the Russian-Ukrainian Crisis on the Approaches of German Parties towards Energy Transition • **VARNAVSKII V.** EU Railways: Contribution to Decarbonization Solution • **NAVOY A.** Effectiveness of Regional Insurance Networks and the European Stability Mechanism • **REVENKO L., REVENKO N.** Digital Markets and Digital Services: A New Stage of the EU Internal Market Regulation • **ZAKHAROV I., AGAFOSHIN M.** Externalisation of Asylum Policy in the UK after Brexit • **SINDEEV A.** A.A. Gromyko and Security Policy: Conceptual Tactics of Diplomacy (to the 115th Anniversary of A.A. Gromyko) • **ANDREEVA A., DROZHASHCHIKH N., NELAeva G.** Memory of Colonial Crimes in Belgium • **TRETYAKOVA M.** The Shrinking of the Slavic Cultural and Linguistic Space in the Southern Balkans (1st half of XX c.) • **SHCHIPKOV A.** Importance of the Cultural-Historical Approach for Modern Political Consciousness • **FADEEVA L.** Constructive Approaches to Analysis of Constructed Identity • **TAMBI S.** Euroscepticism in the Russian-speaking Community of Estonia: Modern Trends and Prospects • **MARKEVICH D.** The Union State in the Conditions of Digital Transformation • **RYPNEVSKAYA A.** Prospects of Cooperation in the Commonwealth of Independent States • **SOSHNEV A., SOSHNEVA E.** The State Theory of Money

INHALT

SCHARIKOV P. Besonderheiten der Formaten bilateraler Zusammenarbeit zwischen der EU und den USA unter der Regierung Biden • **KUTYREV G., MARTSCHUKOV A.** Öffentliche Diplomatie der EU in Lateinamerika: Moderner Zustand, Herausforderungen und Entwicklungsperspektiven • **KOLESNIKOVA M.** Meeresraumplanung in EU: Hauptergebnisse • **TRUNOV F.** Merkmale der Funktionsweise von Formaten zwischenstaatlicher Konsultationen unter Beteiligung Deutschlands • **WAKARTSCHUK D., IEWONINSKAJA A.** Die Auswirkungen der ukrainischen Krise auf die Positionen deutscher Parteien zum Thema Energiewende • **WARNAWSKIJ W.** EU-Eisenbahnen: Beitrag zur Problemlösung der Dekarbonisierung • **NAWOJ A.** Die Wirksamkeit regionaler Sicherheitsnetze und des Europäischen Stabilitätsmechanismus • **REWENKO L., REWENKO N.** Aktuelle EU-Digitalmarktregulierung • **SACHAROV I., AGAFOSCHIN M.** Externalisierung der Asylpolitik im Vereinigten Königreich nach dem Brexit • **SINDEEV A.** A.A. Gromyko und Sicherheitspolitik: Konzeptuelle Taktiken der Diplomatie (zum 115. Jahrestag von A.A. Gromyko) • **ANDREEVA A., DROZHASCHTSCHICH N., NELAeva G.** Erinnerung an Kolonialverbrechen in Belgien • **TRETYAKOVA M.** Einengung des slawischen Kultur- und Sprachraums auf dem Südbalkan in der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts • **SCHTSCHIPKOV A.** Die Bedeutung des kulturgeschichtlichen Ansatzes für das moderne politische Bewusstsein • **FADEEVA L.** Konstruktive Ansätze zur Analyse konstruierter Identität • **TAMBI S.** Euroskepsis in der russischsprachigen Gemeinschaft Estlands: Moderne Trends und Perspektiven • **MARKEWITSCH D.** Der Unionsstaat im Angesicht der digitalen Transformation der Wirtschaft • **RYPNEVSKAJA A.** Perspektiven der Zusammenarbeit in der Gemeinschaft Unabhängiger Staaten • **SOSCHNEV A., SOSCHNEVA E.** Staatliche Theorie des Geldes

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

ЕВРОПЕЙСКИЙ ПРОЦЕСС: СТРАНЫ И РЕГИОНЫ

- Шарилов П.А.** Особенности форматов двустороннего взаимодействия США и ЕС при администрации Дж. Байдена 5
- Кутырев Г.И., Марчуков А.Н.** Публичная дипломатия ЕС в Латинской Америке: современное состояние, вызовы и перспективы развития 19
- Колесникова М.Л.** Морское пространственное планирование в ЕС: основные итоги 32
- Трунов Ф.О.** Особенности функционирования форматов межправительственных консультаций с участием ФРГ 45
- Вакарчук Д.О., Ивонинская А.А.** Влияние российско-украинского кризиса на позиции немецких партий по проблеме энергетического перехода 57

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

- Варнавский В.Г.** Железные дороги ЕС: вклад в решение проблем декарбонизации 70
- Навой А.В.** Эффективность региональных страховочных сетей и европейского стабилизационного механизма 84
- Ревенко Л.С., Ревенко Н.С.** Регулирование цифрового рынка ЕС на современном этапе 98

СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА

- Захаров И.А., Агафошин М.М.** Экстернализация политики убежища Британии после брексита 114

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

- Синдеев А.А.** А.А. Громыко и политика безопасности: концептуальная тактика дипломатии (к 115-летию А.А. Громыко) 128

- Андреева А.А., Дрожжицких Н.В., Нелаева Г.А.* Память о преступлениях колониальной эпохи в Бельгии 139

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

- Третьякова М.Ч.* Сужение славянского культурно-языкового пространства в Южных Балканах в первой половине XX в.152

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ

- Щипков А.В.* Значение культурно-исторического подхода для современного политического сознания 164

РАЗМЫШЛЯЯ О ПРОЧИТАННОМ

- Фадеева Л.А.* Конструктивные подходы к анализу конструируемой идентичности 175

Трибуна молодого ученого

- Тамби С.А.* Евроскептицизм в среде русскоязычного сообщества Эстонии: современные тренды и перспективы 184

КОНКУРС МОЛОДЫХ МЕЖДУНАРОДНИКОВ СНГ им. А.А. ГРОМЫКО

- Маркевич Д.С.* Союзное государство в условиях цифровой трансформации экономики 193

- Рыпневская А.С.* Перспективы взаимодействия государств-участников СНГ 203

РЕЦЕНЗИИ

- Сошнев А.Н., Сошнева Е.Б.* Государственная теория денег 212

*Точка зрения авторов публикуемых материалов
может не совпадать с мнением редколлегии журнала.*

*Подписка на наш журнал производится
в отделениях связи по каталогу “Роспечать”, индекс 79701
и объединённому каталогу “Пресса России”, индекс 14492*

УДК 324

ОСОБЕННОСТИ ФОРМАТОВ ДВУСТОРОННЕГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ США И ЕС ПРИ АДМИНИСТРАЦИИ ДЖ. БАЙДЕНА

© 2024 **ШАРИКОВ Павел Александрович**

Кандидат политических наук

Ведущий научный сотрудник Отдела европейской интеграции

Института Европы РАН

125009, Россия, Москва, Моховая ул., дом 11, стр. 3

E-mail: pasha.sharikov@gmail.com

Поступила в редакцию 08.07.2023

Принята к публикации 13.03.2024

Аннотация. Статья посвящена состоянию и перспективам институционализации двусторонних отношений ЕС и США. В силу комплекса международных и внутривнутриполитических процессов после 2020 г. наметилось очередное сближение в отношениях США и Евросоюза. Амбициозная повестка дня двусторонних отношений предполагает не только достижение конкретных результатов, но и развитие конкретных форматов сотрудничества, направленных на долгосрочное взаимодействие, что позволит не зависеть от текущей внутривнутриполитической конъюнктуры в Вашингтоне и Брюсселе. Период с 2021 по 2023 г. оказался наиболее благоприятным для учреждения таких форматов, учитывая отход от изоляционистской внешнеполитической доктрины Белого дома, при поддержке большинства Демократической партии в Конгрессе, заинтересованности Евросоюза в расширении двустороннего взаимодействия и международной турбулентности, требующей координации совместных усилий. В статье особое внимание уделено сотрудничеству в различных форматах исполнительной власти, в первую очередь, по конкретным направлениям в рамках Совета по торговле и технологиям, а также ряду стратегических диалогов по различным темам. Развитие форматов сотрудничества направлено на консолидацию экономических и технологических ресурсов США и Европы, прежде всего, для стратегического соперничества с Китаем.

Ключевые слова: трансатлантические отношения, двустороннее взаимодействие, институты сотрудничества, международная безопасность, двусторонняя торговля

DOI: 10.31857/S0201708324020013

В 2020 г. Демократическая партия США одержала победу на выборах. Дж. Байден победил действующего республиканского президента, представители Демократической партии получили большинство в Сенате и сохранили большинство в Палате Представителей. Такая комбинация внутривластных сил в США означала, что изоляционистский внешнеполитический курс, намеченный Д. Трампом, будет радикально пересмотрен. Одним из приоритетов внешней политики администрации Байдена стало трансатлантическое направление. Важнейшими партнёрами Вашингтона в Европе являются Евросоюз, прежде всего Германия и Франция и Британия (вышедшая из состава ЕС за период администрации Трампа).

Двусторонняя повестка дня отношений США и ЕС включает множество вопросов в области экономики, торговли и инвестиций, в сфере безопасности, глобальных вызовов и угроз, в частности: тарифная политика, противодействие изменению климата, стратегическое соперничество против Китая. За последние десятилетия отношения США и ЕС развивались весьма динамично, менялись приоритеты, появлялись новые противоречия, возникали новые сферы взаимодействия. Единственным международным институтом сотрудничества, включающим страны Северной Америки и Европы, является НАТО. Однако с распадом СССР вопросы безопасности перестали доминировать в двусторонней повестке по сравнению с вопросами экономики. Некоторые американские эксперты обращали внимание на то, что комплексному сотрудничеству США и ЕС препятствует¹ отсутствие или слабая эффективность институтов двустороннего взаимодействия. Более того, со временем Евросоюз всё большее внимание уделял вопросам безопасности, в связи с чем активизировалось сотрудничество как с США, так и с НАТО [Coelmont, 2023].

США и ЕС – два центра силы в современных международных отношениях, интересы которых в экономике, идеологии и военно-политической сфере совпадают в значительно большей степени, чем с другими партнёрами. Поэтому формат отношений Вашингтона и Брюсселя выходит за рамки обычной дипломатии и подразумевает нестандартные форматы взаимодействия. В отличие от обычной дипломатической работы устойчивые форматы двустороннего сотрудничества предполагают преемственность и независимость от текущей внутривластной конъюнктуры.

При этом развитие двустороннего сотрудничества не исключает наличия конфликтов. Наблюдатели обращают внимание на то, что серьезным вызовом двусторонним отношениям в сфере безопасности стали последствия вывода американских войск из Афганистана в 2021 г. [Knutsen, 2022]. Форматы сотрудничества США и

¹ Eizenstat Stuart. Wanted: a new framework for US-EU relations. Deeper co-operation in both the military and economic spheres is essential. Financial Times July 30, 2023. URL: <https://www.ft.com/content/f94a4b1d-72af-4f93-ad6e-efc30a78c535> (дата обращения: 08.04.2024).

ЕС можно рассматривать, во-первых, в контексте развития институтов ЕС и процессов европейской интеграции [Потемкина, 2020; Кавешников, 2020; Бабынина, 2022; Smith, 2004]. Во-вторых – в контексте конкретных направлений двустороннего сотрудничества США – ЕС [Приходько, 2021; Портанский, 2023; Гегелашвили, 2021; Меньшикова, 2021; Белоусов, 2022; Harris, Steinberg, 1993; Weiner, 2022; Van der Loo, Aktoudianakis and Vandenbussche, 2021].

Развитие форматов двустороннего сотрудничества и повышение их эффективности стало одной из задач администрации Байдена, тем более что до 2023 г. решения Белого дома поддерживались большинством Демократической партии в обеих палатах Конгресса.

Особенности взаимодействия между руководством США и ЕС

Приоритетность европейского направления во внешней политике Вашингтона является продолжением политики администрации Барака Обамы. Вместе с тем со времён предыдущей демократической администрации трансформировался региональный баланс сил в Европе. В первую очередь, изменения обусловлены выходом Соединённого Королевства из ЕС. В контексте трансатлантического взаимодействия брекзит поставил комплекс новых вопросов, требующих решения в отношениях США и Британии, прежде всего в установлении торгово-экономических отношений за пределами ЕС. Вместе с тем статус институтов ЕС во внешней политике США повысился. Двусторонние отношения с каждым из государств ЕС сохранились, однако многие проблемы требовали коллективного решения. В отношениях с Британией в июне 2021 г., на полях саммита «группы семи», президент Дж. Байден и премьер-министр Б. Джонсон подписали Новую атлантическую хартию¹. Она символизировала восстановление трансатлантического единства, приверженность идеалам демократии и «особые отношения». Декларировалось, что стороны будут совместно противостоять старым и новым вызовам безопасности, в частности вмешательству во внутренние дела, и дезинформации.

В ходе своей первой зарубежной поездки президент Байден отправился в Европу. Одним из ключевых мероприятий визита стал саммит США – ЕС 15 июня 2021 г. в Брюсселе. По его итогам было принято амбициозное заявление², в котором отмечено, что стороны намерены обновить трансатлантическое сотрудничество. Со стороны ЕС во встрече приняли участие председатель Европейского совета Шарль Мишель и председатель Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен. Итоговое совместное заявление, принятое на саммите США – ЕС в октябре 2023 г.³, было

¹ The New Atlantic Charter, June 10, 2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/06/10/the-new-atlantic-charter/> (дата обращения: 08.04.2024).

² U.S.-EU Summit Statement. June 15, 2021, Brussels. URL: <https://useu.usmission.gov/u-s-eu-summit-statement/> (дата обращения: 08.04.2024).

³ U.S.-EU Summit Joint Statement. October 20, 2023. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/10/20/u-s-eu-summit-joint-statement/> (дата обращения: 08.04.2024).

менее оптимистичным. За два года сторонам так и не удалось достичь компромисса по ряду вопросов. В частности, нерешённым оставались вопросы тарифов, сохранились и противоречия по введению ограничительных мер на торговлю высокими технологиями с Китаем.

Вскоре после саммита в 2021 г. Вашингтон сменил посла в ЕС. На эту должность назначили Марка Гитенштейна, в прошлом посла в Румынии, имеющего богатый опыт работы в Сенате, в комитетах по юстиции и по разведке, в том числе под руководством Дж. Байдена. На сенатских слушаниях в сентябре 2021 г. он заявил, что намерен защищать американские интересы в ЕС в соответствии с приоритетами, обозначенными в совместном заявлении по итогам саммита. Гитенштейн намеревался уделить особое внимание двустороннему сотрудничеству с различными институтами ЕС, включая межпарламентское взаимодействие Конгресса и Европарламента¹. Летом 2022 г., в годовщину саммита США – ЕС, американская миссия в Брюсселе отчиталась о достигнутых результатах².

Формат двусторонних саммитов не предполагает долгосрочного планирования и преемственности при смене власти в разных странах. Он оказывается полезен для амбициозных политических деклараций, а также для подведения итогов проделанной работы. С этой целью администрация Дж. Байдена возобновила работу созданных ранее форм двустороннего сотрудничества по различным сферам, как и инициировала новые [Question time ..., 2023]. В частности, весьма эффективным оказались форматы Советов на министерском уровне. В рамках сотрудничества внешнеполитических ведомств сохраняется взаимодействие в формате «стратегических диалогов».

Взаимодействие на уровне исполнительной власти

Первое заседание Совета по торговле и технологиям, СТТ (Trade and Technology Council) состоялось 29 сентября 2021 г. в Питтсбурге (США, штат Пенсильвания). В совместном заявлении³, принятом по итогам встречи, сформулированы следующие цели Совета: рост двусторонней торговли и инвестиций, снижение лишних технических препятствий в торговле, координация и поиск общих целей, усиление глобального сотрудничества в цифровой технологической сфере, поддержка общих

¹ Statement of Mark Gitenstein, Nominee for Representative of the United States to the European Union, Submitted to the Senate Foreign Relations Committee September 28, 2021. URL: https://www.foreign.senate.gov/imo/media/doc/092821_Gitenstein_Testimony.pdf (дата обращения: 08.04.2024).

² A year of milestone achievements in the U.S.-EU relationship, by USEU mission, June 15, 2022. URL: <https://useu.usmission.gov/a-year-of-milestone-achievements-in-the-u-s-eu-relationship/> (дата обращения: 08.04.2024).

³ EU-US Trade and Technology Council Inaugural Joint Statement September 29, 2021 Pittsburgh, Pennsylvania. European Commission. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/STATEMENT_21_4951 (дата обращения: 08.04.2024).

исследований и научных обменов, продвижение инновационной деятельности, обеспечение лидерства американских и европейских компаний.

СТТ является продолжением идеи Трансатлантического торгового и инвестиционного партнёрства, переговоры о создании которого велись с ЕС администрацией Обамы с 2013 г., но безуспешно. Окончательно они были остановлены администрацией Трампа. Деятельность Совета не предполагает принятия каких-либо обязательств (зона свободной торговли, соглашения по тарифам и пр.), но является площадкой для обмена мнениями и выработки общей политики в сфере торговли, инвестиций и технологий. Заседания СТТ проходят с участием торговых представителей, государственного секретаря с американской стороны и вице-председателей Еврокомиссии со стороны ЕС.

С момента учреждения СТТ весной 2021 г. состоялось четыре встречи на министерском уровне. Цель состояла в том, чтобы создать в рамках трансатлантического пространства благоприятные условия и доверительную среду для коммерческих компаний, развивающих современные информационные технологии. Совместные усилия США и ЕС должны были продемонстрировать преимущества демократического регулирования, включающие права и свободы человека и верховенство права по сравнению с авторитарными методами. Важным направлением работы Совета является координация политики, направленной на лишение Китая конкурентных преимуществ в высокотехнологичной сфере. В то же время ключевые противоречия в отношениях между Вашингтоном и Брюсселем также относятся к сфере торговли и экономического взаимодействия.

Одним из важнейших успехов, достигнутых в 2021 г., стало разрешение конфликта в торговом споре «Боинга» и «Аэробуса»¹. В заявлении Белого дома говорилось, что стороны согласились «отменить на пять лет введенные пошлины»². Кроме того, стороны «объединились, чтобы противодействовать нерыночным инструментам конкуренции китайских компаний». США и ЕС согласились придерживаться высоких стандартов, включая инвестиционное сотрудничество и обмен технологиями. «Такая модель отношений США – ЕС впоследствии может быть использована и для противодействия другим вызовам, возникающим в силу применения Китаем экономической модели нерыночных практик»³.

¹ Statement by President Joseph R. Biden, Jr. on Agreement with the European Union on Boeing-Airbus. June 15, 2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/06/15/statement-by-president-joseph-r-biden-jr-on-agreement-with-the-european-union-on-boeing-airbus/> (дата обращения: 08.04.2024).

² Конфликт, который длится уже более 15 лет связан с тем, что авиационная отрасль получает государственные субсидии. Отмена тарифов на товары и услуги в области авиационной отрасли означают, что США и ЕС не будут использовать административное влияние на торговые отношения в этой сфере.

³ FACT SHEET: U.S. – EU Understanding on a Cooperative Framework for Large Civil Aircraft. June 15, 2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/06/15/fact-sheet-u-s-eu-understanding-on-a-cooperative-framework-for-large-civil-aircraft/> (дата обращения: 08.04.2024).

Именно взаимодействие в сфере технологий оказалось в центре отношений США и ЕС. Усилия были направлены на то, чтобы развязать все конфликтные узлы, препятствующие эффективному сотрудничеству. Помимо урегулирования спора между «Боингом» и «Аэробусом» США и ЕС весной 2022 г. анонсировали сотрудничество в сфере защиты данных¹. Стороны ввели жесткие законы в области информационной безопасности, в частности о защите и гарантиях сохранения конфиденциальности персональных данных. Договор о создании режима защиты в процессе обмена персональными данными должен способствовать развитию бизнеса и разрешению возникающих споров. Государственные структуры с обеих сторон оказывают поддержку компаниям и национальным субъектам в соблюдении европейского и американского законодательства в области защиты персональных данных, обмен которыми неизбежен при развитии коммерческих отношений.

Администрация Байдена возродила ещё одну структуру трансатлантического сотрудничества, созданную при Обаме, – Совет по энергетической безопасности (US-EU Energy Council). Он был учреждён в 2009 г., и его единственное заседание состоялось в 2018 г. На девятом заседании в феврале 2022 г. обсуждался вопрос укрепления энергетической безопасности ЕС и соседних государств, прежде всего Украины и западнобалканских стран². В рамках этого направления сотрудничества усилия направлены на диверсификацию поставщиков энергетических носителей, типов топлива и транспортировки. Обсуждалась энергетическая политика, технологии и инновации для обеспечения перехода на чистую энергетику. Участники заседания подтвердили важность сотрудничества в достижении целей, поставленных в Парижском соглашении по климату.

В соответствии с приоритетами, принятыми по итогам саммита США – ЕС, возобновили работу некоторые треки двустороннего сотрудничества в отношении отдельных стран и регионов. Администрация Байдена продолжила встречи в рамках Стратегического диалога высокого уровня по Китаю. Он был учрежден еще администрацией Трампа³, но три из четырёх мероприятий в рамках диалога проведены при администрации Байдена.

Важным форматом взаимодействия являются консультации по отношениям со странами Индо-Тихоокеанского региона. США и ЕС подтвердили приверженность развитию отношений со странами ИТР и необходимость взаимодействия в рамках Партнёрства в области глобальной инфраструктуры и инвестиций («Partnership for

¹ Fact sheet: United States and European Commission Announce Trans-Atlantic Data Privacy Framework. March 25, 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/03/25/fact-sheet-united-states-and-european-commission-announce-trans-atlantic-data-privacy-framework/> (дата обращения: 08.04.2024).

² The ninth U.S.-EU Energy Council. February 7, 2022. Washington, D.C. URL: https://ec.europa.eu/info/news/ninth-us-eu-energy-council-2022-feb-07_en (дата обращения: 08.04.2024).

³ Launch of the U.S.-EU Dialogue on China. By USEU mission. October 26, 2020. URL: <https://useu.usmission.gov/launch-of-the-u-s-eu-dialogue-on-china/> (дата обращения: 08.04.2024).

Global Infrastructure and Investment») и проекта «глобальные ворота» «Global Gateway»). Особенно была отмечена важность обмена информацией между финансовыми институтами США и Евросоюза.

США и ЕС выступают с единой позицией по вовлечению в свою орбиту государств Африканского континента, в частности региона Сахеля и АТР. В итоговом совместном заявлении, принятом на саммите в 2023 г., стороны отметили необходимость укрепления взаимодействия с Экономическим сообществом стран Западной Африки (ECOWAS) и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (ASEAN). Кроме того, внимание было уделено приоритетам «Стратегии 2050» Форума тихоокеанских островов¹. США и ЕС отдельно отметили приверженность положениям Конвенции ООН по международному морскому праву в контексте мирного разрешения конфликтов в АТР. Очевидно, что такая формулировка отражает позицию США и ЕС относительно территориальных споров в Южно-Китайском море.

Межпарламентское взаимодействие США и ЕС

Большое внимание в рамках сотрудничества США и ЕС уделено межпарламентскому взаимодействию. С 1972 г. члены американской Палаты представителей дважды в год встречаются с депутатами Европарламента в рамках «Трансатлантического диалога законодателей» (Transatlantic Legislators' Dialogue, TLD). Комитет по диалогу с США в Европарламенте является одним из самых многочисленных и одним из старейших. Спикер Палаты представителей 117-го созыва (2021–2022) Нэнси Пелоси назначила сопредседателем с американской стороны конгрессмена Джима Косту². Он предпринял попытку повысить статус Трансатлантического диалога, предложив законопроект в Конгрессе³, предусматривавший назначение членов диалога руководством обеих палат. Принятие законопроекта обеспечило бы участие представителей обеих американских партий в диалоге, но он не был принят. Сопредседателем со стороны ЕС стал Радослав Сикорски, представитель Польши, член Европейской народной партии. Менее чем через две недели после последней встречи диалога, состоявшейся в декабре 2023 г., он был назначен министром иностранных дел Польши. Статус межпарламентского взаимодействия также усиливается по мере «роста влияния Европарламента в системе институтов ЕС» [Кавешников, 2020].

¹ 2050 Strategy for the Blue Pacific Continent / Pacific Islands Forum Secretariat. Suva, Fiji: Pacific Islands Forum Secretariat, 2022. URL: <https://www.forumsec.org/wp-content/uploads/2022/08/PIFS-2050-Strategy-Blue-Pacific-Continent-WEB-5Aug2022.pdf> (дата обращения: 08.04.2024).

² In the 117th Congress, Representative Jim Costa, a Democrat from California, was appointed by Speaker Nancy Pelosi as the new US TLD Co-Chair. URL: <https://www.europarl.europa.eu/tld/en/about/us-organisation> (дата обращения: 08.04.2024).

³ H.R.6624 – Transatlantic Legislators' Dialogue Act, 117th Congress (2021–2022). URL: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/6624> (дата обращения: 08.04.2024).

После промежуточных выборов в ноябре 2022 г. Республиканская партия получила незначительное большинство в Палате представителей. Однако опасения демократов о возможной потере влияния в целом оказались напрасными, учитывая, что преимущество республиканцев незначительно, а позиции демократов в Сенате даже усилились. Кроме того, по большинству приоритетов сотрудничества с Европой представители Демократической и Республиканской партий не имеют фундаментальных противоречий. Судя по характеру отношений США и ЕС в 2021–2022 гг. можно отметить тенденцию на институционализацию сотрудничества, учреждение новых или возрождение старых форматов взаимодействия с участием высших должностных лиц исполнительной и законодательной ветвей власти.

В заявлении, принятом в ходе последней встречи Трансатлантического диалога законодателей в декабре 2023 г., отмечены приоритеты сотрудничества США и ЕС, направленные на «стабильное и доверительное партнёрство США и ЕС, которое является не предметом партийных разногласий, а фундаментальным общим интересом»¹. Участники диалога призвали расширить работу Совета по торговле и технологиям за счёт межпарламентского взаимодействия.

В ходе мероприятий, проводимых в рамках диалога законодателей, обсуждается комплекс вопросов, связанных с разработкой и принятием законодательства с целью максимальной эффективности двустороннего взаимодействия. Одной из таких проблем является внутреннее регулирование работы с персональными данными, конфиденциальной информацией и коммерческой тайной. Как в США, так и ЕС в последние годы принимались законы, препятствующие более тесному взаимодействию в сфере информационных технологий. В совокупности работа в формате межпарламентского сотрудничества и взаимодействия на уровне исполнительной власти дополняют друг друга и призваны устранить противоречия. Развитие национального экономического информационно-технологического потенциала регулируется национальным законодательством в то время, как внешнеполитические структуры исполнительной власти стремятся интенсифицировать двустороннее сотрудничество.

Проблемы двусторонних отношений США и ЕС

Различные форматы взаимодействия США и ЕС предполагают не только сотрудничество, но служат площадками для разрешения конфликтов. Одним из противоречий в двусторонних отношениях, оставшихся со времён протекционистской торгово-экономической политики администрации Д. Трампа, остались введённые Вашингтоном пошлины на сталь и алюминий. Сразу же после вступления Дж. Байдена в должность Еврокомиссия пролоббировала отмену тарифов, предусмотренных в секции 232 Закона о торговле, аргументируя это тем, что Евросоюз не может

¹ Joint Statement. 87th EU-US Inter-Parliamentary Meeting Transatlantic Legislators' Dialogue. Washington DC 1 December 2023. URL: <https://www.europarl.europa.eu/cmsdata/279643/Joint%20Statement%20-%2087th%20TLD%20-%20Washington%20DC%201%20Dec%202023.pdf> (дата обращения: 08.04.2024).

являться «угрозой национальной безопасности США». Спор был разрешен на встрече в рамках Совета по торговле и технологиям [Van der Loo G., Aktoudianakis A., Vandebussche T., 2021]. Более того, наряду с отменой тарифов была достигнута договорённость о совместной работе, направленной на противодействие торговым практикам Китая, ограничивающим конкурентоспособность США и Европы. Европейские партнёры выражали надежду, что полноценное соглашение будет заключено до саммита, намеченного на октябрь 2023 г. [Varkin, 2023]. В 2021 г. стороны взяли обязательство разрешить вопрос за два года¹ – к 31 октября 2023 г., однако в силу внутривластных причин, вопрос так и остался нерешённым. Снижение тарифов в США могло негативно отразиться на металлургической отрасли экономики, что, в свою очередь, повлияло бы на результаты президентских и парламентских выборов в США в ноябре 2024 г. В силу комплекса сложных внутривластных причин в США поставленная задача в двусторонних отношениях не была достигнута.

Не менее актуальной является выработка общей политики в отношении Китая. Назначенный на июнь 2023 г. саммит ЕС – Китай был перенесен в связи с тем, что Вашингтону и Брюсселю требовалось выработать общую позицию, о чём было заявлено на саммите США – ЕС в октябре 2023 г. Отношения с Пекином занимают, возможно, центральное место в рамках направлений сотрудничества Вашингтона и Брюсселя. В отличие от совместной позиции по конфликту в секторе Газа или Украине позиция США и ЕС относительно китайского направления менее однозначна. Противоречия обусловили весьма умеренные и осторожные формулировки в совместном заявлении на октябрьском саммите. В частности, если в 2021 г. позиция по Китаю была сформулирована как «включающая элементы сотрудничества, конкуренции и систематического соперничества», то в 2023 г. стороны намеревались «выстраивать конструктивные и стабильные отношения [с Китаем], признавая важность откровенного диалога и выражения своих тревог непосредственно Пекину». Позиция США более агрессивна: Вашингтон предпринимал ряд односторонних мер экономического давления на Пекин в то время, как Брюссель придерживается более мягкой риторики, воздерживаясь, к примеру, от резких заявлений о Тайване.

Стороны отмечали необходимость и важность откровенного диалога с Пекином, признавая роль Китая в мировой экономике и международных отношениях. Вместе с тем США и ЕС декларировали намерение сочетать взаимодействие в области противодействия общим вызовам и угрозам с сотрудничеством в сферах общих интересов. Различные меры экспортного контроля не направлены на прекращение экономического сотрудничества, но на обеспечение собственной безопасности и противодействие нерыночным экономическим практикам. Стороны призвали Китай оказать влияние на Россию в контексте украинского конфликта,

¹ Joint US-EU Statement on Trade in Steel and Aluminum. October 31, 2021. URL: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/press-releases/2021/october/joint-us-eu-statement-trade-steel-and-aluminum> (дата обращения: 08.04.2024).

не исключая, таким образом, возможность участия Пекина в посредничестве в мирных переговорах.

В конце 2023 г. состоялись двусторонние встречи на высшем уровне между руководством США и Китая, а также ЕС и Китая. Встреча президента Байдена с Си Цзиньпином состоялась в США в рамках саммита Индо-Тихоокеанской экономической структуры (IPEF)¹. А в начале декабря в Пекине состоялась встреча руководства Европейского союза с лидерами Китая². В ходе встреч были подтверждены приоритеты, продекларированные на двусторонних встречах США и ЕС в отношении Китая.

Взаимодействие США и ЕС в сфере безопасности остаётся одним из приоритетов двусторонних отношений, однако значительная часть вопросов в рамках этого направления решается в Североатлантическом альянсе. Кроме того, в наметившемся стратегическом противостоянии с Китаем более приоритетны политико-экономические вопросы. В связи с этим большое внимание уделяется двустороннему взаимодействию в сфере торговли и инвестиций, в особенности в сфере высоких технологий, киберпространства, цифровой экономики и пр.

Выводы

Начиная с 2021 г. в отношениях США и ЕС наметилось новое сближение. Наряду с противоречиями политические элиты США и ЕС солидарны в том, что приоритетом двустороннего взаимодействия должно быть сотрудничество, связанное не только с защитой национальных интересов, но и направленное на совместное решение актуальных проблем мировой политики. В системе международных отношений, судя по всему, наблюдается возвращение «блокового» противостояния. Если после окончания холодной войны усиливалась экономическая конкуренция США с европейцами, то в 2020-е гг. в отношениях между участниками трансатлантических отношений в целом преобладает сотрудничество. При этом формат их взаимодействия всё в большей степени предполагает коллективную конкуренцию и соперничество с Китаем.

Процессы европейской интеграции в последние годы привели к тому, что ЕС стремится достичь статуса мирового экономического центра силы, а в рамках трансатлантических отношений назрела необходимость усиления и повышения значимости форматов двустороннего сотрудничества. Сходство идеологий, общие экономические интересы и военно-политические задачи обусловили тесное взаимодействие США и ЕС, выходящее за рамки обычной дипломатии. С целью уста-

¹ Readout of President Joe Biden's Meeting with President Xi Jinping of the People's Republic of China. November 16, 2023. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/11/15/readout-of-president-joe-bidens-meeting-with-president-xi-jinping-of-the-peoples-republic-of-china-2/> (дата обращения: 08.04.2024).

² 24th EU-China Summit: engaging to promote our values and defend our interests. December 7 2023 URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_23_6431 (дата обращения: 08.04.2024).

новления долгосрочного взаимодействия, Вашингтон и Брюссель поставили задачу обеспечить институциональную преемственность двусторонних отношений, не зависящую от текущей политической конъюнктуры. Повышение эффективности форматов двустороннего взаимодействия США и ЕС направлены на обеспечение преемственности и последовательности в проведении скоординированной внешней политики независимо от избирательных циклов в странах участниках. После прихода к власти в США демократической администрации Дж. Байдена особое внимание в двусторонних отношениях уделялось взаимодействию в рамках существующих или вновь учреждённых структур – на уровне исполнительной и законодательной ветвей власти.

Судя по тому, как развивается президентская кампания в Соединённых Штатах, высокая вероятность того, что в 2025 г. в Белый дом вернётся Д. Трамп. Если в Конгрессе Республиканская партия укрепит свои позиции, можно ожидать резких изменений и во внешней политике Вашингтона. Во время предвыборной кампании 2024 г. Дональд Трамп уже делал заявления о том, что коммерческие интересы США будут доминировать над политическими¹. Реализация такой политики стала бы вызовом для различных форматов взаимодействия США и ЕС.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бабынина Л.О. (2022) Постбрекзит: от интеграции к конфронтации. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. № 6(30). С. 24–31. DOI: 10.15211/vestnikieran620222431

Белуосов В.С. (2022) Регулирование технологий искусственного интеллекта: опыт США, Китая и ЕС. *Экономика и предпринимательство*. № 12(149). С. 132–137. DOI: 10.24412/2072-8042-2022-8-20-35

Гегелашвили Н.А. (2021) Нагорно-Карабахский конфликт: интересы США и позиция ЕС. *Россия и новые государства Евразии*. № 3(52). С. 140–152. DOI: 10.20542/2073-4786-2021-3-140-152

Кавешников Н.Ю. (2020) Влияние трансформации партийно-политического пространства Евросоюза на организацию и функционирование европарламента. *Современная Европа*. № 2(95). С. 163–175. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22020163175>

Меньшикова А.М. (2021) Перспективы развития торгово-экономических отношений США с ЕС при администрации Джо Байдена. *США и Канада: экономика, политика, культура*. Т. 51. № 8. С. 52–68. DOI: 10.31857/S268667300016024-6

Портанский А.П. (2023) ЕС – США: новые барьеры в торговле. *Современная Европа*. № 4(118). С. 119–131. DOI: 10.31857/S020170832304006X.

Потемкина О.Ю. (2020) Европейский союз в поисках идеальной системы управления. *Аналитические записки Института Европы РАН*. № 3(186). С. 1–8. DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics32020>

Приходько О.В. (2021) США–ЕС: новые приоритеты в трансатлантических отношениях. *Россия и Америка в XXI веке*. № 4. DOI: 10.18254/S207054760017913-1

¹ Andrew Gray, Charlotte Van Campenhout. Trump told EU that US would never help Europe under attack – EU official. Reuters. January 11, 2024. <https://www.reuters.com/world/we-will-never-help-europe-under-attack-eu-official-cites-trump-saying-2024-01-10/> (дата обращения: 08.04.2024).

Barkin, N., (2023) Watching China in Europe. German Marshall Fund insights. September 1, 2023. URL: <https://www.gmfus.org/news/watching-china-europe-september-2023> * (accessed: 15.09.2023).

Coelmont J., (2023) A “military pillar” in the European Union: Crisis management, Capabilities and Coherence (3 Cs) – And EU-US Cooperation (a 4th C). Egmont Policy Brief 310, June 2023. URL: https://www.egmontinstitute.be/app/uploads/2023/06/Jo-Coelmont_Policy_Brief_310_vFinal.pdf (accessed: 15.09.2023).

Harris, Scott A., Steinberg, James. (1993) European Defense and the Future of Transatlantic Cooperation. RAND Corporation monograph report. 1993. URL: https://www.rand.org/pubs/monograph_reports/MR276.html (accessed: 15.09.2023).

Knutsen B. (2022) A Weakening Transatlantic Relationship? Redefining the EU–US Security and Defence Cooperation. *Politics and Governance*, 10(2), pp. 165–175. doi:<https://doi.org/10.17645/pag.v10i2.5024>

Question time: Strengthening transatlantic ties in a challenging multilateral world (2023) At a Glance Plenary – March I 2023. European Parliament. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2023/745667/EPRS_ATA\(2023\)745667_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2023/745667/EPRS_ATA(2023)745667_EN.pdf) (accessed: 15.09.2023).

Smith, Michael. (2004) Europe's Foreign and Security Policy: The Institutionalization of Cooperation. URL: <https://www.cambridge.org/core/books/europes-foreign-and-security-policy/21A2C70B2B726974AF9B421073647972> (accessed: 15.09.2023). 10.1017/CBO9780511491702.

Van der Loo G., Aktoudianakis A., Vandenbussche T. (2021) The EU–US Trade and Technology Council: mapping the challenges and opportunities for transatlantic cooperation on trade, climate and digital. Egmont papers. September 13, 2021. URL: <https://www.egmontinstitute.be/the-eu-us-trade-and-technology-council-mapping-the-challenges-and-opportunities-for-transatlantic-cooperation-on-trade-climate-and-digital/> (accessed: 15.09.2023).

Weiner Eli, (2022) Transatlantic Cooperation on Semiconductors. German Marshall Fund Insights. April 20, 2022. URL: <https://www.gmfus.org/news/transatlantic-cooperation-semiconductors> * (accessed: 15.09.2023).

Specifics of Bilateral US-EU Relations under J. Biden Administration

P.A. Sharikov

Candidate of Sciences (Politics)

Senior research fellow, Center for European integration studies

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences

11-3, Mokhovaya St., Moscow, Russia, 125009

E-mail: pasha.sharikov@gmail.com

* Германский фонд Маршалла Соединенных Штатов (США) включен Министерством Юстиции Российской Федерации в Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации.

Abstract. The article is dedicated to current state of affairs and perspectives of institutionalization of US-EU relations. Due to different international and domestic political reasons, after the 2020 the two sides declared a rapprochement. The US is likely to remain the most influential center of power of the current system of international affairs. Due to the process of European integration, the EU acquired an ability to behave as an international actor and the US' global partner. An ambitious bilateral agenda includes not only pragmatic goals, but a long-term intention to cooperate. Institutions of bilateral relations are supposed to build strategic partnership regardless of concrete political situation. The period from 2021 to 2023 were favorable for such efforts, because of the White House retreat from the isolationist foreign policy. The article explores different formats of cooperation between the US and the EU with special focus on high level cooperation. Interparliamentary connections between the US Congress and European Parliament play a special role in institutionalizing the relations. Special attention is paid to the new frameworks of executive branch cooperation, such as Council for Trade and Technology, as well as a number of Strategic Dialogues on different topics. Institutionalization of bilateral relations is aimed at consolidation of economic and technological resources for strategic confrontation against China.

Key words: transatlantic relations, bilateral institutes of cooperation, international security, bilateral trade and investment

DOI: 10.31857/S0201708324020013

REFERENCES

- Babynina L. (2022) Postbrenxit: ot integracii k konfrontacii [Postbrenxit: from integration towards confrontation]. *Nauchno-analiticheskiy vestnik Instituta Evropy RAN*, 6(30), pp. 24–31. DOI: 10.15211/vestnikieran620222431 (In Russian).
- Barkin, N., (2023) Watching China in Europe. German Marshall Fund insights. September 1, 2023. URL: <https://www.gmfus.org/news/watching-china-europe-september-2023> * (accessed: 15.09.2023).
- Belousov V. (2022) Regulirovanie tehnologii iskusstvennogo intellekta: opyt SSHA, Kitaya i ES [Artificial intelligence regulations: American, Chinese and EU experience]. *Ekonomika i predprinimatelstvo*, 12(149), pp. 132–137. DOI: 10.24412/2072-8042-2022-8-20-35 (In Russian).
- Coelmont J., (2023) A “military pillar” in the European Union: Crisis management, Capabilities and Coherence (3 Cs) – And EU-US Cooperation (a 4th C). Egmont Policy Brief 310, June 2023. URL: https://www.egmontinstitute.be/app/uploads/2023/06/JoCoelmont_Policy_Brief_310_vFinal.pdf (accessed: 15.09.2023).
- Gegelashvili N. (2021) Nagorno-Karabakhskiy Konflikt: interesy SSHA i pozitsia ES [Nagorno-Karabakh conflict: US interests and European position]. *Russia and new states in Eurasia*, 3(52), pp. 140–152. DOI: 10.20542/2073-4786-2021-3-140-152 (In Russian).

* Германский фонд Маршалла Соединенных Штатов (США) включен Министерством Юстиции Российской Федерации в Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации.

Harris, Scott A., Steinberg, James. (1993) European Defense and the Future of Transatlantic Cooperation. RAND Corporation monograph report. 1993. URL: https://www.rand.org/pubs/monograph_reports/MR276.html (accessed: 15.09.2023).

Kaveshnikov N. (2020) Vlinyaniye transformatsii partiino-politicheskogo prostranstva Evrosoyuza na organizatsiyu I funkcionirovaniya evroparlamenta [Transformation of Party and Political Space of the European Union and Its Influence on the Organization and Functioning of the European Parliament]. *Sovremennaya Evropa*, 2, pp. 163–175. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22020163175> (In Russian).

Knutsen B. (2022) A Weakening Transatlantic Relationship? Redefining the EU–US Security and Defence Cooperation. *Politics and Governance*, 10(2), pp. 165–175. doi:<https://doi.org/10.17645/pag.v10i2.5024>

Menshikova A. (2021) Perspektivy razvitiya torgovo-economiceskikh otnosheniy SSHA s ES pri administratsii Dzhо Baidena [Perspectives of development of trade economic relations under the Joe Biden administration]. *SSHA i Kanada: ekonomika, politika, istoria*, 51(8), pp. 52–68. DOI.10.31857/S268667300016024-6 (In Russian).

Portanskiy A. (2023) ES-SSHA: novye bariery v torgovle [EU-USA: new trade barriers]. *Sovremennaya Evropa*, 4(118), pp. 119–131. DOI: 10.31857/S020170832304006X (In Russian).

Potemkina O. (2020) Evropeiskiy soyuz v poiskah idealnoy sistemy upravleniya [European Union in search of a perfect governance system]. *Analiticheskiye zapiski Instituta Yevropy RAN*, 3(186), pp. 1–8. DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics32020> (In Russian).

Prikhodko O. (2021) SSHA–ES: novye priorityety v transatlanticheskikh otnosheniyah [USA–EU: New priorities in transatlantic relations]. *Rossiya i Amerika v XXI veke*, 4. DOI: 10.18254/S207054760017913-1 (In Russian).

Question time: Strengthening transatlantic ties in a challenging multilateral world (2023) At a Glance Plenary – March I 2023. European Parliament. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2023/745667/EPRS_ATA\(2023\)745667_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2023/745667/EPRS_ATA(2023)745667_EN.pdf) (accessed: 15.09.2023).

Smith, Michael. (2004) Europe's Foreign and Security Policy: The Institutionalization of Cooperation. URL: <https://www.cambridge.org/core/books/europes-foreign-and-security-policy/21A2C70B2B726974AF9B421073647972> (accessed: 15.09.2023). 10.1017/CBO9780511491702.

Van der Loo G., Aktoudianakis A., Vandenbussche T. (2021) The EU–US Trade and Technology Council: mapping the challenges and opportunities for transatlantic cooperation on trade, climate and digital. Egmont papers. September 13, 2021. URL: <https://www.egmontinstitute.be/the-eu-us-trade-and-technology-council-mapping-the-challenges-and-opportunities-for-transatlantic-cooperation-on-trade-climate-and-digital/> (accessed: 15.09.2023).

Weiner Eli, (2022) Transatlantic Cooperation on Semiconductors. German Marshall Fund Insights. April 20, 2022. URL: <https://www.gmfus.org/news/transatlantic-cooperation-semiconductors> * (accessed: 15.09.2023).

* Германский фонд Маршалла Соединенных Штатов (США) включен Министерством Юстиции Российской Федерации в Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации.

УДК 327.83

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ ЕС В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ¹

© 2024 **КУТЫРЕВ** Георгий Игоревич

Кандидат политических наук, доцент

Департамент международных отношений

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20

E-mail: gkutyrev@hse.ru

© 2024 **МАРЧУКОВ** Александр Николаевич

Кандидат политических наук, научный сотрудник

Департамент международных отношений

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20

E-mail: amarchukov@hse.ru

Поступила в редакцию 31.10.2023

Принята к публикации 13.03.2024

Аннотация. Статья посвящена анализу публичной дипломатии Европейского союза в Латинской Америке в условиях геополитической конфронтации Брюсселя с Москвой и роста влияния КНР. Стремление ЕС уменьшить политическое влияние России в Латинской Америке посредством инструментов публичной дипломатии актуализирует необходимость тщательного исследования специфики взаимодействия дипломатов Евросоюза с латиноамериканской общественностью. На основе методологии социального конструктивизма и существующей в его рамках теории нормативной силы выявлены характерные особенности публичной дипломатии ЕС в регионе и вызовы, с которыми сталкиваются европейские дипломаты в практической деятельности. Выделены следующие особенности публичной дипломатии ЕС в Латинской Америке: акцент на информационно-разъяснительной деятельности (*advocacy*), культурной дипломатии и академических обменах как ключевых инструментах взаимодействия с местной обществен-

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда по проекту № 22-78-10014.

ностью; функционирование в условиях положительного отношения большинства населения стран региона к ЕС; фокус на монологическую форму коммуникации в сфере цифровой дипломатии. К ключевым вызовам публичной дипломатии Брюсселя в латиноамериканских странах отнесены: дефицит финансовых и кадровых ресурсов; эффективная медиаполитика России и Китая; дифференциация стран Латинской Америки с точки зрения демократического развития, снижение возможности Евросоюза продвигать ценностно-нормативную повестку среди латиноамериканской аудитории. В среднесрочной перспективе маловероятно, что публичная дипломатия ЕС в регионе сможет качественно измениться.

Ключевые слова: Европейский союз, Латинская Америка, Китай, Россия, внешняя политика, публичная дипломатия, культурная дипломатия, академические обмены, цифровая дипломатия, нормативная сила

DOI: 10.31857/S0201708324020025

Латинская Америка – один из наиболее значимых регионов для внешнеполитических интересов Евросоюза [Ивановский, 2020]. Тесное экономическое сотрудничество и необходимость решения вопросов в сфере безопасности, социально-политического развития, защиты окружающей среды вынуждают ЕС активно использовать дипломатические средства для поддержания устойчивых отношений с государствами Латинской Америки¹. Для этого Брюссель использует публичную дипломатию – деятельность правительственных и неправительственных организаций, направленную на оказание влияния на зарубежную общественность [Зонова, 2017; Сутырин, 2020]. В условиях конфронтации с Россией и активной внешнеполитической деятельности Китая в Латинской Америке публичная дипломатия приобретает особое значение для Евросоюза, усиливая политическое влияние интеграционного объединения в регионе.

Актуальность исследования обусловлена недостатком работ, посвященных анализу публичной дипломатии ЕС в латиноамериканском регионе. В большинстве публикаций рассмотрены определенные направления публичной дипломатии Евросоюза в Латинской Америке [Calvano, 2019; Portolés, 2019; Ferreira-Pereira, Pinto, 2021] или дипломатическая практика в отдельно взятых странах [Azpiroz, 2016; Tremolada, Quiroga, 2022]. Стремление ЕС ослабить влияние России в регионе (в т. ч. за счет продвижения нарратива об ответственности Москвы за российско-украинский конфликт²) требует от отечественного академического сообщества тщательного анализа публичной дипломатии Брюсселя.

¹ Jütten M. Strengthening ties: A new agenda for the EU's relations with Latin America and the Caribbean. European Parliamentary Research Service. June 2023. URL: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI\(2023\)749791](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI(2023)749791) (дата обращения: 27.10.2023).

² Joint Communication to the European Parliament and the Council: A New Agenda for Relations between the EU and Latin America and the Caribbean. 07.06.2023. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/documents/2023/JOIN_2023_17_1_EN_ACT_part1 (дата обращения: 27.10.2023).

В исследовании выявлены характерные черты публичной дипломатии ЕС в Латинской Америке и вызовы для европейских дипломатов в практической деятельности. Авторы оценивают перспективы развития публичной дипломатии ЕС в среднесрочной перспективе (в течение 5 лет). Методологическим основанием исследования выступает социальный конструктивизм, придающий важное значение нормам в международных отношениях [Jepperson et al., 1996]. Согласно взглядам Й. Мэннерса, Евросоюз способен формировать представления о норме в мировой политике [Manners, 2002]. Нормативная сила ЕС основана на приверженности идеям свободы и демократии, верховенства права и уважения прав человека и открывает для Брюсселя возможность влиять на поведение зарубежных государств через диффузию собственных основополагающих норм. Публичная дипломатия – один из проводников ценностей и идеалов Евросоюза в зарубежных странах.

Эмпирическую базу исследования составляют официальные документы ЕС. Важный вклад в понимание специфики исследуемой проблемы внесли работы ученых, исследующих практику публичной дипломатии в Латинской Америке, в т. ч. труды М. Аспирос, Дж. Портолеса, А.А. Канунникова, Р. Домингеса [Azpíroz, 2016; Portolés, 2019; Канунников, 2021; Dominguez et al., 2022].

Характерные черты публичной дипломатии ЕС в Латинской Америке

Согласно классификации британского историка Н. Калла [Cull, 2019], публичная дипломатия предстает совокупность пяти основных направлений дипломатической деятельности: культурной дипломатии, обменных программ, информационно-разъяснительной деятельности (*advocacy*), международного вещания и анализа общественного мнения с целью корректировки дипломатических усилий (*listening*). Эти направления реализуются как в традиционной, так и в цифровой форме (в рамках цифровой дипломатии).

Характерный признак публичной дипломатии Евросоюза в Латинской Америке – использование культурной дипломатии, обменных программ и информационно-разъяснительной деятельности в качестве ключевых инструментов влияния. В странах региона дипломаты регулярно организуют различные культурные мероприятия, направленные на широкую общественность («День Европы», «Фестиваль кино стран ЕС» и др.) Помимо представительств ЕС значительный вклад в продвижение европейской культуры вносит Объединение институтов культуры стран Евросоюза (*European Union National Institutes for Culture, EUNIC*), работающее в 16 странах Латинской Америки [Calvano, 2019].

Евросоюз придает важное значение программам обмена (в т. ч. в академической сфере). Среди наиболее масштабных проектов выделяется программа «Эразмус Плюс» (*Erasmus+*), привлекающая талантливых студентов и преподавателей из Латинской Америки к стажировкам в европейских высших учебных заведениях. В 2015–2020 гг. 65% ее бюджета в регионе пришлось на участников из

Бразилии, Аргентины, Чили, Мексики и Колумбии¹.

Информационно-разъяснительная деятельность, как способ информирования зарубежной общественности о европейских ценностях и нормах, а также внешне-политическом курсе Евросоюза, прослеживается в работе делегаций ЕС с латиноамериканскими журналистами, политиками, представителями бизнеса, широкой общественностью (в т. ч. в социальных медиа). Вместе с культурной дипломатией и программами обмена данный вид деятельности с 2018 по 2023 г. в значительной степени реализовывался в рамках глобального проекта «Политико-образовательное партнерство в Латинской Америке»².

Значительный вклад в продвижение нормативной силы вносят неправительственные организации государств – членов (прежде всего Испании и Германии). Например, Фонд «Каролина» выделяет стипендии для учебы в Испании, организует культурные и научно-образовательные мероприятия. Немецкие политические фонды (Фонд имени Фридриха Эберта³, Фонд имени Конрада Аденауэра, Фонд имени Розы Люксембург) уделяют внимание демократизации общественно-политических структур в латиноамериканских странах, поддерживая проекты, направленные на расширение политического участия и развитие независимых СМИ [Канунников, 2021]. Укреплению политического влияния Брюсселя способствует деятельность Фонда Евросоюза и стран Латинской Америки и Карибского бассейна (*EU-LAC International Foundation*), который предлагает инициативы в сфере устойчивого развития, культуры и образования.

Международное вещание и анализ общественного мнения (*listening*) играют второстепенную роль в публичной дипломатии ЕС. Каналу «Евроныюз Эспаньол» (*Euronews Español*) – информационному рупору Евросоюза в Латинской Америке – сложно конкурировать с большим количеством крупных международных вещателей в регионе, таких как «RT на испанском» (*RT en Español*), «Си-эн-эн на испанском» (*CNN en Español*), «Си-джи-ти-эн на испанском» (*CGTN en Español*), которые обладают превосходящими финансовыми и кадровыми ресурсами. Кроме того, Брюссель только в 2015 и в 2021 гг. открыто организовывал исследования общественного мнения с целью выяснить отношение населения к ЕС. Они носили ограниченный характер по географическому охвату (опросы проводились в трех странах региона: Бразилии, Мексики и Колумбии)⁴.

¹ Erasmus+ for higher education in Brazil. URL: https://ec.europa.eu/assets/eac/erasmus-plus/factsheets/america-caribbean/brazil_erasmusplus_2020_en.pdf (дата обращения: 27.10.2023).

² Service for Foreign Policy Instruments. URL: https://fpi.ec.europa.eu/projects/eu-policy-and-outreach-partnerships_en (дата обращения: 27.10.2023).

³ Внесен в Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории РФ (№ 256-р от 01.03.2024).

⁴ Analysis of the perception of the EU and EU's policies abroad. Final report. 07.12.2015. URL: https://fpi.ec.europa.eu/system/files/2018-1/eu_perceptions_study_final_report_0.pdf (дата обращения: 27.10.2023); Update of the study: Analysis of the Perception of the EU and EU Policies abroad. 15.11.2021. URL: <https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/documents/Update%20of%20the%202015%20Perception%20Study%2C%20Executive%20Summary%20and%20Main%20Report%20%28Volume%201%20and%20%29.pdf> (дата обращения: 27.10.2023).

Другой важный признак публичной дипломатии ЕС в Латинской Америке – ориентация на монологовую форму коммуникации с аудиторией социальных медиа в сфере цифровой дипломатии, где особую активность проявляют дипломатические представительства ЕС. Анализ их аккаунтов в ряде стран региона (Бразилии, Колумбии, Мексике) в социальных сетях «Фейсбук»¹ и «Икс» (бывшая сеть «Твиттер») показывает, что дипломаты Евросоюза не стремятся развивать диалог с местной ответственностью в виртуальном пространстве². Они публикуют материалы о внутренней и внешней политике ЕС, избегая демонстрации отношения к комментариям подписчиков (например, в течение сентября 2023 г. дипломаты ЕС в вышеуказанных странах не вступали в контакт с местной аудиторией). Такой подход не соответствует идее о нормативной силе, поскольку диалог с местным населением рассматривается в качестве неотъемлемой части современной публичной дипломатии [Лебедева, 2018] и одного из необходимых условий эффективного распространения норм [Rasmussen, 2009].

Для публичной дипломатии ЕС в Латинской Америке характерно функционирование в условиях положительного отношения большинства населения стран региона к Евросоюзу. Согласно опросу чилийской некоммерческой организации «Латинобарометр» (*Latinobarómetro*) в 2020 г., свыше 70% респондентов из 17 стран Латинской Америки на вопрос «Как Вы бы оценили отношения между вашей страной и Европейским союзом?» ответили «как очень хорошие» и «как довольно хорошие»³. Местная аудитория воспринимает ЕС как международного актора, значительно превосходящего США и Китай в таких сферах, как охрана окружающей среды, защита прав человека, борьба с бедностью и неравенством, миротворческая деятельность, оказание международной помощи (эти темы глубоко встроены в дипломатическую практику Брюсселя в регионе)⁴.

В странах Латинской Америки немало скептиков в отношении Брюсселя, особенно в Аргентине, Панаме и Никарагуа, где свыше 39% населения негативно воспринимают ЕС⁵. Зачастую подобное отношение объясняется историческими трав-

¹ Деятельность социальных сетей *Instagram* и *Facebook*, принадлежащих компании *Meta Platforms*, признана экстремистской и запрещена на территории РФ 21.03.2022.

² União Europeia no Brasil. URL: <https://www.facebook.com/uenobrasil> (дата обращения: 27.10.2023); Perfil oficial da Delegação da União Europeia no Brasil. URL: <https://twitter.com/UEnoBrasil> (дата обращения: 27.10.2023); Unión Europea en Colombia URL: <https://www.facebook.com/euincolombia> (дата обращения: 27.10.2023); Unión Europea en Colombia. URL: <https://twitter.com/UEenColombia> (дата обращения: 27.10.2023); Unión Europea en México. URL: <https://www.facebook.com/UEenMEXICO> (дата обращения: 27.10.2023); Unión Europea en México. URL: <https://twitter.com/ueenmexico> (дата обращения: 27.10.2023).

³ Opinión sobre los Unión Europea. *Latinobarómetro.2020*. URL: <https://www.latinobarometro.org/latOnline.jsp> (дата обращения: 27.10.2023).

⁴ What are Latin America's perceptions on the European Union? *Latinobarómetro, Nueva Sociedad and the Friedrich-Ebert-Stiftung*. 2021. URL: <https://data.nuso.org/downloads/What-are-Latin-Americas-perceptions-on-the-European-Union-datanuso.pdf> (дата обращения: 27.10.2023).

⁵ Opinión sobre los Unión Europea. *Latinobarómetro.2020*. URL: <https://www.latinobarometro.org/latOnline.jsp> (дата обращения: 27.10.2023).

мами, связанными с колониальной политикой европейских государств в прошлом, а также ошибками Брюсселя в реализации внутренней и внешней политики. Тем не менее большинство жителей стран Латинской Америки симпатизирует внешнеполитическим шагам Брюсселя, что оказывает положительный эффект на практику его публичной дипломатии.

Вызовы публичной дипломатии ЕС в латиноамериканском регионе

Одним из ключевых вызовов для публичной дипломатии ЕС в Латинской Америке выступают финансовые и кадровые проблемы. Эксперты указывают на недостаточное финансирование публичной дипломатии (как и дипломатической деятельности в целом) в регионе в сравнении с другими частями мира¹. Например, с 2016 по 2021 гг. на программу «Политико-образовательное партнерство», которая реализовалась в пяти странах Латинской Америки (Аргентине, Бразилии, Чили, Колумбии, Перу и Уругвае), ЕС выделил около 1,6 млн евро. В то же время брюссельские дипломаты, работающие в указанный период в рамках подобного проекта с китайской аудиторией, получили 2 млн евро, а сотрудники дипломатических представительств в США – почти 6 млн евро².

Недостаток кадров и финансов отражается на разнообразии программ. Например, в Латинской Америке не осуществляются проекты, которые были бы направлены на дошкольную и школьную аудиторию и аналогичные организованным Представительством ЕС в Вашингтоне мероприятиям «Детский Еврофестиваль» и «Евровызов». Последний информирует школьников о европейской экономической и денежно-кредитной политике. Финансовые трудности Брюсселя – причина отсутствия доступа латиноамериканских стран к программе «Креативная Европа», которая вносит значительный вклад в глобальное продвижение европейской культуры и языков государств-членов ЕС [Portoles, 2019; López, 2022].

Серьезное препятствие для публичной дипломатии Брюсселя в латиноамериканском регионе – соперничество с Китаем и Россией. КНР демонстрирует заметную активность в сфере публичной дипломатии, уделяя большое внимание информационно-разъяснительной работе, культурной дипломатии и программам обменов. Китайское правительство интенсивно использует местные СМИ для продвижения политической повестки в регионе – газеты «Ла Терсера» (*La Tercera*) в Чили, «Перфиль» (*Perfil*) в Аргентине, «Фолха де С.Паулу» (*Folha de S.Paulo*) в Бразилии; журнал «Семана» (*Semana*) в Колумбии; передачи телеведущей «Государственная система радио и телевидения» (*Sistema Estatal de Radio y Televisión SERTV*) в Пана-

¹ Kokinova I. EU-LAC cultural diplomacy: from natural partners to partners of choice, via Madrid. Culture solutions. 22.07.2023. URL: <https://www.culturesolutions.eu/articles/eu-lac-cultural-diplomacy-from-natural-partners-to-partners-of-choice-via-madrid/> (дата обращения: 27.10.2023).

² EU Partnership Instrument. World map. URL: <https://partnership-instrument-map.acceptance.ec.europa.eu/> (дата обращения: 27.10.2023).

ме и др.¹, а также возможности испаноязычной редакции Китайской глобальной телевизионной сети (*China Global Television Network, CGTN*).

Ключевым актором культурной дипломатии КНР в регионе выступает Глобальная сеть Институтов Конфуция – международных культурно-образовательных центров, которые занимаются продвижением китайского языка в мире. Она представлена в 23 странах Латинской Америки и Карибского бассейна. Кроме того, китайское правительство ежегодно выделяет образовательные гранты для граждан государств региона [Sunhai, 2022] (на период с 2022 по 2024 г. запланировано выделение 5 тыс. стипендий для латиноамериканских студентов)².

Российская публичная дипломатия в Латинской Америке продвигает нарративы, ослабляющие нормативную силу ЕС, а со стороны последнего Москву обвиняют в распространении антилиберального и антидемократического дискурса, который вступает в противоречие с декларируемой ЕС и США идеологической повесткой³. Успехи России в цифровой дипломатии и сфере международного вещания (деятельность *RT* на испанском) не остаются незамеченными для зарубежных экспертов⁴. Росту «мягкой силы» России способствует деятельность таких организаций, как Фонд «Русский мир» и Россотрудничество. Первая занимается продвижением русского языка в латиноамериканских странах, вторая – реализует различные культурные мероприятия и выделяет образовательные гранты для студентов и молодых политических лидеров (например, проект «Новое поколение»).

Другой значимый вызов для публичной дипломатии – дифференциация стран региона с точки зрения демократического развития. Поскольку для ЕС приверженность идеям демократии и верховенству права имеет первостепенное значение, Евросоюз стремится окружить себя странами (в т. ч. посредством трансляции собственных норм), разделяющими «европейские ценности». Однако, с точки зрения Брюсселя, не все страны региона в полной мере демократические. Согласно Индексу демократии за 2022 г., полноценными демократиями являются только

¹ Baisotti P. China's charm offensive in Latin America and the Caribbean: a comprehensive analysis of China's strategic communication strategy across the region [Part I: propaganda and politics]. June 2023. URL: https://digitalcommons.fiu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1054&context=jgi_research (дата обращения: 27.10.2023).

² China – CELAC Joint Action Plan for cooperation in key areas (2022-2024). 12.07.2021. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zjzg_663340/lmzms_664952/xwlb_664954/202112/20211207_10463459.html (дата обращения: 27.10.2023).

³ Chaguaceda A., Marrero C. Russia's sharp power in Latin America. Global autocracy, regional influence. *Diálogo Político*. 14.02.2022. URL: <https://dialogopolitico.org/wp-content/uploads/2022/02/Belegexemplar-22-02-14-DP-Enfoque-7-English.pdf> (дата обращения: 27.10.2023).

⁴ Iriarte D. RT en Español: How Russian disinformation targets 500 million Spanish speakers. 06.09.2022. URL: <https://democratic-integrity.eu/rt-en-espanol-how-russian-disinformation-targets-500-million-spanish-speakers/>; Green M. Latin America loves Russia Today publication. 18.07.2023. URL: <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/latin-america-loves-russia-today-publication> (дата обращения: 27.10.2023).

три государства: Коста-Рика, Уругвай и Чили¹. Среди других – четыре «авторитарные»: Гаити, Венесуэла, Куба, Никарагуа, и восемь стран с «гибридными режимами»: Боливия, Гватемала, Гондурас, Мексика, Парагвай, Перу, Сальвадор, Эквадор, для которых, по мнению ЕС, характерны политико-правовые нарушения в политическом процессе.

В ряде стран Латинской Америке, в интерпретации ЕС, наблюдаются низкий уровень поддержки демократии (от 29 до 35% граждан Гватемалы, Гондураса, Мексики) и высокий уровень поддержки авторитаризма (от 21 до 33% жителей Мексики, Парагвая, Гватемалы, Доминиканской Республики)². Большинство населения Гондураса, Парагвая, Гватемалы, Доминиканской Республики и Сальвадора готово принять недемократические правительства при решении накопившихся в обществе проблем (от 63 до 70% респондентов)³.

В этой ситуации стремление Брюсселя продвигать ценностно-нормативную повестку среди латиноамериканского населения чревато усилением напряженности в регионе. Часть политиков будут опасаться потери политической власти на фоне поддержки Евросоюзом оппозиционных сил [Ayuso, Gratius, 2020; Розенталь, 2020; Калашников, 2022]. А население стран с «гибридными режимами» – испытывать раздражение от вмешательства ЕС в общественно-политическую жизнь.

Перспективы развития

Анализ состояния публичной дипломатии ЕС в Латинской Америке показывает, что в среднесрочной перспективе изменений не предвидется. На период 2021–2027 гг. Европейская комиссия в рамках «Инструмента соседства, развития и международного сотрудничества – Глобальная Европа» (*Neighbourhood, Development and International Cooperation Instrument – Global Europe, NDICI – Global Europe*) – одного из ключевых инструментов внешнего финансирования ЕС – выделила 3,3 млрд евро на Латинскую Америку, что составляет 5,6% от общего бюджета, направленного на финансирование географических регионов. Для сравнения: Брюссель планирует выделить на Азиатско-Тихоокеанский регион 8,4 млрд евро; на страны в сфере Европейской политики соседства – 19,3 млрд евро; на государства Африки – 29,1 млрд евро⁴. В условиях недостатка финансирования и отсутствия инновационных программ в сфере публичной дипломатии в Латинской Америке, сопоставимых с американскими проектами скейтборд-дипломатии на Кубе или хип-хоп дипломатии в Бразилии, Аргентине, Мексике и других странах, качественная трансформация публичной дипломатии (в т. ч. в цифровой сфере) малове-

¹ Democracy Index 2022. URL: <https://www.eiu.com/n/campaigns/democracy-index-2022/> (дата обращения: 27.10.2023).

² Informe Latinobarómetro 2023: La recesión democrática de América Latina. URL: <https://www.latinobarometro.org/lat.jsp> (дата обращения: 27.10.2023).

³ Там же.

⁴ Regulation (EU) 2021/947 of the European Parliament and of the Council. 09.06.2021. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2021/947/oj> (дата обращения: 27.10.2023).

роятна. Тем не менее публичная дипломатия ЕС в культурно-образовательной сфере, судя по всему, продолжит развиваться благодаря наличию тесных культурно-исторических связей с государствами Латинской Америки и значительному опыту европейских стран в сфере обменов и культурной дипломатии.

Активизация России, Китая и США в сфере публичной дипломатии станет вызовом для Брюсселя. Для Москвы основная причина интенсификации дипломатической работы в Латинской Америке – стремление получить поддержку в противостоянии с коллективным Западом. Мотивация правительства КНР обусловлена необходимостью поддерживать положительный имидж в регионе, благоприятствующий экономической экспансии. Для США факт укрепления политико-экономических позиций геополитических соперников дополнительный импульс для усиления публичной дипломатии.

Сдерживающим фактором развития публичной дипломатии ЕС выступает консерватизм европейских чиновников, которые предпочитают использовать преимущественно традиционные подходы: организация кинофестивалей, официальные встречи с журналистами, достаточно формальная работа в социальных сетях и др.

Заключение

Евросоюз использует все основные направления публичной дипломатии в Латинской Америке, концентрируясь на информационно-разъяснительной деятельности, культурной дипломатии и программах обменов. Оценка уровня общественной поддержки ЕС в различных латиноамериканских странах в целом свидетельствует об успехах публичной дипломатии в регионе. В течение многих лет Брюссель сохраняет позитивное отношение к себе значительной части общественности. Во многом это обусловлено продуктивной практикой в сфере продвижения европейской культуры и образования.

Однако возможности ЕС в области реализации политической повестки в Латинской Америке ограничены малоэффективной работой международного вещания и неэффективностью европейских дипломатов в социальных сетях, а также масштабной деятельностью конкурентов (России, КНР, США). Основанием для критики публичной дипломатии Брюсселя служит неспособность европейских чиновников склонить политические элиты региона принять подходы ЕС к России. Показательно, что по итогам знакового для Евросоюза III саммита ЕС – СЕЛАК участники не смогли выработать совместного заявления.

Стремление ЕС активно продвигать нормативную силу в Латинской Америке противоречит интересам групп населения (в т. ч. политических элит), чье отношение к демократии и верховенству права может отличаться от установок Брюсселя. В ситуации, когда основные конкуренты Евросоюза – Россия и Китай – не вмешиваются во внутренние дела стран Латинской Америки и опираются на прагматизм взаимовыгодного экономического сотрудничества, практика Брюсселя по распространению своих норм значительно осложняет его коммуникацию с местными обществами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Зонова Т.В. (2017) Публичная дипломатия Европейского союза. *Публичная дипломатия: теория и практика*. Под. ред. М. Лебедевой. Аспект Пресс, Москва. С. 70–88.
- Ивановский З.В. (2020) Политические сдвиги в Латинской Америке и проблемы отношений с ЕС. *Современная Европа*. № 7. С. 144–154. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope72020144154>
- Калашников Н.В. (2022) Куба – Евросоюз: противоречивое сотрудничество. *Актуальные проблемы Европы*. № 3. С. 203–224. DOI: 10.31249/ape/2022.03.09
- Канунников А.А. (2021) Диалог гражданского общества стран Латинской Америки и Европейского союза. *Латинская Америка*. № 6. С. 6–18. DOI: 10.31857/S0044748X0014980-7
- Лебедева М.М. (2017) Публичная дипломатия: исчезновение или новые горизонты? *Публичная дипломатия: теория и практика*. Под. ред. М. Лебедевой. Аспект Пресс, Москва. С. 8–20.
- Розенталь Д. (2020) Особенности конфронтационного взаимодействия ЕС и Венесуэлы. *Современная Европа*. № 6. С. 101–111. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope62020101111>
- Сутырин В.В. (2021) Трансформация публичной дипломатии ЕС: от содержательного кризиса к повестке внешней угрозы. *Современная Европа*. № 6. С. 17–29. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620211729>
- Ayuso A., Gratius S. (2020) Las respuestas de la Unión Europea a las transiciones inversas en Cuba y Venezuela. *Anuario Latinoamericano Ciencias Políticas y Relaciones Internacionales*. Vol. 9. P. 89–112.
- Azpiroz M.L (2016) Unión Europea y diplomacia pública post-Lisboa: los casos de Argentina, Brasil y México. *Foro Internacional*. No. 2. P. 292–320.
- Calvano G. (2019) Cooperación Europea y acción cultural de los clústeres EUNIC en América Latina y el Caribe. *Retos de las relaciones culturales entre la Unión Europea y América Latina y el Caribe*. Ed. by L. Bonet, H. Schargorodsky. Quaderns Gescènec, Barcelona, Spain. P. 109–131.
- Cull N.J. (2019) *Public diplomacy: foundations for global engagement in the digital age*. Polity Press, Cambridge, UK. 272 p.
- Cunhai G. (2022) Hacia una nueva asociación académica entre China y América Latina y el Caribe. *Dimensiones de la diplomacia de China en América Latina y el Caribe*. Ed. by J. Altmann-Borbón, S. Rivero Soto. FLACSO, San José, Costa Rica. P. 35–22.
- Dominguez R., Hoffmann A.R., Sandrin P., Quiroga A. (2022) EUPD performance in Latin America: assessing the cases of Brazil, Mexico and Colombia. *Journal of Contemporary European Studies*. No. 1. P. 63–75.
- Ferreira-Pereira L.C., Pinto J.M. (2021) Soft Power in the European Union's strategic partnership diplomacy: the Erasmus Plus programme. *The European Union's strategic partnerships: global diplomacy in a contested world*. Ed. by L.C. Ferreira-Pereira, M. Smith. Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland. P. 69–95.
- Jepperson R., Wendt A., Katzenstein P.J. (1996). Norms, identity, and culture in national security. *The culture of national security: norms and identity in world politics*. Ed. by P.J. Katzenstein. Columbia University Press, New York, USA. P. 33–78.
- López A.T. (2022) ¿Hacia una nueva estrategia de relaciones culturales internacionales en la Unión Europea? Un análisis de la diplomacia cultural europea como instrumento de poder blando. *Revista Internacional De Cultura Visual*. No. 12(3). P. 1–14.

Manners I. (2002) Normative power Europe: a contradiction in terms? *Journal of Common Market Studies*. Vol. 40. No. 2. P. 235–258.

Portolés J.B. (2019) Impulso a la cooperación cultural EULAC: lecciones aprendidas de los programas de la UE. *Retos de las relaciones culturales entre la Unión Europea y América Latina y el Caribe*. Ed. by L. Bonet, H. Schargorodsky. Quaderns Gescènec, Barcelona, Spain. P. 51–83.

Rassmusen S.B. (2009) *Discourse analysis of EU public diplomacy messages and practices*. Netherlands Institute of International Relations “Clingendael”, Hague, Netherlands. URL: https://www.clingendael.org/sites/default/files/pdfs/20090700_cdsp_discussion_paper_115_Rasmussen.pdf (accessed: 27.10.2023).

Tremolada E., Quiroga A. (2022) La Diplomacia Pública de la Unión Europea en Colombia: ¿Contribuye a una mejora en su percepción? *Revista Internacional de Cooperación y Desarrollo*. No. 9(2). P. 81–89.

The EU Public Diplomacy in Latin America: State of Affairs, Challenges and Prospects

G.I. Kutyrev

*Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor
Department of International Relations, HSE University
20 Myasnitskaya Street, Moscow, Russia, 101000
E-mail: gkutyrev@hse.ru*

A.N. Marchukov

*Candidate of Sciences (Politics), Research Fellow
Department of International Relations, HSE University
20 Myasnitskaya Street, Moscow, Russia, 101000
E-mail: amarchukov@hse.ru*

Abstract. The article addresses the public diplomacy of the EU in Latin America in the context of the geopolitical confrontation between Brussels and Moscow, as well as the growing influence of China in the region. The EU's efforts to reduce Russia's political influence in Latin America through public diplomacy tools increases the need for a comprehensive study of interaction of EU diplomats with the Latin American public. Using social constructivism and normative power theory as a methodological basis, the authors identify the features of the EU public diplomacy in the region and the challenges faced by European officials in their practice. The specifics of public diplomacy of the EU in Latin America are outlined: emphasis on advocacy, cultural diplomacy and academic exchanges as key instruments of interaction with the local community; functioning in conditions of a positive attitude of the majority of the population of the region to the EU; focus on the monologue communication in digital diplomacy. The key challenges for Brussels's public diplomacy in Latin America include a shortage of financial and human resources, effective media policy of Russia and China differentiation of Latin American countries in the eyes of the EU in terms of democratic development that reduces the ability of Brussels to promote its value-normative agenda. The authors forecast the development of

the EU public diplomacy in the region, assuming that it is unlikely to improve in the coming years.

Keywords: European Union, Latin America, China, Russia, foreign policy, public diplomacy, cultural diplomacy, academic exchanges, digital diplomacy, normative power

DOI: 10.31857/S0201708324020025

REFERENCES

- Ayuso A., Gratius S. (2020) Las respuestas de la Unión Europea a las transiciones inversas en Cuba y Venezuela, *Anuario Latinoamericano Ciencias Políticas y Relaciones Internacionales*, 9, pp. 89–112.
- Azpiroz M.L (2016) Unión Europea y diplomacia pública post-Lisboa: los casos de Argentina, Brasil y México, *Foro Internacional*, 2, pp. 292–320.
- Calvano G. (2019) Cooperación Europea y acción cultural de los clústeres EUNIC en América Latina y el Caribe, in Bonet L., Schargorodsky H. (ed.) *Retos de las relaciones culturales entre la Unión Europea y América Latina y el Caribe*, Quaderns Gescènec, Barcelona, Spain, pp. 109–131.
- Cull N.J. (2019) *Public diplomacy: foundations for global engagement in the digital age*, Polity Press, Cambridge, UK.
- Cunhai G. (2022) Hacia una nueva asociación académica entre China y América Latina y el Caribe, in Altmann-Borbón J., Rivero Soto S. (ed.) *Dimensiones de la diplomacia de China en América Latina y el Caribe*, FLACSO, San José, Costa Rica, pp. 35–22.
- Dominguez R., Hoffmann A.R., Sandrin P., Quiroga A. (2022) EUPD performance in Latin America: assessing the cases of Brazil, Mexico and Colombia, *Journal of Contemporary European Studies*, 1, pp. 63–75.
- Ferreira-Pereira L.C., Mourato Pinto J. (2021) Soft Power in the European Union's strategic partnership diplomacy: The Erasmus Plus Programme, in Ferreira-Pereira L.C., Smith M. (ed.) *The European Union's Strategic Partnerships. The European Union in International Affairs*, Palgrave Macmillan, London, UK, pp. 69–95.
- Jepperson R., Wendt A., Katzenstein P.J. (1996) Norms, identity, and culture in national security, in Katzenstein P.J. (ed.) *The culture of national security: norms and identity in world politics*, Columbia University Press, New York, USA, pp. 33–78.
- Ivanovskij Z. (2020) Politicheskie sdvigi v Latinskoj Amerike i problemy otnoshenij s ES [Political shifts in Latin America and problems of relations with the EU], *Sovremennaya Evropa*, 7, pp. 144–154. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope72020144154> (In Russian).
- Kalashnikov N.V. (2022) Kuba – Evrosoyuz: protivorechivoe sotrudnichestvo [Cuba – the European Union: contradictory cooperation], *Aktual'nye problemy Evropy*, 3, pp. 203–224. DOI: 10.31249/ape/2022.03.09 (In Russian).
- Kanunnikov A.A. (2021) Dialog grazhdanskogo obshchestva stran Latinskoj Ameriki i Evropejskogo soyuza [Dialogue of civil society of Latin America and the European Union], *Latinskaya Amerika*, 6, pp. 6–18. DOI: 10.31857/S0044748X0014980-7 (In Russian).
- Lebedeva M.M. (2017) Publichnaya diplomatiya: ischeznovenie ili novye gorizonty? [Public diplomacy: disappearance or new horizons?], in Lebedeva M. (ed.) *Publichnaya diplomatiya: teoriya i praktika*, Aspekt Press, Moscow, Russia, pp. 70–88. (In Russian).

- López A.T. (2022) ¿Hacia una nueva estrategia de relaciones culturales internacionales en la Unión Europea? Un análisis de la diplomacia cultural europea como instrumento de poder blando, *Revista Internacional De Cultura Visual*, 12(3), pp. 1–14.
- Manners I. (2002) Normative power Europe: a contradiction in terms?, *Journal of Common Market Studies*, 40(2), pp. 235–258.
- Portolés J.B. (2019) Impulso a la cooperación cultural EULAC: lecciones aprendidas de los programas de la UE, Bonet L., Schargorodsky H. (ed.) *Retos de las relaciones culturales entre la Unión Europea y América Latina y el Caribe*, Quaderns Gescènec, Barcelona, Spain, pp. 51–83.
- Rassmusen S.B. (2009) *Discourse analysis of EU public diplomacy messages and practices*, Netherlands Institute of International Relations 'Clingendael', Hague, Netherlands. URL: https://www.clingendael.org/sites/default/files/pdfs/20090700_cdsp_discussion_paper_115_Rassmusen.pdf / (accessed: 27.10.2023).
- Rozental' D. (2020) Osobennosti konfrontacionnogo vzaimodejstviya ES i Venesuely [Features of confrontational interaction between the EU and Venezuela], *Sovremennaya Evropa*, 6, pp. 101–111. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620201011111> (In Russian).
- Sutyryn V.V. (2020) Transformaciya Vostochnogo partnerstva ES posle 2014 goda [Transformation of the EU Eastern Partnership after 2014], *Sovremennaya Evropa*, 2, pp. 111–122. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22020111122> (In Russian).
- Tremolada E., Quiroga A. (2022) La Diplomacia Pública de la Unión Europea en Colombia: ¿Contribuye a una mejora en su percepción?, *Revista Internacional de Cooperación y Desarrollo*, 9(2), pp. 81–89.
- Zonova T.V. (2017) Publichnaya diplomatiya Evropejskogo soyuza [Public diplomacy of the European Union], Lebedeva M. (ed.) *Publichnaya diplomatiya: teoriya i praktika*, Aspekt Press, Moscow, Russia, pp. 70–88. (In Russian).
-

УДК 339.976.4

МОРСКОЕ ПРОСТРАНСТВЕННОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ В ЕС: ОСНОВНЫЕ ИТОГИ

© 2024 КОЛЕСНИКОВА Марина Львовна
*Научный сотрудник, Отдел Черноморско-Средиземноморских
исследований Института Европы РАН
125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11-3
E-mail: kml2007@mail.ru*

Поступила в редакцию 21.01.2024
Принята к публикации 13.03.2024

Аннотация. В статье проанализированы итоги развития морского пространственного планирования (МПП) в ЕС с начала 2000-х гг. по 2023 г. Цель исследования – оценить опыт практической деятельности и организации управления ЕС в этой области. Проведен анализ содержания нормативно-правовых документов ЕС, которые устанавливают требования по МПП к прибрежным странам-членам. Изучена и обобщена информация из официальных источников о специализированных проектах и программах. Научная значимость и актуальность работы определяется низкой степенью разработанности указанной тематики в отечественной литературе. Сделаны выводы, которые могут дополнить новейшие российские исследования в области современного морепользования. К настоящему времени в ЕС созданы условия для распланировки определенных морских акваторий под различные виды морской деятельности, а также обеспечено политическое, институциональное, финансовое, информационно-коммуникационное сопровождение подобных действий. ЕС в значительной мере ориентируется на трансграничное сотрудничество. В рамках организационного фактора выстраивается контур управления процессами МПП для отдельных территориально-административных единиц (страна, морской регион/субрегион, ЕС). Отработанные алгоритмы дают ЕС возможность войти в число главных мировых акторов, которые регулируют продвижение технологий МПП в различных районах Мирового океана.

Ключевые слова: морское пространственное планирование (МПП), Европейский союз, Мировой океан

DOI: 10.31857/S0201708324020037

Морское пространственное планирование (МПП) развивается в Евросоюзе примерно с 2006–2007 гг. [Колесникова, 2018; 2019]. Институты ЕС последовательно продвигают этот механизм как одно из приоритетных направлений морской политики и инструмент решения актуальных задач в морской сфере. В 2007 г. Европейская комиссия (ЕК) выдвинула предложение о Комплексной морской политике, которое предусматривает использование МПП. ЕК выступает со многими тематическими инициативами для стран–членов ЕС, морских регионов и субрегионов, предоставляя исполнителям необходимую организационно-правовую, техническую и финансовую поддержку. Часть проектов имеет трансграничный характер и связывает различные государства. Кроме того, ЕС активно продвигает практику МПП на глобальном уровне и выступает одним из инициаторов ее использования в различных акваториях Мирового океана¹.

Расширение функционального назначения МПП

Брюссель определяет МПП как комплексный процесс, который позволит удовлетворить растущий спрос на использование морских пространств и одновременно обеспечит рациональное функционирование морских экосистем [Эйлер, 2014]. В результате этого процесса формируются планы, разрешения и другие документы [Ершова и др., 2018], «которые определяют пространственное и временное распределение релевантных существующих и будущих видов деятельности в морских водах»².

За время применения в ЕС функциональное назначение МПП заметно расширилось. Его используют для решения первоначально поставленных основных задач, включая управленческие, экологические, политические и экономические. Механизм горизонтального планирования Комплексной морской политики ЕС (наряду с организацией наблюдения за Мировым океаном и созданием интегрированных баз данных³) предназначен для поддержки целостной системы управления морскими вопросами и обеспечения устойчивого развития морских акваторий и прибрежных территорий. МПП выступает фундаментальным инструментом восстановления удовлетворительного экологического состояния морей Европы, интегрированным в

¹ Например, в 2006 г. целевая группа Комиссии по морской политике и Европейское агентство по окружающей среде (ЕАОС) участвовали в организации первой международной рабочей группы по МПП. См.: UNESCO. Visions for a Sea Change. Report of the First International Workshop on Marine Spatial Planning. 2007. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0015/001534/153465e.pdf> (дата обращения: 29.01.2024).

² International Hydrographic Organization. Maritime Spatial Planning. 08.12.2021. URL: https://iho.int/uploads/user/Inter-Regional%20Coordination/IENWG%20and%20EC%20-%20IHO%20Cooperation/IENWG12/IENWG12_2021_04E_EN_MSP.pdf (дата обращения: 03.02.2024).

³ Communication from the Commission: An Integrated Maritime Policy for the European Union. COM (2007) 575 final. 10.10.2007. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/docs_autres_institutions/commission_europeenne/com/2007/0575/COM_COM\(2007\)0575_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/docs_autres_institutions/commission_europeenne/com/2007/0575/COM_COM(2007)0575_EN.pdf) (дата обращения: 27.01.2024).

систему комплексного управления прибрежными зонами (КУПЗ)¹. Морское пространственное планирование рассматривается как технология реализации экосистемного подхода к управлению морепользованием². Цель МПП – не только поиск баланса различных отраслевых интересов, но и поддержка «хорошего статуса окружающей среды» (*good environmental status*) в соответствии с Рамочной директивой ЕС по морской стратегии 2008 г. (РДМС)³. Решение политических (при определенных условиях – геополитических) задач обеспечивает развитие трансграничного сотрудничества в морской сфере стран ЕС, а также третьих стран, относящихся к отдельным морским регионам. Экономические задачи позволяют получить определенные эффекты в результате оптимизации подходов к развитию морской экономики.

Сегодня МПП стало одним из многоцелевых механизмов, поддерживающих развитие современной системы управления морепользованием [Бакланов, 2018; Дружинин, Гонтарь, 2022; Мякиненков, 2013] прежде всего для дальнейшего развития следующих перспективных направлений:

- трансформация синей экономики Евросоюза (стратегия ее развития определена в 2012 г.) в устойчивую синюю экономику (2021 г.). Новая концепция определена в миссии «Восстановим наш океан и воды к 2030 г.» Девятой рамочной программы ЕС в области исследований и инноваций «Горизонт Европа» (2021–2027 гг.) и предусматривает совмещение нескольких направлений устойчивого развития. В соответствии с этими подходами формируется устойчивая синяя углеродно-нейтральная экономика замкнутого цикла. С этой целью ЕК намерена поощрять циклично организованное, низкоуглеродное и «многоцелевое использование морских и водных пространств»⁴.

- выполнение задач Зеленого курса (2019 г.) для достижения основной экологической цели ЕС – сократить выбросы парниковых газов к 2030 г. «по крайней мере на 55%» по сравнению с уровнем 1990 г. и «сделать Европу первым углеродно-нейтральным континентом к 2050 г.».

Пути решения многих проблем, связанных с морепользованием, экологически и иными вопросами, пересекаются. Возможности использования МПП могут быть существенно расширены под новые задачи ЕС. В частности, изначально пред-

¹ Recommendation of the European Parliament and of the Council of 30 May 2002 concerning the implementation of Integrated Coastal Zone Management in Europe. (2002/413/EC). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32002H0413> (дата обращения: 30.01.2024).

² UNESCO. Visions for a Sea Change.

³ European Commission. Legal and socio-economic studies in the field of the Integrated Maritime Policy for the European Union. Luxembourg. Publications Office of the European Union. 2011. P. 11. URL: <https://maritime-spatial-planning.ec.europa.eu/media/document/12280> (дата обращения: 31.01.2024).

⁴ European Commission. Restore our Ocean and Waters by 2030. Implementation Plan. 29.09.2021. P. 13. URL: https://research-and-innovation.ec.europa.eu/funding/funding-opportunities/funding-programmes-and-open-calls/horizon-europe/eu-missions-horizon-europe/restore-our-ocean-and-waters_en (дата обращения: 01.02.2024).

полагалось сращивание морской и прибрежной проблематики (*land-sea interactions, LSI*¹). Намерение ЕС усилить взаимодействие суши и моря в контексте пространственного планирования² может скорректировать направления развития МПП. Практическое значение этого механизма в устойчивом развитии морей будет возрастать в связи с реализацией Европейского зеленого курса³.

Организационно-правовая поддержка развития МПП

Евросоюз оказывает значимую организационно-правовую поддержку МПП. В частности, ЕК сформировала экспертную группу из представителей государств-членов, которая с 2012 г. собирается около двух раз в год на неофициальные форумы. Кроме того, Комиссия оказывает необходимую техническую помощь, развивает цифровые ресурсы, организует профильные трансграничные и региональные проекты.

На данный момент в ЕС создана нормативно-правовая база, которая устанавливает основные требования по МПП для стран-членов, а также определяет базовые термины в данной сфере. Рамочная директива ЕС в области водной политики (или Водная рамочная директива ЕС, 2000 г.) опосредованно относится к морской тематике, направлена на обеспечение устойчивого управления водными ресурсами и требует в числе прочего обеспечить защиту морских вод, способствовать предотвращению и ликвидации загрязнения морской среды. Директива вводит такие понятия, как «хороший экологический статус» вод (*good ecological status*), которые пересекаются с терминами в РДМС.

Стратегия формирования Комплексной морской политики ЕС 2007 г. нацелена на создание единой структуры управления морской деятельностью и определяет необходимые для этого сквозные инструменты, такие как МПП.

РДМС (обновлена в 2017 г.⁴) – экологический компонент морской политики ЕС. Она содержит требования к странам – членам касательно природоохранной политики и устойчивого использования морских ресурсов, в т. ч.:

¹ ESPON. Maritime spatial planning and land-sea interactions. Policy Brief. 2020. URL: <https://www.espon.eu/sites/default/files/attachments/Policy%20Brief%20MSP-LSI.pdf> (дата обращения: 01.02.2024).

² European Parliament resolution of 2 July 2013 on Blue Growth: Enhancing sustainable growth in the EU's marine, maritime transport and tourism sectors (2012/2297(INI)). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52013IP0300> (дата обращения: 29.01.2024).

³ Report from the Commission to the European Parliament and the Council outlining the progress made in implementing Directive 2014/89/EU establishing a framework for maritime spatial planning. COM(2022) 185 final. 03.05.2022. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52022DC0185&qid=1652906960800> (дата обращения: 01.02.2024).

⁴ Commission Decision (EU) 2017/848 of 17 May 2017 laying down criteria and methodological standards on good environmental status of marine waters and specifications and standardised methods for monitoring and assessment, and repealing Decision 2010/477/EU. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dec/2017/848/oj> (дата обращения: 01.02.2024).

- перенос положений в национальные законодательства до 15 июля 2010 г.;
- назначение ответственных национальных органов к 15 января 2011 г.;
- разработка национальных морских стратегий к 2020 г. для обеспечения «хорошего статуса окружающей среды» морских вод на основе 11 дескрипторов. Эта задача решается в условиях сотрудничества и координации усилий государств-членов ЕС друг с другом и с третьими странами и предусматривает работу в рамках отдельно взятого морского региона или субрегиона, а также использование «механизмов и структур региональных морских конвенций»¹;
- создание программ мониторинга для оценки выбранных целевых показателей к 2014 г., «совместимых» в пределах морских регионов или субрегионов и т. д.

В документе установлена периодичность и последовательность выполнения требований (2008–2012 гг. – подготовка, затем три шестилетних цикла).

Директива по МПП (2014 г.) выполняет функцию основополагающего документа ЕС в данной сфере. Она определяет обязательства по МПП для прибрежных стран-членов ЕС и временные рамки их выполнения (перенос положений директивы в национальные законодательства до 18 сентября 2016 г.; назначение ответственных органов, разработка национальных планов до 31 марта 2021 г., их пересмотр один раз в 10 лет; отчет о выполнении требований директивы к 31 марта 2022 г., затем один раз в 4 года и т. д.) [Колесникова, 2018]. В каждой стране имеются особенности ее внедрения [Casimiro, Guerreiro, 2019]. Планы по МПП должны обеспечить пространственное и временное распределение видов деятельности, в том числе в отношении «районов военной подготовки»².

Содержание директивы по МПП соотносится с РДМС и другими природоохранными документами ЕС (такими как Директива об охране естественных мест обитания и дикой фауны и флоры 1992 г. или План действий ЕС по достижению нулевого загрязнения воздуха, воды и почвы 2021 г.³). В соответствии с рамочной директивой ЕС выделяет несколько морских регионов⁴ и субрегионов «с учетом гидрологических, океанографических и биогеографических особенностей». Одна из решаемых таким образом задач – обеспечить сотрудничество государств-членов ЕС для «скоординированной разработки морских стратегий» в отношении данных пространств. На эти страны возлагаются обязательства обеспечить «хорошее экологи-

¹ Конвенции о защите окружающей среды для Балтийского (Хельсинская, 1992 г.), Средиземного (Барселонская, 1995 г.), Черного (Бухарестская, 1992 г.) морей и Северо-Восточной Атлантики (Конвенция по защите морской среды Северо-Восточной Атлантики, OSPAR, 1992 г.).

² Directive 2014/89/EU of the European Parliament and of the Council of 23 July 2014 establishing a framework for maritime spatial planning. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2014/89/oj> (дата обращения: 01.02.2024).

³ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Pathway to a Healthy Planet for All EU Action Plan: “Towards Zero Pollution for Air, Water and Soil”. COM/2021/400. 12.05.2021. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:52021DC0400> (дата обращения: 01.02.2024).

⁴ Балтийское, Средиземное и Черное моря, северо-восточная часть Атлантического океана.

ческое состояние» (в соответствии с определенными качественными дескрипторами) морских вод, которые находятся под «их суверенитетом или юрисдикцией», однако «являются неотъемлемой частью морских регионов». Подобным образом узкое в территориальном значении понятие «морские воды» связано с более широким – «морские регионы / субрегионы». Государства-члены ЕС несут ответственность за состояние своих морских вод и тем самым – за весь морской регион.

Многие задачи, поставленные в основных документах по МПП, полностью или частично выполнены. Рассматривается вопрос о внесении в них изменений. В РДМС изначально заложена возможность ее корректировки в 2023 г.

МПП включено во многие документы Зеленого курса. Стратегия ЕС по сохранению биоразнообразия до 2030 г. требует внести в национальные планы по морскому пространственному планированию соответствующие природоохранные меры (2020 г.). Морская стратегия по безопасности Евросоюза (2014 г., обновлена в 2023 г.) опосредованно апеллирует к механизмам МПП, т. к. ставит вопросы безопасности в один ряд с экономическими и экологическими проблемами. Большинство стратегических замыслов ЕС в морской сфере предусматривает его использование как инструмента для решения актуальных задач (Табл. 1).

Таблица 1

Примеры документов ЕС, в которых предусматривается использование МПП

Документ (дата принятия)	Основная цель документа	Основные задачи в сфере МПП для стран ЕС	Отдельные задачи на глобальном уровне
Европейский зеленый курс (11.12.2019)	Достижение климатической нейтральности к 2050 г., снижение нагрузки на сушу, смягчение последствий изменений климата	Обеспечение устойчивого управления морскими пространствами для развития морских секторов, в частности прибрежной возобновляемой энергетики (ПВЭ)	Выдвижение ЕС на позиции мирового лидера в области применения климатических и экологических мер, использование влияния, опыта и финансовых ресурсов ЕС для привлечения стран – соседей и партнеров
Стратегия ЕС по развитию потенциала ПВЭ (19.11.2020)	Развитие ПВЭ	Выделение морских пространств под ПВЭ и многоцелевое использование, интеграция развития ПВЭ в планы по МПП стран ЕС на основе их энергетических и климатических планов, развитие трансграничного сотрудничества для продвижения МПП	Поддержка глобального лидерства ЕС, обеспечение конкурентоспособности ЕС при расширении масштабов ПВЭ, обмен опытом и стандартами с другими странами
Стратегия «От фермы к вилке» (20.05.2020)	Построение пищевой цепочки, благоприятной для потребителей, производителей, климата и окружающей среды	Обеспечение устойчивого развития аквакультуры, поддержка индустрии производства водорослей	Ужесточение требований к устойчивости продовольственных систем, содействие ЕС повышению эффективности мировых стандартов, намерение руководить глобальным переходом в данной сфере

Документ (дата принятия)	Основная цель документа	Основные задачи в сфере МПП для стран ЕС	Отдельные задачи на глобальном уровне
Стратегия развития устойчивой синей экономики (17.05.2021)	Переход от синего роста к устойчивой синей экономике	Решение задач по декарбонизации и защите биоразнообразия, обеспечение частных инвестиций, синергии между секторами, а также многоцелевого использования морских пространств	Развитие трансграничного сотрудничества, внесение ПВЭ в планы по МПП, продвижение МПП на международный уровень
Инициатива по развитию производства водорослей (15.11.2022)	Развитие производства водорослей как части синей биоэкономики	Содействие развитию производства водорослей, включение данной задачи в планы МПП стран-членов	Создание мощного сектора ЕС, занятие им значимых позиций на мировом рынке
Обновленная стратегия 2020 г. по ПВЭ (24.20.2023)	Ускорение развития ПВЭ в ЕС	Выделение морского пространства под ПВЭ, совмещение их использования с другими отраслями, решение экологических задач	Обеспечение глобального лидерства ЕС в области производства и внедрения ПВЭ

Составлено по: Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. The European Green Deal. COM(2019) 640 final. URL: <https://www.politico.eu/wp-content/uploads/2019/12/The-European-Green-Deal-Communication.pdf>; Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. n EU Strategy to harness the potential of offshore renewable energy for a climate neutral future. COM(2020) 741 final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/ALL/?uri=CELEX:52020DC0741>; Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. A Farm to Fork Strategy for a fair, healthy and environmentally-friendly food system. COM(2020) 381 final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52020DC0381>; Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions on a new approach for a sustainable blue economy in the EU Transforming the EU's Blue Economy for a Sustainable Future. COM (2021) 240 final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM:2021:240:FIN>; Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Towards a Strong and Sustainable EU Algae Sector. COM(2022) 592 final. URL: https://oceans-and-fisheries.ec.europa.eu/system/files/2022-11/COM-2022-592_en.pdf; Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Delivering on the EU offshore renewable energy ambitions. COM(2023) 668 final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52023DC0668&qid=1702455230867> (дата обращения: 04.02.2024).

Содержание перечисленных документов свидетельствует о том, что ЕС предполагает использовать МПП для:

1) развития с учетом соблюдения природоохранных требований отдельных отраслей, в первую очередь ПВЭ, аквакультуры, производства водорослей, т. е. тех, на которые возложены задачи по обеспечению Зеленого курса. Одновременно предусмотрена возможность многоцелевого использования морских пространств под несколько видов деятельности (ПВЭ / морская аквакультура);

2) расширения взаимодействия на международном уровне. Подобная деятельность ЕС может приобрести статус самостоятельной задачи международного со-

трудничества. Кроме того, можно говорить о формировании дипломатии МПП. Евросоюз развивает трансграничное сотрудничество государств – членов, в т. ч. в интересах отдельных отраслей, и намерен продвигать эту практику на мировом уровне при содействии международных организаций;

3) обеспечения глобально значимых позиций ЕС в сфере освоения и изучения Мирового океана. В частности, в 2022 г. по итогам реализации Директивы по МПП ЕК отметила результаты стран – членов в части внедрения технологий в морскую практику, что делает эти государства «наиболее продвинутыми в разработке МПП», а их достижения могут служить «международным ориентиром»¹. Таким образом, обладая значимым опытом в данной сфере, ЕС становится одним из основных регуляторов развития технологий МПП.

Другие виды поддержки МПП в ЕС

ЕК не только инициирует, но и обеспечивает финансирование части проектов по МПП, используя различные источники (например, в рамках Восьмой рамочной программы ЕС «Горизонт 2020» в области исследований и инноваций, которая действовала с 2014 по 2020 гг.). К концу 2021 г. Европейский фонд морского и рыбного хозяйства (ЕФМР²) проинвестировал 15 трансграничных и региональных проектов для наращивания потенциала морского пространственного планирования на сумму около 25 млн евро. Часть программ по МПП финансируется из национальных источников³. Информация о нескольких проектах представлена в таблице 2.

Информационная поддержка МПП в Евросоюзе заключается в создании целого ряда цифровых ресурсов. Департамент ЕК, ответственный за морские вопросы и рыболовство (*Directorate-General for Maritime Affairs and Fisheries, DG MARE*), в рамках проекта «Механизм содействия развитию МПП» (*MSP Assistance Mechanism*) в 2016 г. участвовал в организации одного из основных электронных продуктов ЕС в данной сфере – тематической Европейской информационно-коммуникационной платформы (*European MSP Platform*), а также в ее финансировании из средств ЕМРАФ. Ресурс обеспечивает взаимодействие участников, обмен знаниями, информационную и техническую поддержку МПП. Ее работой под эгидой *DG MARE* управляет Европейское исполнительное агентство по климату, инфраструктуре и окружающей среде. Центральный офис платформы расположен в Брюсселе.

¹ Report from the Commission to the European Parliament and the Council outlining the progress made in implementing Directive 2014/89/EU establishing a framework for maritime spatial planning.

² В 2021 г. создан новый Европейский морской, рыболовный и аквакультурный фонд (ЕМРАФ). Regulation (EU) 2021/1139 of the European Parliament and of the Council of 7 July 2021 establishing the European Maritime, Fisheries and Aquaculture Fund. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2021/1139> (дата обращения: 02.02.2024).

³ Report from the Commission to the European Parliament and the Council outlining the progress made in implementing Directive 2014/89/EU establishing a framework for maritime spatial planning.

Таблица 2

Примеры специализированных проектов по развитию МПП в ЕС

Проект	Период (гг.)	Участник	Основные цели	Источник финансирования	Бюджет, млн евро
Трансграничное морское пространственное планирование в Черном море (<i>Cross-Border MARitime Spatial PLANning in the Black Sea, MARSPLAN-BS</i>)	январь 2015 – февраль 2018	Болгария, Румыния	создание институциональной основы МПП для трансграничного сотрудничества стран-участниц; разработка общей стратегии и морского пространственного плана для трансграничной зоны; формирование концепции взаимодействия суши и моря; разработка методологии, показателей, законодательства	ЕФМР	2,050
<i>MARSPLAN-BS II</i>	июль 2019 – январь 2021	Болгария, Румыния	развитие МПП: разработка планов с обновленной моделью географической информационной системы (ГИС) и базой данных, основанной на результатах предыдущей программы <i>MARSPLAN-BS</i>	ЕФМР	1,250 (80%)
				источники стран-участников	0,312 (20%)
Итальянские исследования моря (<i>La ricerca italiana per il mare, RITMARE</i>)	январь 2012 – январь 2017	Италия	разработка технологий и инструментов для МПП и устойчивого управления прибрежными водами в рамках одного из семи подпроектов данной программы	министерство университетов и научных исследований Италии	250,0 (государство, частные ресурсы)
Морское пространственное планирование как фактор реализации Европейского зеленого курса (<i>Maritime Spatial Planning as enabler of the European Green Deal, MSP-GREEN</i>)	ноябрь 2022 – январь 2024	Болгария, Финляндия, Франция, Германия, Италия, Латвия, Испания	приведение планов по МПП стран ЕС в соответствие с Зеленым курсом; решение вопросов, связанных с изменениями климата и биоразнообразия; развитие устойчивой синей экономики замкнутого цикла; устойчивое обеспечение продовольствием; продвижение ПВЭ	ЕФМР	1,933
Морские охраняемые районы Европы (<i>Marine Protected Areas Europe, MPA Europe</i>)	январь 2023 – январь 2026	22 прибрежных государств-члена ЕС	определение и нанесение на карту потенциальных мест расположения морских охраняемых районов (МОР)	Программа «Научно обоснованное МПП и идентификация МОР» (<i>HORIZON-CL6-2021-BIODIV-01-12</i>)	2,682

Составлено по материалам, размещенным на Европейской платформе по МПП: MARSPLAN-BS. URL: <https://maritime-spatial-planning.ec.europa.eu/projects/cross-border-maritime-spatial-planning-black-sea>; MARSPLAN-BS II. URL: <https://maritime-spatial-planning.ec.europa.eu/projects/cross-border-maritime-spatial-planning-black-sea-bulgaria-and-romania>; RITMARE. URL: <https://maritime-spatial-planning.ec.europa.eu/projects/la-ricerca-italiana-il-mare>; MSP-GREEN. URL: <https://maritime-spatial-planning.ec.europa.eu/projects/maritime-spatial-planning-enabler-european-green-deal>; MPA Europe. URL: <https://maritime-spatial-planning.ec.europa.eu/projects/mpa-europe> (дата обращения: 02.02.2024).

Важное направление – оптимизация использования информационных ресурсов, сбор и организация обмена «наилучшими доступными данными», необходимыми для разработки морских пространственных планов, между государствами – членами. В 2007 г. Евросоюз принял стратегию развития инфраструктуры пространственной информации (метаданные, наборы и сервисы пространственных данных; соглашения об их обмене, доступе и использовании; сетевые сервисы и технологии и др.) на основе инфраструктуры стран ЕС¹. Для целей МПП используются географические информационные системы с участием общественности (ГИСОУ)². Разработанные к 2021 г. методы обмена данными и модели их обработки позволяют выводить сведения о морском пространственном планировании на общий портал Европейской сети морских наблюдений и передачи данных (*European Marine Observation and Data Network, EMODnet*)³, который обеспечивает доступ к «морским данным, метаданным и информационным продуктам и услугам» по семи темам⁴. За работу портала отвечает секретариат, деятельность которого финансирует ЕК.

Евросоюз регулярно оценивает результаты выполнения законодательных актов в природоохранной сфере. Например, в соответствии с положениями РДМС (которые связаны с Директивой по МПП) государства–члены ЕС каждые шесть лет должны корректировать морские стратегии и обязаны информировать ЕК о выполнении задач РДМС. Для этого данные передаются на специальную платформу по морским ресурсам (*Marine Water Information System for Europe, WISE-Marine*). Информационная система запущена Еврокомиссией в партнерстве с ЕАОС на портале Европейской информационной системы по водным ресурсам (*Water Information System for Europe, WISE*), созданном в 2007 г. Отчеты загружаются в центральную базу данных, расположенную на сайте Европейской сети информации и наблюдений за окружающей средой (ЕСИНОС). ЕСИНОС – партнерская сеть, в которую

¹ Directive 2007/2/EC of the European Parliament and of the Council of 14 March 2007 establishing an Infrastructure for Spatial Information in the European Community (INSPIRE). URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2007/2/oj> (дата обращения: 02.02.2024).

² Заинтересованные стороны и общественность участвуют в представлении пространственных знаний в ГИСОУ [Baldwin, Mahon, 2014; Ненько и др., 2021].

³ Report from the Commission to the European Parliament and the Council on the implementation of the Marine Strategy Framework Directive. COM (2020) 259 final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1593613439738&uri=CELEX:52020DC0259> (дата обращения: 02.02.2024).

⁴ EMODnet. Annual report 2022. URL: https://emodnet.ec.europa.eu/sites/emodnet.ec.europa.eu/files/public/EMODnet_AnnualReport2022_June2023_FINAL.pdf (дата обращения: 07.02.2024).

входят ЕАОС, его 38 стран-членов и другие государства. Таким образом, ЕС не только контролирует выполнение задач МПП, в т. ч. по отдельным элементам (РДМС), но и оцифровывает результаты, создавая универсальную цифровую среду практик управления морепользованием.

Организация управления МПП осуществляется на цикличной основе и обеспечивает оценку эффективности работы, постановку актуальных задач очередного этапа и планирование дальнейшей деятельности. Работа по совершенствованию организации МПП нацелена на выстраивание замкнутого контура управления, объединяющего региональные (страна, морской регион/субрегион, Евросоюз) и функциональные (отрасли морской деятельности) направления в интегрированную систему, которая выступает многоуровневой мультифункциональной моделью.

Заключение

Евросоюз продолжает активно работать над созданием единой системы МПП, нацеленной на реализацию принятой в 2014 г. концепции и согласованной с другими программными документами ЕС в экологической сфере. Помимо расширения практического применения данных технологий в собственных прибрежных странах, Брюссель прикладывает значимые усилия для их продвижения на региональных и глобальном уровнях.

Сегодня МПП используется для решения комплексных межотраслевых задач, в т. ч. для достижения целей Зеленого курса. При использовании технологий МПП в целях развития отдельно взятых морских отраслей приоритет отдается прежде всего прибрежной возобновляемой энергетике, аквакультуре и производству водорослей. В ряде случаев эта работа сопровождается применением новых технологических решений управления. К ним можно отнести методику многоцелевого использования морского пространства, позволяющую объединять энергетические и аквакультурные проекты на многоцелевых платформах.

Для продвижения механизмов МПП на региональном и глобальном уровнях ЕС активно развивает тематическое трансграничное сотрудничество с третьими государствами и ведущими международными и региональными организациями. Евросоюз занял важную позицию в мире в данной специфической технологической сфере, что дает ему определенные преференции. Устремления ЕС стать глобальным регулятором МПП декларируются в стратегических документах интеграционного объединения и обеспечиваются необходимым информационно-коммуникационным сопровождением.

Концептуальные установки устойчивой синей экономики и технологические решения МПП представляют современные мировые тренды, которые целесообразно принимать во внимание при планировании развития морской деятельности в Российской Федерации. Однако при рассмотрении возможности адаптации нужно учитывать, что относительно однородная климатическая и социальная среда ЕС отличается от российских условий. Этот фактор необходимо принимать во внимание при планировании дальнейшей деятельности России в сфере МПП и рассматривать в отечественных межведомственном и научно-исследовательском форматах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бакланов П.Я. (2018) Морское пространственное планирование: теоретические аспекты. *Балтийский регион*. Т. 10. № 2. С. 76–85.
- Дружинин А.Г., Гонтарь Н.В. (2022) Учет принципов морского пространственного планирования в управлении центрo-периферийными структурами: концептуальные подходы. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. № 4. С. 151–159.
- Ершова А.А., Вицентий А.В., Гогоберидзе Г.Г., Шишаев М.Г., Ломов П.А. (2018) Морское пространственное планирование: возможности для приморских территорий и прилегающих акваторий Мурманской области. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. Т. 14. № 2. С. 269–287. DOI: <https://doi.org/10.24891/ni.14.2.269>
- Колесникова М.Л. (2018) *Морское пространственное планирование в ЕС*. Аналитическая записка № 13 (109). 6 с. URL: www.instituteofeurope.ru/publications/analytics (дата обращения: 07.02.3024).
- Колесникова М.Л. (2019) Трансграничный контекст морского пространственного планирования в Европейском союзе. *Международная жизнь*. № 3. С. 59–72.
- Мякиненков В.М. (2013) Основные подходы к формированию инструментария и методические особенности морского пространственного планирования. *Балтийский регион*. № 1(15). С. 99–115.
- Ненько А.Е., Галактионова А.А., Эльдиб П.Ю., Курилова М.А., Подкорытова М.И. (2021) Геоинформационные системы общественного участия как инструмент соучаствующего проектирования. *Городские исследования и практики*. № 2. С. 96–112.
- Эйлер Ч.Н. (2014) *Обзор мирового опыта в области морского пространственного планирования: отчет для Рабочей группы по морскому пространственному планированию Всемирного фонда дикой природы (WWF)*. WWF, Париж, Франция. 136 с.
- Casimiro D., Guerreiro J. (2019) Trends in Maritime Spatial Planning in Europe: An Approach to Governance Models. *Journal of Environmental Protection*. No. 10. P. 1677–1698. DOI: <https://doi.org/10.4236/jep.2019.1012100>
- Baldwin K., Mahon R. (2014) A Participatory GIS for Marine Spatial Planning in the Grenadine Islands. *The Electronic Journal of Information Systems in Developing Countries*. No. 63 (7). P. 1–18. DOI: [10.1002/j.1681-4835.2014.tb00452.x](https://doi.org/10.1002/j.1681-4835.2014.tb00452.x)

Results of Maritime Spatial Planning in the EU

M.L. Kolesnikova

Scientific Researcher, the Department of Black Sea-Mediterranean Studies

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences

11-3, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009

E-mail: kml2007@mail.ru

Abstract. The paper discusses the main results of the development of maritime spatial planning (MSP) in the European Union by 2023. The study aims to evaluate the experience and developments of the EU in this specific area. Methodologically the analysis is based on regulatory documents, which establish the requirements of the MSP for its coastal member countries. Information from official EU sources on specialised projects and programs has been studied and summarised. The author drew a number of conclusions complementing the latest Russian research in the field of modern marine management. It is argued that by now the EU has created conditions for the planning of certain marine areas for various types of marine activities, provided political, institutional, fi-

nancial, information, and communication support for such actions. At the same time, the EU is largely focused on cross-border cooperation. An important result for the EU was the organisational factor, within which the management contour of the MSP processes for individual territorial administrative units (country, marine region/subregion, European Union) is being built. The proven algorithms provide the EU with the opportunity to become one of the main global actors that regulate the promotion of MSP technologies in various areas of the World's ocean.

Key words: maritime spatial planning (MSP), European Union, 2023, World Ocean

DOI: 10.31857/S0201708324020037

REFERENCES

- Baklanov P. (2018) Morskoe prostranstvennoe planirovanie: teoreticheskie aspekty [Marine spatial planning: theoretical aspects], *Baltic Region*, 10(2), pp. 76–85. (In Russian).
- Druzhinin A., Gontar N. (2022) Uchet principov morskogo prostranstvennogo planirovaniya v upravlenii centropериферийными структурами: konceptual'nye podhody [Taking into account the principles of marine spatial planning in the management of central-peripheral structures: conceptual approaches], *State and municipal management sholar notes*, 4, pp. 151–159. (In Russian).
- Ershova A., Vicentiy A., Gogoberidze G., Shishaev M., Lomov P. (2018) Morskoe prostranstvennoe planirovanie: vozmozhnosti dlya primorskih territorij i privileyushchih akvatorij Murmanskoy oblasti [Marine spatial planning: opportunities for the coastal territories and adjacent waters of the Murmansk region], *National Interests: Priorities and Security*, 14, 2(359), pp. 269–287. (In Russian).
- Kolesnikova M. (2018) Morskoe prostranstvennoe planirovanie v ES [Marine spatial planning in the EU], *Analytical papers of the Institute of Europe RAS*, 13(109), pp. 1–6. (In Russian).
- Kolesnikova M. (2019). Transgranichnyj kontekst morskogo prostranstvennogo planirovaniya v Evropejskom soyuze [The transboundary context of marine spatial planning in the European Union], *International Affairs*, 3, pp. 59–72. (In Russian).
- Myakinenkov V. (2013) Osnovnye podhody k formirovaniyu instrumentariya i metodicheskie osobennosti morskogo prostranstvennogo planirovaniya [The main approaches to the formation of tools and methodological features of marine spatial planning], *Baltic Region*, 1(15), pp. 99–115. (In Russian).
- Nenko A., Galaktionova A., Eldib P., Kurilova M., Podkorytova M. (2021) Geoinformacionnye sistemy obshchestvennogo uchastiya kak instrument souchastvuyushchego proektirovaniya [Geoinformation systems of public participation as a tool for collaborative design], *Urban Studies and Practices*, 2, pp. 96–112. (In Russian).
- Euler C. (2014) *Obzor mirovogo opyta v oblasti morskogo prostranstvennogo planirovaniya: otchet dlya Rabochej gruppy po morskomu prostranstvennomu planirovaniyu Vsemirnogo fonda dikoj prirody* [Overview of global experience in the field of marine spatial planning: report for the Working Group on Marine Spatial Planning of the World Wildlife Fund (WWF)], WWF, Paris, France. (In Russian).
- Casimiro D., Guerreiro J. (2019) Trends in Maritime Spatial Planning in Europe: An Approach to Governance Models, *Journal of Environmental Protection*, 10, pp. 1677–1698. DOI: <https://doi.org/10.4236/jep.2019.1012100>
- Baldwin K., Mahon R. (2014) A Participatory GIS for Marine Spatial Planning in the Grenadine Islands, *The Electronic Journal of Information Systems in Developing Countries*, 63(7), pp. 1–18. DOI: 10.1002/j.1681-4835.2014.tb00452.x

УДК 327.5

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФОРМАТОВ МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ КОНСУЛЬТАЦИЙ С УЧАСТИЕМ ФРГ

© 2024 ТРУНОВ Филипп Олегович

Кандидат политических наук

Ведущий научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН

117418, Россия, Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21

E-mail: ltrunov@mail.ru

Поступила в редакцию 13.09.2023

Принята к публикации 13.03.2024

Аннотация. При изучении межгосударственного диалога обычно внимание сосредоточено на контактах государственных чиновников высшего и высокого уровней, а также системе дипломатических представительств. В статье предпринята попытка исследовать деятельность такого института, как формат межправительственных (межгосударственных) консультаций. Представлены ключевые особенности функционирования данной площадки на примере Германии. Выбор кейса обусловлен разветвленностью системы форматов указанного типа с участием ФРГ и наработанным опытом в их использовании. Очерчен круг причин, которые затрудняют запуск Германией этой переговорной площадки в диалоге с США, Британией и англосаксонскими странами в целом. Рассмотрены сокращения в 2019–2023 гг. частоты межминистерских встреч ФРГ и Франции (с 1963 г.) и роль механизма в преодолении кризиса доверия внутри тандема. Показана сеньюризация переговорной повестки в 2013–2023 гг. для формата с Нидерландами – ближайшим союзником Германии. Все более распространенное явление во внешней политике ФРГ – длительное прерывание работы формата межправительственных консультаций. Внимание также уделено сравнению германских подходов к использованию исследуемого типа форматов в отношениях с РФ и КНР, которые стали основными объектами сдерживания со стороны Запада. Сделан вывод об общих «узких местах» в использовании Германией системы форматов межправительственных консультаций.

Ключевые слова: межгосударственный диалог, переговорные механизмы, ФРГ, США, Британия, Франция, Нидерланды, Израиль, Россия, Китай

DOI: 10.31857/S0201708324020049

Формат межправительственных консультаций обычно возникает для институционализации диалога держав и стран с несоразмерными ресурсными базами. Встречи проходят поочередно на территории партнеров с установленной частотой (один раз в полгода, год, два или три года). Отход от нее, тем более продолжительный перерыв в работе свидетельствуют о нисходящей динамике диалога. Как правило, встреча длится один день и представляет сочетание переговоров делегаций в полном составе и параллельно идущих консультаций на высшем уровне небольших групп (2–5 министров с каждой стороны) по тематическим блокам. Работа завершается пресс-конференцией глав делегаций и(или) принятием совместного заявления, реже – подписанием договоров. Анализ функционирования этой площадки выступает индикатором развития системы контактов государства.

Задача статьи – исследовать подход ФРГ к использованию формата межправительственных консультаций в конце 2010-х – начале 2020-х гг. Германия располагает разветвленной сетью площадок данного типа: на 2023 г. они имелись как минимум номинально или планировались в диалоге с 13 государствами Европы, Азии и Южной Америки. Среди них изучена работа формата только с КНР [Цвык, 2019: 212–214], Израилем и РФ [Белов, 2013]. В статье внимание уделено особенностям запуска и функционирования площадок с западными державами (США, Великобритания, Франция), Нидерландами, Израилем и ключевыми оппонентами вне Запада – Россией и Китаем.

«Узкие места» в использовании ФРГ формата в диалоге с западными державами

Германия – полноправный участник клуба западных держав. Однако с США формат межправительственных консультаций отсутствовал. С Британией выработана договоренность о его запуске с 2023 г.¹, но она не реализована в срок. В июне 2021 г. запущен механизм «2+2» с Австралией (встречи глав внешнеполитического и военного ведомств)². В зависимости от обстановки он может стать ядром формата межправительственных консультаций или остаться неравноценной заменой.

Англосаксонские страны предпочитают многосторонние структуры с широким кругом участников (классической пример – НАТО) или небольшие по составу (обычно 3–5 игроков) зачастую с ограниченно афишируемыми обязательствами. Примеры – альянс спецслужб «Пять глаз» (*Five Eyes*) [Манойло, 2020: 171–172],

¹ Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz mit Premierminister Johnson am 8. April 2022 in London. 08.04.2022. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-mit-premierminister-johnson-am-8-april-2022-in-london-2024728> (дата обращения: 07.09.2023).

² Gemeinsame Presseerklärung – Deutsch-Australische 2+2-Konsultationen auf Ministerebene. 10.06.2021. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/2-2-australien/2465256> (дата обращения: 07.09.2023).

форматы АУКУС (*AUKUS*)¹ [Васильев, 2022: 241–252] и «Партнеры в Тихоокеанском регионе» (*Partners in the Blue Pacific*). Закономерно сдержанное отношение к участию в форматах межправительственных консультаций, которое позволяет избежать более сильной привязки к конкретному партнеру. В случае ФРГ отсутствием или длительным оттягиванием запуска формата англо-саксонские державы обосновывали своим особым положением в отношениях в Германии и в рамках Евро-Атлантического сообщества. Увеличение влияния ФРГ вызывало обеспокоенность США и Британии, что проявилось в феноменах трампизма и брекзита. Они были болезненны для Берлина, поэтому он стремился уменьшить риск повторения такой ситуации посредством институционального укрепления диалога. В январе 2021 г., перед завершением президентства Д. Трампа, лидер Свободной демократической партии Германии (СвДП) К. Линднер предложил создать формат межправительственных консультаций с США. В начале июля 2021 г., накануне визита в США, канцлер А. Меркель достигла соответствующей договоренности с руководством Британии². Как отмечалось ранее, в июне 2021 г. ФРГ создала формат «2+2» с Австралией. Берлин считал запуск формата с Лондоном значимым элементом архитектуры диалога в эпоху постбрекзита [Mintel, von Ondazra, 2022]; с Канберрой – шагом по пути стратегического закрепления в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР).

Администрация Дж. Байдена не отреагировала на инициативу и тем самым подчеркнула старшинство в диалоге с ФРГ. В Вашингтонской декларации 15 июля 2021 г. стороны только согласовали создание германо-американского молодежного форума³ и не затронули вопрос полезности формата межправительственных консультаций. Отчетливое осознание Германией позиции США со стороны Германии проявилось в том, что он в принципе не был поставлен канцлером О. Шольцем.

Британия оттягивала запуск формата. На встречах, где обсуждался этот вопрос (в июне 2021 г. и апреле 2022 г.), к теме обращалась германская сторона. Берлин выступал не просто инициатором, но во многом оказывалась в положении просителя поддержки у англосаксонского партнера. В будущем Соединенное Королевство, США и Австралия продолжат обыгрывать этот интерес для роста вовлеченности ФРГ в выстраивание системы сдерживания РФ (в этом направлении вклад Германии весьма велик) и КНР⁴. Сценарий полноценного участия Берлина в конфронтации с Пекином может привести к изменению позиции Лондона, Вашингтона и Канберры по созданию формата. Однако недостаточные объемы военного вклада ФРГ, в которых заинтересованы англосаксонские державы, будут иметь

¹ Акроним, образованный от первых букв названий стран-участниц – Австралии (Australia), Соединенного Королевства (United Kingdom), США (United States). – *Прим. ред.*

² Gleichgesinnte Partner in der Welt. 02.07.2021. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/gesetzesvorhaben/kanzlerin-in-grossbritannien-1938720> (дата обращения: 07.09.2023).

³ Erklärung von Washington. 15.07.2021. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/erklarung-von-washington-1942704> (дата обращения: 07.09.2023).

⁴ Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz...; Gemeinsame Presseerklärung...

для нее чувствительные имиджевые последствия – отход в использовании площадки от заданной частоты, в т. ч. прерывания работы. При этом требования к размеру обязательств Германии будут расти. По этим причинам формат межправительственных консультаций с любой англосаксонской державой будет использоваться для демонстрации введомой роли ФРГ, и площадка, скорее всего, не станет институциональной страховкой от новых кризисов в диалоге. Более того, в случае повторного избрания Д. Трампа президентом США отсутствие формата окажется выгодным для ФРГ и позволит легче переносить сильное давление со стороны Вашингтона.

С Францией формат создан согласно Елисейскому договору 1963 г. с полугодичной частотой встреч, которая строго выдерживалась. В 2003 г. на 80-й встрече стороны решили трансформировать площадку в механизм межминистерских консультаций с очередностью 1-2 раза в год¹. Преобразование было осуществлено на фоне тесной кооперации Германии и Франции по противодействию вторжению США и других союзников в Ирак (2003). Переход к более гибкому формату обусловлен увеличением векторов внешнеполитической активности сторон (прежде всего Германии). Следовательно, сократилось время на встречи с партнером по тандему на высшем и высоком уровнях. Однако это не повлияло на стремление к неизменному прогрессу в развитии сотрудничества. Решению задачи способствовало функционирование в увязке с форматом германо-французского Совета по вопросам обороны и безопасности (с 1988 г.). На нем согласуется прежде всего вопросы по наращиванию военного и политико-дипломатического потенциала ЕС.

Вновь запущенная в 2003 г. схема работала без сбоев до конца 2010-х гг.: в 2003–2019 гг. прошла 21 встреча² в формате межминистерских встреч. Ахенский договор 2019 г. подтвердил особую роль формата и зафиксировал, что министр одного из партнеров не реже чем раз в полгода будет принимать участие в заседании правительства другого³. Далее последовало резкое сокращение частоты: 21-я встреча прошла в октябре 2019 г., 22-я – в мае 2021 г., 23-я – в январе 2023 г.⁴ Уменьшение количества встреч не обусловлено пандемией, т. к. работу можно было организовать дистанционно. Основная причина – заметное усиление конкуренции внутри тандема. В 2017–2018 гг. Э. Макрон декларировал планы по созданию европейской армии, т. е. многосторонних военных сил ЕС. Берлин поддержал эту идею, но на практике первоочередной задачей считал наращивание многосторонних группировок НАТО, укрепление функций рамочного государства [Glatz, Zapfe, 2017]. Среди причин – готовность в непровокационной форме дать ответ на стремление партнера

¹ Der Deutsch-Französische Ministerrat. 2023. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/de/frankreichs-beziehungen-zu-deutschland-osterreich-und-der-schweiz/bilaterale-beziehungen-zu-deutschland/der-deutsch-franzosische-ministerrat> (дата обращения: 07.09.2023).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Deutsch-französische Freundschaft – Antrieb für Europa. 22.01.2023. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/festakt-elysee-vertrag-2158696> (дата обращения: 7.09.2023).

к франкоцентричности европейской армии. ФРГ отказалась от участия в операции «Такуба» (*Takuba*) (2020–2022 гг.) в Сахаро-Сахельском регионе – боевой миссии Евросоюза, возглавляемой Францией. Все это содействовало тому, что планы Э. Макрона не получили быстрого развития [Фёдоров, 2021]. В рамках Постоянного структурированного сотрудничества (*Permanent Structured Cooperation, PESCO*), нацеленного на функциональную и технико-технологическую поддержку общих военных сил ЕС, Франция стремилась лидировать по числу руководимых проектных комитетов, Германия – стать во главе наиболее значимых¹.

Рост противоречий проявился в снижении интенсивности работы формата межминистерских встреч. При этом обе стороны активно использовали площадку для снятия или смягчения остроты раздражителей, демонстрации крепости уз. Большое значение имели совместные заявления, опубликованные по итогам 21-й (октябрь 2019 г. в Тулузе) и 22-й (май 2021 г. в Берлине) встреч. Оба документа начинались с разделов по сотрудничеству в торгово-хозяйственной и экологической сферах (в 2021 г. – также по противодействию пандемии), лейтмотив которого – увеличение профильных возможностей ЕС. В блоке по политике в области безопасности и обороны на первое место ставилось увеличение потенциала НАТО, в увязке с этим – развитие сил кризисного реагирования Евросоюза, проектных комитетов *PESCO*². Последовательность упоминания евро-атлантических институтов (НАТО, затем ЕС) отражала преобладание подхода ФРГ. Краткость в обращении к альянсу и детальность к Европейскому союзу были во многом учетом пожеланий Франции.

Последний для обоих заявлений (2019 и 2021 гг.) блок вопросов по международным проблемам отражал направления, в которых внутри тандема господствовало согласие. Германия и Франция считали допустимым отсутствие прогресса в имплементации «Минска-2», не высказывали озабоченность низкой эффективностью работы «Нормандского формата». В 2021 г., по сравнению с 2019 г., возросло взаимопонимание по ситуации в Ливии: факт срыва президентских выборов побуждал ФРГ, как модератора Берлинской конференции, более активно опираться на Францию и предопределил перераспределение влияния на этом треке в пользу последней. В свою очередь, Пятая республика остро нуждалась в помощи Германии для сохранения позиций в Сахаро-Сахельском регионе. В Мали после прихода к власти военных в 2020–2021 гг. Германия смогла дольше, чем бывшая метрополия, обеспечивать основу военного присутствия. По мере его утраты росла заинтересованность сторон в сотрудничестве. Консенсус Берлина и Парижа сохранялся по вопросу сближения государств Западных Балкан с ЕС³. Заявления

¹ См.: Projects (2023). URL: <https://www.pesco.europa.eu/#projects> (дата обращения: 07.09.2023).

² Deutsch-Französische Erklärung von Toulouse. 16.10.2019. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/deutsch-franzoesische-erklaerung-von-toulouse-16-oktober-2019-1682252> (дата обращения: 07.09.2023); Deutsch-Französische Erklärung von Berlin. 31.05.2021. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/deutsch-franzoesische-erklaerung-von-berlin-1919726> (дата обращения: 07.09.2023).

³ Там же.

по итогам межминистерских встреч (2019 и 2021 гг.) продемонстрировали, что ни одна из сторон не была заинтересована в ослаблении тандема: иллюстрацией стали 23-е межминистерские консультации с участием Э. Макрона и О. Шольца в 60-ю годовщину подписания Елисейского договора¹. Первоочередное внимание уделялось росту вклада в сдерживание РФ, что облегчало отстаивание Германией упора на роль НАТО и только затем на ЕС². Однако Франция была не готова принять старшинство партнера.

Особенности использования форматов в отношениях с иными западными демократиями: кейс Нидерландов

ФРГ пыталась использовать механизм межправительственных консультаций в диалоге еще с 5 государствами-членами НАТО и ЕС. Однако в большинстве случаев эта площадка работала со сбоями, что обусловлено двумя основными причинами. Первая – ограниченность спектра переговорных тематик особенно в политической и военной областях. Это предопределило редкое обращение к формату Германия – Испания³. Другой фактор – наличие четкого выраженного спора о лидерстве. Перерыв с 2016 по 2023 гг. в работе площадки с Италией обусловлен прежде всего тем, что скорость и результаты по увеличению влияния в мире у Берлина заметно больше, чем у Рима [См.: Маслова, Шебалина, 2023]. Формат с Турцией был организован только один раз в январе 2016 г. на фоне выработки соглашения Анкары и ЕС по миграционному вопросу⁴. Дистанцирование Турции от других ведущих государств-членов НАТО в первую очередь по проблематике Северной Африки и Ближнего Востока [Шлыков, 2020] резко уменьшило вероятность возобновления работы площадки. С 2018 г. не функционирует формат с Польшей. В период доминирования во власти партии «Право и справедливость» Варшава стремилась обеспечить ведущую роль в диалоге. Солидаризируясь с США, Польша проявляла недовольство тем, что военные расходы ФРГ заметно ниже планки в 2%. На 15-х межправительственных консультациях в Варшаве (2018) принимающая сторона включила в состав делегации партийных функционеров от Пис и поставила вопрос о репарациях за Вторую мировую войну⁵. В ответ Германия отложила на неопределенный срок проведение новой встречи. Ускорением роста военной мощи обеспечило ФРГ возможность в перспективе укрепить позиции по отношению к Польше.

¹ Deutsch-französische Freundschaft...

² Там же.

³ “Seite an Seite, Hand in Hand arbeiten“. 05.10.2022. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/deutsch-spanische-regierungskonsultationen-2131974> (дата обращения: 07.09.2023).

⁴ Erste Deutsch-Türkische Regierungskonsultationen in Berlin. 16.01.2016. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv/alt-inhalte/erste-deutsch-tuerkische-regierungskonsultationen-in-berlin-744790> (дата обращения: 07.09.2023).

⁵ Schwierige Gespräche in Warschau. 02.11.2018. URL: <https://www.deutschlandfunk.de/deutsch-polnische-regierungskonsultationen-schwierige-100.html> (дата обращения: 07.09.2023).

Формат с Нидерландами демонстрирует другую динамику. Это единственная подобная площадка с участием малого государства, что отражает ценность и близость Амстердама в политических и военных отношениях. Формат был запущен в 2013 г. с трехгодичной периодичностью. На первых встречах (2013 г., 2016 г.) основной акцент был сделан на торгово-хозяйственной проблематике. На переговорах в 2019 г. он сместился на политический блок¹, в 2023 г. – на военно-стратегическую повестку². Амстердам занимал более жесткую позицию в вопросе сдерживания России, что подталкивало Берлин к росту объемов вовлеченности в процесс. Перенос очередных консультаций с 2022 на 2023 г. стал чувствительным ударом для имиджа ФРГ. Окончательное закрепление Германии летом 2022 г. в положении одного из основных военных инвесторов в противодействие РФ было позитивно оценено Нидерландами и нашло отражение в заявлении по итогам 4-х консультаций в марте 2023 г.³

Под форматом была подведена практическая основа в виде интегрирования вооруженных сил, в первую очередь сухопутных войск. Все 3 бригады армии Королевства были переданы в управление 3 дивизий бундесвера: решения приняты в 2014 г., 2016 и 2023 гг.⁴ Таким образом произошла не только содержательная, но и хронологическая привязка важнейших решений по созданию двусторонних формирований и проведению встреч с секьюритизацией переговорной повестки.

Этот формат был использован Берлином для демонстрации приверженности мультилатерализму: к участию в 3-х консультациях (2019) были приглашены представители 11 государств⁵. Этим ФРГ подчеркивала, что воспринимает германо-нидерландские отношения как образцовый диалог. Такой подход нацелен на обеспечение позитивного отношения к лидерским амбициям Германии. При этом ФРГ оказалась намного сильнее завязана на партнера в плане учета его обеспокоенности и пожеланий. Это продемонстрировала ситуация 2022–2023 гг. Заметное ужесточение подхода Берлина к сдерживанию Москвы – закономерное продолжение проводимой линии, но фактор Нидерландов повлиял на скорость и чувствительность мер, прежде всего, поставок штурмовых орудий для вооруженных сил Украины. Аналогично Париж в январе 2023 г. де-факто использовал возможности механизма межминистерских встреч для склонения Берлина к передаче Киеву танков.

¹ Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und Ministerpräsident Rutte zu den 3. deutsch-niederländischen Regierungskonsultationen in Berlin. 02.10.2019. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-ministerpraesident-rutte-zu-den-3-deutsch-niederlaendischen-regierungskonsultationen-1678038> (дата обращения: 07.09.2023).

² Gemeinsame Erklärung – Deutsch-Niederländische Regierungskonsultationen. 27.03.2023. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/gemeinsame-erklaerung-deutsch-niederlaendische-regierungskonsultationen-27-maerz-2023-2173432> (дата обращения: 7.09.2023).

³ Там же.

⁴ См.: Heer. 2023. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer> (дата обращения: 07.09.2023).

⁵ Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel...

Система форматов в диалоге с государствами вне Запада: примеры Израиля, России и Китая

Сетка исследуемых площадок ФРГ вне евроатлантического сообщества была разреженной – обычно по одной на каждую региональную подсистему (кроме ИТР). При этом формат не был создан ни с одним из государств Африки. В Южной Азии с 2011 г. он существовал с Индией для обсуждения торгово-хозяйственных и экологических вопросов, но не военно-политических [Wagner et al., 2022]. Эта особенность характерна для единственного формата в Латинской Америке – с Бразилией (с 2016 г.). Другое отличие – большие перерывы в работе: вторые консультации прошли лишь в 2023 г.¹ Причины – общая слабость стратегических позиций в Южной Америке, спад двусторонних отношений после импичмента Д. Русеф и до избрания Л. да Сильвы.

Формат с Израилем создан в 2008 г. в контексте исторической ответственности Германии за Холокост и участия ФРГ в урегулировании арабо-израильского конфликта (на ливанском треке с 2006 г.). До 2018 г. формат успешно функционировал с заданной двухгодичной частотой², однако затем последовал перерыв. Основная причина – недовольство Израиля тем, что Германия вслед за США (при Д. Трампе) не перенесла посольство в Иерусалим и тем самым не признала юрисдикцию израильского государства над всем городом. До конца 2010-х гг. Берлин активно декларировал безальтернативность независимого Палестинского государства. Однако с 2022 г. стало заметным сближение Германии и Израиля, что сочеталось с ужесточением подхода ФРГ к диалогу с Ираном. Эта линия отчетливо проявилась на фоне полномасштабной наземной операции ЦАХАЛ в секторе Газа³. С высокой долей вероятности произойдет возобновление работы межправительственных консультаций, а Израиль сможет занять в них положение ведущего на среднесрочную перспективу.

Формат с Китаем учрежден в 2011 г. ФРГ создала его одновременно с такой же площадкой с участием Индии, но диалог с КНР востребован для обсуждения не только торгово-хозяйственных, но и политических вопросов. Иллюстративно совместное заявление по итогам пятых консультаций (июль 2018 г.). Стороны зафиксировали приверженность миропорядку, основанному на правилах (прежде

¹ Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz und Präsident da Silva zu den deutsch-brasilianischen Regierungskonsultationen am 4. Dezember 2023 in Berlin. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-und-praesident-da-silva-zu-den-deutsch-brasilianischen-regierungskonsultationen-am-4-dezember-2023-2247178> (дата обращения: 07.09.2023).

² Deutsch-israelische Regierungskonsultationen. 2023. URL: <https://embassies.gov.il/berlin/Relations/Deutsch-israelische%20Regierungskonsultationen> (дата обращения: 07.09.2023).

³ “Deutschlands Platz ist fest an der Seite Israels“. 19.10.2023. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/regierungserklaerung-scholz-2231140> (дата обращения: 07.09.2023).

всего Уставе ООН). Китай признавал возможным использование потенциала ЕС для решения проблем безопасности на Дальнем Востоке и не выступал против более частого непостоянного членства ФРГ в СБ ООН¹. Однако это не означало безусловную китайскую поддержку претензий Германии на постоянное место в Совете Безопасности. ФРГ координировала усилия с партнерами по Группе четырех (G4) – Бразилией, Индией, Японией, – а КНР скептически относится к инициативам группы.

С 2020-х гг. наблюдались признаки деградации диалога. В отличие от консультаций в 2020 г. на шестых (апрель 2021 г.) не было принято совместного заявления, что можно объяснить их дистанционным характером. Следующие консультации (июнь 2023 г.) проходили очно, и вновь отсутствие итогового документа свидетельствовало о росте разногласий. Например, попытка ФРГ добиться от Китая отказа от поставок вооружений и военной техники в РФ на фоне специальной военной операции на Украине оказалась неудачной. Участие в 7-х консультациях в ФРГ стало первой заграничной поездкой премьера Государственного совета КНР Ли Цяна². Вопрос о замене названия «межправительственные» на «межгосударственные» так и не был поднят.

С 2021–2022 гг. ФРГ начала использовать военно-морские силы и военно-воздушные силы для сотрудничества с партнерами в ИТР (Австралией, США, Японией), которые участвуют в сдерживании КНР. Однако Германия стремится избежать полноценной вовлеченности в этот процесс, что обусловлено как торгово-хозяйственной взаимозависимостью с КНР, так и сложностью участия в еще одной конфронтации. Одним из индикаторов остается неизменный подход ФРГ к сохранению формату межправительственных консультаций как несущему элементу архитектуры диалога³.

Подход Германии к институту межправительственных консультаций медленно меняется, что подтверждает запуск в марте 2023 г. формата с Японией⁴. Он будет играть заметную роль в обеспечении стратегического закрепления ФРГ в ИТР. Ор-

¹ Gemeinsame Erklärung anlässlich der 5. Deutsch-Chinesischen Regierungskonsultationen. 09.07.2018. URL: http://dusseldorf.china-consulate.gov.cn/det/xwtdt_6/201807/P020210722278564795028.pdf (дата обращения: 07.09.2023).

² Pressestatements von Bundeskanzler Scholz und Ministerpräsident Li Qiang zu den 7. Deutsch-Chinesischen Regierungskonsultationen am 20. Juni 2023 in Berlin. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressestatements-von-bundeskanzler-scholz-und-ministerpraesident-li-qiang-zu-den-7-deutsch-chinesischen-regierungskonsultationen-am-20-juni-2023-2197574> (дата обращения: 07.09.2023).

³ China-Strategie der Bundesregierung. Berlin. 2023. P. 21.

⁴ Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz und dem japanischen Ministerpräsidenten Kishida zum Abschluss der deutsch-japanischen Regierungskonsultationen. 19.03.2023. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-und-dem-japanischen-ministerpraesidenten-kishida-zum-abschluss-der-deutsch-japanischen-regierungskonsultationen-2172340> (дата обращения: 7.09.2023).

ганизация формата как механизма продвинутого сотрудничества двух бывших агрессоров во Второй мировой войне не может не вызывать беспокойства.

Германия все больше отказывается от исторической ответственности. Это особенно заметно на примере участия в политике сдерживании России. В отличие от китайского направления, ФРГ быстр заморозила формат консультаций с Литвой, которые были межгосударственными. Они ежегодно проводились с 1998 г. до 2012 г. Именно на этой площадке стороны подписывали основной массив межгосударственных соглашений и договоров [Белов, 2013: 8–9]. В 2013 г. произошел перерыв в работе формата, а в апреле 2014 г. германская сторона заявила о заморозке на неопределенный срок¹. С начала 2020-х гг. ФРГ вовсе перестала упоминать эту переговорную площадку и пошла по пути резкого сокращения потенциальных возможностей стать мостом в будущих отношениях Запада с Россией.

* * *

Внутри евроатлантического сообщества сеть форматов межправительственных консультаций ФРГ остается относительно плотной, но ситуация с их использованием разная. Во-первых, эти площадки отсутствуют в диалоге с англосаксонскими странами, а попытки изменить ситуацию не приносят успеха. Во-вторых, только в случаях с Францией и Нидерландами формат межправительственных консультаций сыграл роль страховочной сетки в периоды спада диалога. Во всех остальных примерах влияние ухудшения отношений на функционирование площадок было более заметным. Это проявлялось в продолжительных перерывах в их работе, в характере переговоров с рядом партнеров по НАТО. Заморозка формата с РФ и особенности его использования в диалоге с КНР отчетливо показывают разницу в подходах ФРГ к сдерживанию незападных держав. В ряде случаев, когда функционирование формата считается успешным (Нидерланды) или условно успешным (Израиль), заметно увеличение ориентированности Берлина на партнера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белов В.Б. (2013) Российско-германские отношения перед выборами в Бундестаг. *Современная Европа*. № 2. С. 7–13.

Васильев В.С. (2022) Англосаксонские скрижали нарастающего глобального цивилизационного противостояния. *Актуальные проблемы Европы*. № 4. С. 234–258. DOI: 10.31249/ape/2022.04.10

Манойло А.В. (2020) Современные стратегии кибербезопасности и киберобороны НАТО. *Актуальные проблемы Европы*. № 3. С. 160–184. DOI: 10.31249/ape/2020.03.08

Маслова Е.А., Шебалина Е.О. (2023). Италия в треугольнике Рим – Париж – Берлин. *Современная Европа*. № 2. С. 5–18. DOI: 10.31857/S0201708323020018

¹ Современные российско-германские отношения. 2023. URL: <https://germany.mid.ru/ru/rusger/bilateral-relations/present-state/> (дата обращения: 7.09.2023).

Фёдоров С.М. (2021) "Европейский проект" Макрона: четыре года спустя (французские планы и реалии Евросоюза). *Современная Европа*. № 5. С. 68–78. DOI: 10.15211/soveurope520216878

Цвык А.В. (2019) Стратегическое партнерство Германии и Китая на современном этапе: актуальные проблемы и новые возможности. *Актуальные проблемы Европы*. № 4. С. 210–228. DOI: 10.31249/ape/2019.04.12

Шлыков П.В. (2020) Между США, Европой и Евразией: трансформация внешнеполитических приоритетов Турции. *Актуальные проблемы Европы*. № 1. С. 110–135. DOI: 10.31249/ape/2020.01.06

Glatz R., Zapfe M. (2017) Ambitionierte Rahmennation: Deutschland in der NATO. *SWP-Aktuell*. No 62. P. 1–8.

Mintel J., von Ondazra N. (2022) Die Bilateralisierung der britischen Außenpolitik. *SWP-Aktuell*. No 16. P. 1–8. DOI: 10.18449/2022A16

Wagner C., Lemke J., Scholz T. (2022) Mehr Indien wagen. *SWP-Aktuell*. No 17. P. 1–4. DOI: 10.18449/2022A17

Features of Intergovernmental Consultations. The case of Germany

Ph. O. Trunov

Candidate of Sciences (Politics)

Leading Research Associate, Department of Europe and America, INION RAS

51/21, Nahimovskij prospect, Moscow, Russia, 117418

E-mail: *lrunov@mail.ru*

Abstract. The article explores interstate dialogue focusing on the contacts of highest state bureaucrats and to diplomatic missions. The author analyzed the format of intergovernmental (interstate) consultations and presents the key features of its functioning. The case study is Germany, which has developed a rather comprehensive system of the interstate formats. The difficulties of the creation of Germany's interstate dialogue with the US, the UK, Anglo-Saxon states as a whole are presented. The article explains the reduction (2019–2023) in the frequency of German–French interministerial meetings and the ability of the format to overcome the crisis of trust in tandem. The securitization of the negotiation agenda in 2013–2023 of Germany–Netherlands (as the closest ally of Germany) dialogue is highlighted. The paper determined the causes of the long-term interruption of intergovernmental consultations with NATO member-states and Israel as an increasingly common phenomenon in German foreign policy. Rather illustrative is Germany's approach to the formats with Russia and China as the key objects for containment by the West. "Bottle necks of the formats used by Germany in Euro-Atlantic community and in the world is underlined.

Key words. Interstate dialogue, negotiation formats, Germany, the USA, the UK, France, Netherlands, Israel, Russia, China.

DOI: 10.31857/S0201708324020049

REFERENCES

- Belov V.B. (2013). Rossijsko-germanskije otnoshenija pred vyborami v Bundestag [Russian-German relations before elections to Bundestag], *Sovremennaya Evropa*, 2, pp. 7–13. (In Russian).
- Glatz R., Zapfe M. (2017). Ambitionierte Rahmennaion: Deutschland in der NATO, *SWP-Aktuell*, 62, pp. 1–8.
- Fedorov S.M. (2021). "Evropeiskii proekt" Makrona: chetyre goda spustya (frantsuzskie plany i realii Evrosoyuzya) [Macron's "European project": four years later (French plans and the realities of the European Union)], *Sovremennaya Evropa*, 5, pp. 68–78. (In Russian).
- Manoilo A.V. (2020). Sovremennye strategii kiberbezopasnosti i kiberoborony NATO [NATO's current cybersecurity and cyber defense strategies], *Aktual'nye problemy Evropy*, 3, pp. 160–184. DOI: 10.31249/ape/2020.03.08 (In Russian).
- Maslova E.A., Shebalina E.O. (2023). Italiya v treugol'nike Rim – Parizh – Berlin [Italy in the Rome – Paris – Berlin triangle], *Sovremennaya Evropa*, 2, pp. 5–18. (In Russian).
- Mintel J., von Ondazra N. (2022). Die Bilateralisierung der britischen Außenpolitik. *SWP-Aktuell*, 16, pp. 1–8. DOI: 10.18449/2022A16
- Shlykov P.V. (2020). Mezhdou SShA, Evropoj i Evraziej: transformacija vneshnepolitich-eskih prioritetrov Turcii [Between the US, the EU and Eurasia: transformation of foreign policy priorities of Turkey], *Aktual'nye problemy Evropy*, 1, pp. 110–135. DOI: 10.31249/ape/2020.01.06 (In Russian).
- Tsvyk A.V. (2019). Strategicheskoe partnerstvo Germanii i Kitaya na sovremennom etape: aktual'nye pro-blemy i novye vozmozhnosti [Strategic partnership of Germany and China today: current problems and new opportunities], *Aktual'nye problemy Evropy*, 4, pp. 210–228. DOI: 10.31249/ape/2019.04.12 (In Russian).
- Vasiliev V.S. Anglosaksonskie skrizhali narastayushchego global'nogo tsivilizatsionnogo protivostoyaniya [Anglo-Saxon guidestones of growing global confrontation between civilizations], *Aktual'nye problemy Evropy*, 4, pp. 234–258. DOI: 10.31249/ape/2022.04.10 (In Russian).
- Wagner C., Lemke J., Scholz T. (2022). Mehr Indien wagen. *SWP-Aktuell*, 17, pp. 1–4. DOI: 10.18449/2022A17

УДК 328

ВЛИЯНИЕ РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО КРИЗИСА НА ПОЗИЦИИ НЕМЕЦКИХ ПАРТИЙ ПО ПРОБЛЕМЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА

© 2024 **ВАКАРЧУК Денис Олегович**

Кандидат исторических наук, доцент

*Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)
125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6*

E-mail: vakarchuk.d@rggu.ru

© 2024 **ИВОНИНСКАЯ Алена Алексеевна**

Бакалавр международных отношений, администратор

*Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)
125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6*

E-mail: ivoninskaiaalena@mail.ru

Поступила в редакцию 04.09.2023

Принята к публикации 13.03.2024

Аннотация. В 1990-е гг. в политической сфере ФРГ получил развитие дискурс энергетического перехода. Продолжительные политические дебаты о необходимости энергоперехода завершились после аварии на «Фукусиме-1» в 2011 г., когда среди ведущих немецких партий оформился консенсус по главным проблемам этого процесса. Однако украинский конфликт 2022 г. актуализировал использование ископаемых видов топлива и АЭС и привел к изменению устоявшихся позиций партий ФРГ по поводу достижения углеродной нейтральности. С помощью дискурс-аналитического подхода рассмотрено изменение энергетической политики Германии в условиях кризиса. Цель исследования – выявить дискурсивные сдвиги и преобладающие сюжетные линии в риторике партий ФРГ по проблеме энергоперехода после событий февраля 2022 г. Первое допущение заключалось в том, что в свете начала кризиса в риторике партий ФРГ сохранится доминирование дискурса энергоперехода. В качестве альтернативной гипотезы допускалось, что некоторые немецкие партии сдвинутся в сторону дискурса энергобаланса, и он станет преобладающим. В результате произойдет пересмотр энергетической политики. Контент-анализ записей партий ФРГ в социальной сети «Твиттер» подтвердил альтернативную гипотезу. Сделан вывод, что после начала энергетического кризиса под влиянием общественности ХДС/ХСС, СвДП

и «Левая» сдвинулись в сторону дискурса энергобаланса, который стал преобладающим. Это способствовало корректировке политического курса немецкого правительства в энергетической сфере.

Ключевые слова: Германия, ФРГ, энергетический переход, российско-украинский кризис, энергетический кризис, партии, «светофорная коалиция», дискурс, контент-анализ

DOI: 10.31857/S0201708324020050

С 1990-х гг. в политической дискуссии ФРГ появился дискурс энергетического перехода. На протяжении всех этапов развития этой концепции существовали две конкурирующие дискурсивные коалиции – коалиция энергоперехода («Союз 90 / Зелёные» и Социал-демократическая партия Германии) и коалиция энергобаланса (Христианско-демократический союз, Христианско-социальный союз и Свободная демократическая партия) [Nake et al., 2015; Leipprand et al., 2016; Buschmann, Oels, 2019].

Первая коалиция выступала за переход ФРГ к децентрализованной системе энергоснабжения, основанной на использовании возобновляемых источников энергии (ВИЭ), повышении уровня энергоэффективности и энергосбережения при одновременном отказе от ископаемых видов топлива и атомной энергии. Представители второй коалиции поддерживали идею о необходимости использования всех доступных на территории ФРГ технологий, в т. ч. мощностей, функционирующих за счет невозобновляемых энергоносителей, для обеспечения доступности цен на энергию и надежности энергоснабжения [Buschmann, Oels, 2019].

В 2000-е гг. к представителям первой дискурсивной коалиции примкнула образованная в 2007 г. партия «Левая», в предвыборных программах которой неоднократно звучала поддержка ускоренного процесса декарбонизации¹. В 2010-е гг. состав второй коалиции пополнила созданная в 2013 г. правая популистская партия «Альтернатива для Германии». АдГ, отрицая антропогенный характер глобального потепления и необходимость трансформации системы энергоснабжения, заняла наиболее радикальную позицию в этой коалиции².

Активное противостояние двух сторон по ключевым вопросам энергетической политики прекратилось после аварии на «Фукусиме-1» в 2011 г., когда ХДС/ХСС и СвДП поддержали отказ от атомной энергии. Таким образом, к моменту формиро-

¹ Bundeswahlprogramm der Partei Die Linke 2009. P. 7–9. URL: https://manifesto-project.wzb.eu//down/originals/41223_2009.pdf; Leitantrag des Parteivorstandes zum Wahlprogramm. Bundeswahl 2013. P. 66–68. URL: https://manifesto-project.wzb.eu//down/originals/41223_2013.pdf; Die Zukunft, für die wir kämpfen: Sozial. Gerecht. Frieden. Für alle. Wahlprogramm 2017. Die Linke. URL: https://manifesto-project.wzb.eu//down/originals/2017-2/41223_2017.pdf (дата обращения: 03.10.2023).

² Wahlprogramm. Parteitagbeschluss vom 14.04.2013. P. 4. URL: https://manifesto-project.wzb.eu//down/originals/41953_2013.pdf (дата обращения: 03.10.2023).; Deutschland. Aber normal. Programm der Alternative für Deutschland für die Wahl zum Deutschen Bundestag am 24. September 2017. Alternative für Deutschland. P. 64–66.

вания правительства «светофорной коалиции» в 2021 г. большинство немецких парламентских партий признало необходимость перехода ФРГ к углеродно-нейтральной экономике [Wiertz et al., 2023]. Однако по таким второстепенным вопросам, как сроки и способы ее внедрения, разногласия остались. «Союз 90 / Зелёные», СДПГ и «Левая» во время предвыборной компании 2021 г. выступили против использования природного газа, введения в эксплуатацию газопровода «Северный поток – 2», импорта сжиженного природного газа (СПГ) и поддержали досрочный отказ от угля к 2030 г.¹ ХДС/ХСС и СвДП, напротив, высказались за изначально установленный срок отказа от угольной энергетики (2038 г.) и использование природного газа в качестве переходной технологии на пути расширения доли ВИЭ в энергобалансе².

В условиях отказа от атомной и угольной энергетики и нестабильности ВИЭ компромиссом стало решение о временном использовании природного газа (в основном российского) как наиболее экологически чистого ископаемого вида топлива³. Вместе с тем в европейском политическом дискурсе крепла идея о повышении уровня надежности поставок энергоресурсов посредством снижения зависимости от российских поставок [Кавешников, 2017].

Начало специальной военной операции на Украине подтолкнуло правительство Германии к отказу от российского газа, что в сочетании с постковидным восстановлением экономики привело к энергетическому кризису в стране и способствовало поляризации партийного дискурса по проблеме энергоперехода и переоценке устоявшихся позиций партий [Белов, 2022]. Цель исследования – выявить особенности трансформации дискурсивных практик немецких политических партий по проблеме энергоперехода в условиях украинского конфликта.

Дизайн исследования

В отечественной и зарубежной научной литературе изучается влияние СВО и санкций в отношении РФ на функционирование энергетического сектора ФРГ [Белов, 2022; Меден, 2023; Fischer et al., 2022]. Однако лишь одна работа посвящена СВО как дискурсивному событию и ее воздействию на энергетическую политику ФРГ через призму партийного дискурса. [Wiertz et al., 2023]. Несмотря на подроб-

¹ Deutschland. Alles ist drin. Bundestagswahlprogramm 2021. P. 14–47. URL: https://manifesto-project.wzb.eu//down/originals/2021-1/41113_2021.pdf; Wahlprogramm zur Bundestagswahl 2021. Die Linke. P. 56–71. URL: https://manifesto-project.wzb.eu//down/originals/2021-1/41223_2021.pdf; Das Zukunftsprogramm der SPD 2021. P. 8–10. URL: https://manifesto-project.wzb.eu//down/originals/2021-1/41320_2021.pdf (дата обращения: 07.10.2023).

² Wahlprogramm der Freien Demokraten 2021. P. 79–81. URL: https://manifesto-project.wzb.eu//down/originals/2021-1/41420_2021.pdf; Das Programm für Stabilität und Erneuerung. CDU/CSU 2021. P. 41–46. URL: https://manifesto-project.wzb.eu//down/originals/2021-1/41521_2021.pdf (дата обращения: 07.10.2023).

³ Koalitionsvertrag zwischen SPD, Bündnis/Die Grünen und FDP 2021. P. 58–61. URL: <https://www.bundesregierung.de/resource/blob/974430/1990812/1f422c60505b6a88f8f3b3b5b8720bd4/2021-12-10-koav2021-data.pdf?download=1> (дата обращения: 07.10.2023).

ный анализ сдвигов в немецком дискурсе энергоперехода, такой подход имеет ряд недостатков.

Во-первых, в рассматриваемой работе для контент-анализа отбирались только записи социальной сети «Твиттер», содержащие хештег *#energiewende*. При таком принципе поиска не рассматриваются публикации, которые не включают этот хештег. В связи с этим мы предлагаем подход, в соответствии с которым поиск релевантных твитов производится с помощью словаря хештегов и слов, что позволяет охватить максимальное количество записей.

Во-вторых, временные рамки, ограниченные мартом 2022 г., не позволили авторам исследования дать ответ на вопрос, какой дискурс в количественном отношении стал преобладающим и наиболее влиятельным. Верхней границей настоящей статьи выступает декабрь 2022 г., что позволяет расширить выборку и посредством подсчета среднего коэффициента вовлеченности подписчиков на твит восполнить пробел.

В-третьих, немецкие исследователи производили кодирование твитов для поиска основных подтем внутри темы энергоперехода, в то время как авторы настоящей работы кодировали твиты исходя из их соответствия дискурсу энергобаланса или дискурсу энергоперехода. Это позволило упростить процесс идентификации преобладающего паттерна в риторике партий.

В качестве подхода к пониманию дискурса авторы использовали критический дискурс-анализ (КДА) Н. Фэркло [Fairclough, 1992]. Актеры по-разному трактуют события в зависимости от дискурса, создавая различные определения реальности, которые могут продвигаться конкурирующими дискурсивными коалициями [Leipprand et al., 2016]. Согласно КДА, борьба разных восприятий реальности за доминирующее положение приводит к изменениям на социальном уровне [Fairclough, 1992]. Следовательно, изменение политического курса ФРГ в сфере энергетики рассмотрено с точки зрения противостояния дискурсивной коалиции энергобаланса и дискурсивной коалиции энергоперехода, которые, борясь за дискурсивную гегемонию, стремятся через трансляцию своего видения реальности достичь дискурсивного закрытия, т. е. структурирования и институционализации дискурса [Buschmann, Oels, 2019].

Феномен энергетического перехода уже изучен в ряде работ с точки зрения дискурсивных процессов при помощи КДА, дополненного автоматизированным контент-анализом политических текстов как на уровне ЕС [Eckert, Kovalevska, 2021], так и на уровне парламентских дебатов в Германии [Leipprand et al., 2016]. Политический и общественный дискурсы зачастую исследуются при помощи синтеза вышеуказанных методов на основе данных социальных сетей, в частности «Твиттера» [Törnberg, Törnberg, 2016; Soares, Recuero, 2021; Wiertz et al., 2023].

В научной литературе подчеркивается, что кризисные события могут повлечь амбивалентные последствия для правительства и оппозиции в демократических политических режимах [Louwerse et al., 2021]. Консенсус правительства и оппозиции по кризисным мерам может повысить их легитимность среди общественности, в то время как разногласия способны привести к политическому кризису. Критика правительства оппозицией важна для сохранения качества демократиче-

ских режимов во время кризисных ситуаций, как катализатор общественного обсуждения. Это препятствует присвоению правительством больших контрольных полномочий.

На основе этих позиций можно предположить, что в условиях украинского кризиса в риторике ведущих парламентских партий сохранится доминирование дискурса энергетического перехода. В качестве альтернативной гипотезы можно допустить, что СвДП и ХДС/ХСС вернутся в дискурсивную коалицию энергобаланса, а СДПГ и «Зелёные» – наиболее последовательные сторонники дискурса энергоперехода – продолжат его поддерживать.

Верификация первой гипотезы означает, что ведущие немецкие политические партии сохраняют относительный консенсус по основным сюжетам политики энергоперехода. Это может придать дополнительный импульс зеленому курсу в энергетической сфере. Подтверждение альтернативной гипотезы определит, что дискурс энергобаланса станет преобладающим и получит большее влияние и общественную поддержку. Это может привести к корректировке политики энергоперехода в Германии.

Для проверки предположений и обеспечения репрезентативности наблюдений использован контент-анализ, выполненный при помощи языка программирования R. Корпус данных состоял из твитов партий «светофорной коалиции» (СДПГ, «Зелёные» и СвДП), и партий, представляющих оппозицию (ХДС/ХСС, АдГ, «Левая»), (01.01.2020 – 31.12.2022, n = 33 917). Особый интерес представляет дискурс АдГ, поскольку в последнее время эта партия набирает популярность среди электората¹.

Операционализация дискурса посредством использования данных из «Твиттера» полезна для оценки реакции партий на кризисные события ввиду большой базы пользователей этой сети в Германии (около 14,1 млн)² и возросшей роли онлайн-коммуникаций для осуществления оперативного взаимодействия партий с электоратом [Alonso-Muñoz, Casero-Ripollés, 2018; De Zúñiga et al., 2020].

Для проверки выдвинутых гипотез выявлено соотношение дискурса энергобаланса и дискурса энергоперехода в риторике партий в период до и после начала СВО. Из начальной выборки, включающей собственные твиты, ретвиты и ответы партий, отобраны только оригинальные твиты. Публикация оригинальных сообщений повышает узнаваемость партий в публичной сфере и устанавливает их связь с другими пользователями социальной сети. Это делает оригинальные твиты наиболее интересными для анализа [Muñoz et al., 2022].

¹ Bundestagswahlergebnisse seit 1949 – Zweitstimmen. URL: https://www.bundestag.de/parlament/wahlen/ergebnisse_seit1949-244692 (дата обращения: 07.10.2023).

² Hochrechnung zur Größe des Werbepublikums von Twitter in Deutschland in den Jahren 2020 und 2023 (in Millionen). URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/1220562/umfrage/werbereichweite-von-twitter-in-deutschland/> (дата обращения: 11.07.2023).

С помощью языка программирования R идентифицированы все существующие в публикациях партий слова и хештеги, из которых авторы вручную выбрали позиции, касающиеся проблемы энергоперехода, сформировав тематический словарь. Все публикации отфильтрованы по созданному словарю таким образом, чтобы выбирать только твиты, которые содержат как минимум одно слово или хештег. Посредством ручной проверки из анализа исключены записи, не соответствующие теме. После всех этапов фильтрации и проверки итоговая выборка составила 343 записи. Каждый твит был закодирован на соответствие одному из типов дискурса. Код «1» присваивался записям, содержащим положения дискурса энергоперехода, код «2» – энергобаланса.

Для того чтобы определить, какой тип дискурса приобрел наибольшее влияние и поддержку общественности, для каждого аккаунта партии рассчитан средний коэффициент вовлеченности подписчиков на твит. Этот параметр показывает, насколько эффективна деятельность аккаунта и насколько активно пользователи взаимодействуют с контентом¹. Ряд исследователей применял подход, в соответствии с которым мера влияния твита и степень его поддержки пользователями рассчитывалась как сумма количества лайков, ретвитов и комментариев [Sytnik, 2019] или лайков и ретвитов [Wiertz et al., 2023].

В исследовании средний коэффициент вовлеченности выступает относительной величиной и определяется как отношение суммы лайков и ретвитов, деленной на количество твитов, которые партия опубликовала за изучаемый период, к числу подписчиков партии на дату последнего обращения (декабрь 2022 г.), умноженное на 100: $\frac{\text{лайки+ретвиты}}{\text{подписчики}} \cdot 100^2$. Количество ответов пользователей на твиты партий не включено в вычисление, поскольку данный коэффициент не всегда представляет благоприятную реакцию на контент [Muñoz et al., 2022].

Результаты исследования

Контент-анализ твитов показал, что до СВО в риторике большинства немецких партий преобладал дискурс энергоперехода (Табл. 1). Только АдГ поддерживала продолжение эксплуатации АЭС и использование ископаемого топлива. После обострения украинского кризиса в феврале 2022 г. сокращение поставок энергоносителей и повышение их стоимости актуализировали положения дискурса энергобаланса. Он стал преобладающим в политической сфере ФРГ. Партия «Зелёных» и СДПГ продолжили следовать положениям дискурса энергоперехода, однако ХДС/ХСС и СвДП, входящая в правительство, вернулись к дискурсу энергобаланса. «Левая», которая ранее последовательно поддерживала форсирование энергоперехода, также стала придерживаться некоторых положений дискурса энергобаланса. АдГ с появлением дополнительных аргументов против трансфор-

¹ How to Calculate the Engagement Rate for All Social Media Platforms. URL: <https://www.socialinsider.io/blog/engagement-rate/#c3> (дата обращения: 20.08.2023).

² Там же.

мации системы энергоснабжения усилила риторику, дискредитирующую концепцию декарбонизации.

Таблица 1

Соотношение дискурса энергобаланса и дискурса энергоперехода в риторике немецких партий в «Твиттере» в период «до» и «после» начала СВО

Партия	01.01.2020 – 24.02.2022			24.02.2022 – 31.12.2022		
	Дискурс энергоперехода	Дискурс энергобаланса	Общее кол-во твитов	Дискурс энергоперехода	Дискурс энергобаланса	Общее кол-во твитов
«Союз 90 / Зелёные»	100%	0%	88	100%	0%	22
СДПГ	100%	0%	65	100%	0%	7
СвДП	100%	0%	5	0%	100%	7
ХДС/ХСС	100%	0%	25	15,8%	84,2%	56
АдГ	7,1%	92,9%	14	0%	100%	23
«Левая»	84,6%	15,4%	26	33,3%	66,7%	5
Соотношение двух типов дискурса в риторике партий	92,4%	7,6%	223	28,3%	71,7	120

Составлено авторами по данным социальной сети «Твиттер». CDU/CSU. URL: <https://twitter.com/cducsutb>; SPD Parteivorstand. URL: <https://twitter.com/spdde>; FDP. URL: <https://twitter.com/fdp>; BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN. URL: https://twitter.com/Die_Gruenen; AfD. URL: <https://twitter.com/AfD>; DIE LINKE. URL: <https://twitter.com/dieLinke> (дата обращения: 17.04.2023).

Подсчет среднего коэффициента вовлеченности подписчиков на твит показал, что до энергетического кризиса публикации, содержащие дискурс энергобаланса, получили большую поддержку немецкой общественности в основном за счет твитов АдГ. Однако при более детальном рассмотрении результатов выяснилось, что внушительный показатель коэффициента партии обусловлен наличием лишь одного твита, коэффициент вовлеченности которого составил 0,4 ед. Публикация содержит саркастическое высказывание, компрометирующие предложение «Зелёных» отказаться от двигателя внутреннего сгорания¹. До начала СВО дискурс энергоперехода пользовался поддержкой населения благодаря аудитории «Зелёных». По сравнению с ними АдГ, СДПГ, ХДС/ХСС, СвДП и «Левая» до начала СВО не оказывали особого влияния на общественное мнение в социальной сети «Твиттер».

Поддержка дискурса энергоперехода пользователями «Твиттера» значительно снизилась: средний коэффициент вовлеченности подписчиков на твиты «Зелёных» и СДПГ упал на 36 и 50% соответственно (Табл. 2). Твиты партий, которые переориентировались в сторону дискурса энергобаланса, получили большую поддержку

¹ @AfD 6:00 PM April 3, 2021. URL: <https://twitter.com/AfD/status/1378361674919505922> (дата обращения: 07.10.2023).

немецкоговорящих пользователей: совокупный показатель среднего коэффициента вовлеченности для твитов с дискурсом энергобаланса составил 0,45 ед., а с дискурсом энергоперехода – 0,24 ед. Это свидетельствует о переоценке немецкой общественностью подхода к трансформации системы энергоснабжения. В кризисных условиях императив защиты климата ушел на второй план. Вперед были выдвинуты прагматические интересы и стремление в кратчайшей перспективе обеспечить надежность и доступность энергоснабжения.

Таблица 2

Средний коэффициент вовлеченности подписчиков на твиты немецких партий с дискурсами энергобаланса и энергоперехода в период «до» и «после» начала СВО

Партия	01.01.2020 – 24.02.2022			24.02.2022 – 31.12.2022		
	Дискурс энергоперехода	Дискурс энергобаланса	Общий показатель по двум типам дискурса	Дискурс энергоперехода	Дискурс энергобаланса	Общий показатель по двум типам дискурса
«Союз 90 / Зелёные»	0,14	0	0,14	0,09	0	0,09
СДПГ	0,04	0	0,04	0,02	0	0,02
СвДП	0,1	0	0,1	0	0,05	0,05
ХДС/ХСС	0,01	0	0,01	0,09	0,12	0,21
АдГ	0	0,56	0,55	0	0,23	0,23
«Левая»	0,05	0,04	0,09	0,04	0,05	0,09
Всего по партиям	0,34	0,6	0,93	0,24	0,45	0,69

Составлено авторами по данным социальной сети «Твиттер». Данные представлены в условных единицах.

Основную роль в установлении повестки дня на тему энергоперехода стала играть ХДС/ХСС, заменив «Зелёных», и АдГ, показатели среднего коэффициента вовлеченности которых стали самыми высокими. Однако, несмотря на поддержку последней дискурса энергобаланса и увеличение количества записей этой партии, средний коэффициент вовлеченности подписчиков «Альтернативы для Германии» по двум типам дискурса по сравнению с предшествующим периодом снизился. Вероятно, это обусловлено радикальной позицией АдГ: в условиях кризиса ее представители призывали отменить санкции против РФ, запустить «Северный поток – 2» и вместо политической поддержки Украины сосредоточиться на сохранении энергобезопасности ФРГ. Уровень положительного отклика на публикации и заинтересованность аудитории контентом СвДП, сдвинувшейся в сторону дискурса энергобаланса, после начала СВО увеличились. Степень поддержки твитов партии «Левая» сохранилась на том же уровне, несмотря на корректировку их позиции.

В контексте начала энергетического кризиса представители коалиции энергоперехода не рассматривали ископаемые источники энергии и атомную энергию как способ решения проблем, стоящих перед энергетической политикой: «Мы идём туда, где больно. Но мы никогда не будем путать, что является проблемой, а что решением. Ископаемые источники энергии и ядерная энергетика – это проблема», –

сказал Роберт Хабек¹ (твит партии «Зелёных», 04.10.22). Между тем содержание дискурса энергоперехода в период после начала СВО трансформировалось. Представители «Зелёных» в качестве аргументации форсирования перехода стали использовать не только проблему изменения климата, но и необходимость обеспечения энергобезопасности за счёт снижения зависимости от ископаемых видов топлива в среднесрочной перспективе².

В то же время сокращение поставок энергоресурсов и повышение их стоимости способствовали возвращению СвДП и ХДС/ХСС к идеям продления эксплуатации АЭС, а также временного продолжения использования электростанций, работающих на угле, нефти и природном газе. Кроме того, актуальным для этих партий становится импорт американского СПГ³. При высказывании сомнения в стабильности генерации электроэнергии на основе ВИЭ представители дискурса энергобаланса не призывают отказаться от их использования, а, наоборот, рассматривают в качестве еще одной возможности наряду с ископаемыми энергоносителями для обеспечения энергобезопасности в сложившихся условиях дефицита энергетических ресурсов⁴.

«Зелёные», СДПГ и «Левая» возлагают ответственность за кризис на непоследовательную политику ХДС/ХСС и СвДП в области расширения ВИЭ⁵, в то время как последние, а также АдГ – на поспешный отказ от атомной энергии и угля⁶.

Вывод

СВО привело к актуализации дискурса энергобаланса и нарушило консенсус ведущих немецких партий по проблеме энергоперехода. В сторону дискурса энергобаланса сдвинулись не только партии оппозиции (ХДС/ХСС и «Левая»), но и СвДП, входящая в «светофорную коалицию», что подтверждает вторую гипотезу.

¹ @Die_Gruenen 8:11 PM · Oct 14, 2022. URL: https://twitter.com/Die_Gruenen/status/1580969602174971910 (дата обращения: 16.05.2023).

² Ricarda_Lang 5:34 PM Jun 12, 2022 from Berlin, Deutschland. URL: https://twitter.com/Ricarda_Lang/status/1535993967740854272 (дата обращения: 25.04.2023).

³ @c_lindner 6:17 PM · Aug 29, 2022. URL: https://twitter.com/c_lindner/status/1564270930075045891 (дата обращения: 16.05.2023).

⁴ @fdp 4:35 PM · Sep 23, 2022. URL: <https://twitter.com/fdp/status/1573304992680796160> (дата обращения: 16.05.2023).

⁵ @Die_Gruenen 8:11 PM · Oct 14, 2022. URL: https://twitter.com/Die_Gruenen/status/1580951443674083330; @spdde 3:49 PM · Nov 6, 2022. URL: <https://twitter.com/spdde/status/1589238418663505920>; @Janine_Wissler 1:30 PM · Aug 26, 2022. URL: <https://twitter.com/dieLinke/status/1563197426152148992> (дата обращения: 16.05.2023).

⁶ @FriedrichMerz 12:33 PM · 17 Oct, 2022. URL: <https://twitter.com/FriedrichMerz/status/1581941487159644160>; @fdp 1:30 PM · Oct 1, 2022. URL: <https://twitter.com/fdp/status/1576157564596736000>; @AfD 4:24 PM · Aug 5, 2022. URL: <https://twitter.com/AfD/status/1555545308079210496> (дата обращения: 25.04.2023).

Дискурс энергобаланса стал не только преобладать в риторике немецких партий, но и получил бóльшее внимание и поддержку общественности в условиях кризиса. За этим последовало дискурсивное закрытие некоторых аспектов. В частности, сроки эксплуатации АЭС были продлены до апреля 2023 г.¹, использование электростанций, работающих на ископаемых видах топлива, расширено², построены СПГ-терминалы и увеличены объемы его импорта³. В это же время после февраля 2022 г. в дискурсе «Зелёных» энергопереход стал восприниматься не только как способ защиты климата, но и как стратегия обеспечения национальной безопасности в среднесрочной перспективе. Поскольку обе дискурсивные коалиции признали необходимость дальнейшего расширения альтернативной энергетики, это положение также подверглось закреплению на законодательном уровне: в марте 2022 г. к ряду законов ФРГ были приняты поправки, призванные ускорить процедуры расширения ВИЭ и электросетей⁴. Все это говорит о рационализации подходов партий к принятию решений по осуществлению политики энергоперехода.

Настоящее исследование имеет ряд ограничений. Во-первых, кодирование твитов в зависимости от их принадлежности тому или иному типу дискурса производилось вручную. Использование машинного обучения способно повысить объективность результатов. Во-вторых, средний коэффициент вовлеченности подписчиков на твит необязательно показывает заинтересованность исключительно подписчиков изучаемой партии, поскольку лайки и ретвиты могут ставить также другие пользователи «Твиттера». В-третьих, вывод о политических последствиях трансформации дискурса ограничен, т. к. в случае изменения обстоятельств, например завершения кризиса, они могут модифицироваться. Кроме того, исследовательская выборка основана только на данных из «Твиттера». Для дополнительной валидности результатов исследования можно обратиться к дискурс-анализу парламентских дебатов и контент-анализу пресс-релизов партий. Указанные ограничения можно рассматривать как возможность для расширения исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белов В.Б. (2022) Смена парадигмы в энергетической кооперации Германии с Россией. *Современная Европа*. № 4(111). С. 5–21. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0201708322040015>

¹ Bundestag beschließt AKW-Laufzeitverlängerung bis Mitte April 2023. URL: <https://www.bundestag.de/dokumente/textarchiv/2022/kw45-de-atomgesetz-freitag-917474> (дата обращения: 16.05.2023).

² Weniger Gasverbrauch im Ernstfall. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/themen/klimaschutz/gasersatz-reserve-2048304> (дата обращения: 16.05.2023).

³ Gasimporte nach Deutschland. URL: https://www.dashboard-deutschland.de/indicator/tile_1667993866759 (дата обращения: 23.04.2023).

⁴ Mehr Tempo beim Ausbau Erneuerbarer Energien und der Stromnetze: Bundestag und Bundesrat billigen Durchführungsregelungen zur EU-Notfallverordnung. URL: <https://www.bmwk.de/Redaktion/DE/Pressemitteilungen/2023/03/20230303-mehr-tempo-beim-ausbau-der-erneuerbaren-energien-und-der-stromnetze.html> (дата обращения: 16.07.2023).

Кавешников Н.Ю. (2017) Энергетическая безопасность в стратегии Могерини: выводы для России. *Современная Европа*. № 1. С. 22–31. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope120172231>

Меден Н.К. (2023) Электроэнергетика Германии в условиях энергокризиса: цена надёжности. Часть 1. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. № 2(32). С. 113–124. DOI: <https://doi.org/10.15211/vestnikieran22023113124>

Alonso-Muñoz L., Casero-Ripollés A. (2018) Political agenda on Twitter during the 2016 Spanish elections: issues, strategies, and user's responses. *Communication & Society*. Vol. 31. Issue 3. P. 7–25. DOI: <https://doi.org/10.15581/003.31.3.7-23>

Buschmann P., Oels A. (2019) The overlooked role of discourse in breaking carbon lock-in: The case of the German energy transition. *WIREs Climate Change*. Vol. 10. Issue 3. DOI: <https://doi.org/10.1002/wcc.574>

De Zúñiga H.G., Michalska K.K., Römmele A. (2020) Populism in the era of Twitter: How social media contextualized new insights into an old phenomenon. *New Media & Society*. Vol. 22. Issue 4. P. 585–594. DOI: <https://doi.org/10.1177/1461444819893978>

Eckert E., Kovalevska O. (2021) Sustainability in the European Union: Analyzing the Discourse of the European Green Deal. *Risk and Financial Management*. Vol. 14. Issue 2. 80. DOI: <https://doi.org/10.3390/jrfm14020080>

Fairclough N. (1992) *Discourse and social change*. Polity Press, Cambridge, UK. 259 p.

Fischer A., Küper M., Schaefer T. (2022) Gaslieferungen aus Russland können kurzfristig nicht kompensiert werden. *Wirtschaftsdienst*. Vol. 102. Issue 4. P. 259–261. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10273-022-3162-z>

Hake J., Fischer W., Venghaus S., Weckenbrock C. (2015) The German Energiewende – History and status quo. *Energy*. Vol. 92. P. 532–546. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.energy.2015.04.027>

Leipprand A., Flachsland C., Pahle M. (2016) Energy transition on the rise: discourses on energy future in the German parliament. *Innovation The European Journal of Social Science Research*. Vol. 30. Issue 3. P. 283–305. DOI: <https://doi.org/10.1080/13511610.2016.1215241>

Louwerse T., Sieberer U., Tuttnauer O., Andeweg R. (2021) Opposition in times of crisis: COVID-19 in parliamentary debates. *West European Politics*. Vol. 44. Issue 5–6. P. 1025–1051. DOI: <https://doi.org/10.1080/01402382.2021.1886519>

Muñoz M.M., Rojas-de-Gracia M.M., Navas-Sarasola C. (2022) Measuring engagement on twitter using a composite index: An application to social media influencers. *Journal of Infometrics*. Vol. 16. Issue 4. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.joi.2022.101323>

Soares F.B., Recuero R. (2021) Hashtag Wars: Political Desinformation and Discursive Struggles on Twitter Conversations During the 2018 Brazilian Presidential Campaign. *Social Media + Society*. Vol. 7. Issue 2. DOI: <https://doi.org/10.1177/20563051211009073>

Sytnik A. (2019) Digitalization of Diplomacy in Global Politics on the Example of 2019 Venezuelan Presidential Crisis. *Digital Transformation and Global Society*. P. 187–196. DOI: http://dx.doi.org/10.1007/978-3-030-37858-5_15

Törnberg A., Törnberg P. (2016) Muslims in social media discourse: Combining topic modeling and critical discourse analysis. *Discourse Context & Media*. Vol. 13. P. 132–142. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.dcm.2016.04.003>

Wiertz T., Kuhn L., Mattissek A. (2023) A turn to geopolitics: Shifts in the German energy transition discourse in light of Russia's war against Ukraine. *Energy Research & Social Science*. Vol. 98. 103036. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.erss.2023.103036>

Impact of the Russian-Ukrainian Crisis on the Approaches of German Parties towards Energy Transition

D.O. Vakarchuk

*Candidate of Sciences (History), Associate Professor,
Russian State University for the Humanities (RSUH),
6, Miusskaia square, Moscow, Russia, 125993
E-mail: vakarchuk.d@rggu.ru*

A. A. Ivoninskaia

*Graduate student in International Relations, administrator
Russian State University for the Humanities (RSUH),
6, Miusskaia square, Moscow, Russia, 125993
E-mail: ivoninskaiaalena@mail.ru*

Abstract. Since the 1990s, Germany has been following the concept of the energy transition. A long political debate on the necessity of its implementation ended after the Fukushima Daiichi accident in 2011, when a consensus emerged among the leading German parties on the main problems of the energy transition. However, the Russian-Ukrainian conflict of 2022 has actualized the use of fossil fuels, NPPs and has led to a change in the established positions of the German parties on achieving carbon neutrality. The authors of the article used discourse-analytical approach to study the issue and examined the changes in Germany's energy policy in the context of the crisis through the perspective of the transformation of the discourse of German parties. The aim of the study was to identify discursive shifts as well as dominant narratives in the rhetoric of German parties on the energy transition problem after the February 2022 events. It was assumed that the energy transition discourse would remain dominant in the rhetoric of the German parties in light of the onset of the crisis. As an alternative hypothesis, it was assumed that a number of German parties would shift towards the energy mix discourse, making it dominant and most influential, leading to a revision of the German energy policy. The content analysis of the FRG parties' tweets confirmed the alternative hypothesis. The authors conclude that after the beginning of the energy crisis, under the influence of public sentiment, the CDU/CSU, FDP and Left shifted towards the energy mix discourse, making it dominant and more influential than the energy transition discourse. This contributed to the adjustment of the German government's policy in the energy sector.

Key words: Germany, FRG, energy transition, Russian-Ukrainian crisis, energy crisis, parties, “traffic light coalition”, discourse, content analysis

DOI: 10.31857/S0201708324020050

REFERENCES

Alonso-Muñoz L., Casero-Ripollés A. (2018) Political agenda on Twitter during the 2016 Spanish elections: issues, strategies, and user's responses, *Communication & Society*, 31(3), pp. 7–25. DOI: <https://doi.org/10.15581/003.31.3.7-23>

Belov V.B. (2022) Smena paradigmy v energeticheskoi kooperatsii Germanii s Rossiei [Paradigm Change in the Energy Cooperation between Germany and Russia], *Contemporary Europe*, 4(111), pp. 5–21. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0201708322040015> (In Russian).

Buschmann P., Oels A. (2019) The overlooked role of discourse in breaking carbon lock-in: The case of the German energy transition, *WIREs Climate Change*, 10(3). DOI: <https://doi.org/10.1002/wcc.574>

De Zúñiga H.G., Michalska K.K., Römmele A. (2020) Populism in the era of Twitter: How social media contextualized new insights into an old phenomenon, *New Media & Society*, 22(4), pp. 585–594. DOI: <https://doi.org/10.1177/1461444819893978>

Eckert E., Kovalevska O. (2021) Sustainability in the European Union: Analyzing the Discourse of the European Green Deal, *Risk and Financial Management*, 14(2), 80. DOI: <https://doi.org/10.3390/jrfm14020080>

Fairclough N. (1992) *Discourse and social change*, Polity Press, Cambridge, UK.

Fischer A., Küper M., Schaefer Th. (2022) Gaslieferungen aus Russland können kurzfristig nicht kompensiert werden, *Wirtschaftsdienst*, 102(4), pp. 259–261. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10273-022-3162-z>

Hake J., Fischer W., Venghaus S., Weckenbrock C. (2015) The German Energiewende – History and status quo, *Energy*, 92, pp. 532–546. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.energy.2015.04.027>

Kaveshnikov N. (2017) Energeticheskaya bezopasnost' v strategii Mogerini: vyvody dlya Rossii [Energy Security in Mogherini's Strategy: Conclusions for Russia], *Contemporary Europe*, 1, pp. 22–31. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope120172231> (In Russian).

Leipprand A., Flachsland C., Pahle M. (2016) Energy transition on the rise: discourses on energy future in the German parliament, *Innovation The European Journal of Social Science Research*, 30(3), pp. 283–305. DOI: <https://doi.org/10.1080/13511610.2016.1215241>

Louwerse T., Sieberer U., Tuttnauer O., Andeweg R. (2021) Opposition in times of crisis: COVID-19 in parliamentary debates, *West European Politics*, 44(5–6), pp. 1025–1051. DOI: <https://doi.org/10.1080/01402382.2021.1886519>

Muñoz M.M., Rojas-de-Gracia M.M., Navas-Sarasola C. (2022) Measuring engagement on twitter using a composite index: An application to social media influencers, *Journal of Infometrics*, 16(4). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.joi.2022.101323>

Meden N.K. (2023) Elektroenergetika Germanii v usloviyakh energokrizisa: tsena nadezhnosti. Chast' 1 [The German Power Industry Under Conditions of Energy Crisis: the Price of Reliability. Part 1], *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, 2(32), pp. 113–124. DOI: <https://doi.org/10.15211/vestnikieran22023113124> (In Russian).

Soares F.B., Recuero R. (2021) Hashtag Wars: Political Desinformation and Discursive Struggles on Twitter Conversations During the 2018 Brazilian Presidential Campaign, *Social Media + Society*, 7(2). DOI: <https://doi.org/10.1177/20563051211009073>

Sytnik A. (2019) Digitalization of Diplomacy in Global Politics on the Example of 2019 Venezuelan Presidential Crisis, *Digital Transformation and Global Society*, pp. 187–196. DOI: http://dx.doi.org/10.1007/978-3-030-37858-5_15

Törnberg A., Törnberg P. (2016) Muslims in social media discourse: Combining topic modeling and critical discourse analysis, *Discourse Context & Media*, 13, pp. 132–142. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.dcm.2016.04.003>

Wiertz T., Kuhn L., Mattissek A. (2023) A turn to geopolitics: Shifts in the German energy transition discourse in light of Russia's war against Ukraine, *Energy Research & Social Science*, 98, 103036. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.erss.2023.103036>

УДК 339.923

ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ ЕС: ВКЛАД В РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМ ДЕКАРБОНИЗАЦИИ

ВАРНАВСКИЙ Владимир Гаврилович

Доктор экономических наук, профессор

Руководитель Центра промышленных и инвестиционных исследований

Национальный исследовательский институт

мировой экономики и международных отношений

имени Е.М. Примакова РАН

117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23

E-mail: varnavsky@imemo.ru

Поступила в редакцию 19.01.2024

Принята к публикации 13.03.2024

Аннотация. Транспортная система ЕС вступает в очередную фазу коренной трансформации, а железные дороги становятся одним из основных инструментов зеленой политики и решения экологических проблем на период до 2050 г. Брюссель принял ряд документов, которые предусматривают ускоренное развитие Трансъевропейской транспортной сети (*TEN-T*). Приоритетами выступают реструктуризация грузовых и пассажирских перевозок в пользу железных дорог, мультимодальные перевозки, опережающее строительство и модернизация железнодорожных высокоскоростных магистралей (ВСМ). Цель статьи – оценка состояния железных дорог и возможностей по реализации программы *TEN-T* в части сокращения выбросов парниковых газов (ПГ), мультимодальных перевозок и создания ВСМ. Воспроизводственные процессы в отрасли железнодорожных перевозок осуществлялись практически в неизменных масштабах в 2010–2022 гг. с небольшим приростом пассажирского транспорта и при слабых структурных изменениях. В пределах предстоящих 25 лет наибольшее влияние на экономику ЕС, экологию и общество окажет опережающее развитие ВСМ. Железные дороги – единственный транспорт, обладающий резервом по наращиванию скорости. Сделан вывод, что для формирования единого транспортно-экономического пространства ЕС необходимы глубокие институциональные реформы, в первую очередь введение единых стандартов, норм и правил в отрасли для всех стран – участниц.

Ключевые слова: Европейский союз, железные дороги, транспорт, Трансъевропейская транспортная сеть, мультимодальные перевозки, высокоскоростные магистрали, декарбонизация, парниковые газы

DOI: 10.31857/S0201708324020062

Транспорт занимает важное место в экономике ЕС. Начиная с Зеленого курса¹ акценты в приоритетах регулирования отрасли стали смещаться в сторону железных дорог. Во главу угла поставлены их главные преимущества и резервы. Во-первых, железные дороги – наиболее чистый вид транспорта в сравнении с основными загрязнителями в отрасли (автомобилями и авиацией). Во-вторых, железнодорожные магистрали имеют значительный запас по повышению скорости движения, эффективности, производительности, качества обслуживания и сокращению издержек. В случае преодоления производственных и управленческих недостатков они могут стать дополнительным источником экономического роста. В-третьих, железные дороги должны стать центральным интегрирующим звеном в мультимодальных перевозках² и связать в единую сеть аэропорты, морские и речные порты. Коренные изменения в материально-техническом оснащении и управлении железными дорогами ЕС на период до 2050 г. сводятся к трем основным направлениям: экологичность, мультимодальность и высокоскоростные магистрали (ВСМ).

Состояние отрасли

В современной экономике с многочисленными внутривнутриотраслевыми и межотраслевыми связями транспорт играет одну из ключевых ролей. В ЕС он относится к структурообразующим секторам хозяйства. В 2022 г. вклад транспорта в ВВП Евросоюза составил 5,2%, что в 2,5 раза выше автомобильной промышленности и сопоставимо с информационными и коммуникационными технологиями³. В отрасли работают 10,4 млн. человек, или 4,9% занятого населения ЕС.

Одновременно транспорт – непропорционально крупный в сравнении с его удельными показателями в экономике загрязнитель окружающей среды. По данным Европейского агентства по окружающей среде (*European Environment Agency, EEA*), на него приходится около 25% выбросов парниковых газов (ПГ)⁴.

¹ В итоговом варианте Зеленый курс ЕС был представлен в июле 2021 г. и детализирован в пакете законопроектов: European Green Deal: Commission proposes transformation of EU economy and society to meet climate ambitions. Press release. 14.07.2021. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_21_3541 (дата обращения: 28.02.2024).

² Мультимодальные перевозки означают транспортировку со сменой вида транспорта при наличии общего договора перевозчиков, когда только один из них осуществляет планирование и управление процессом доставки и несет ответственность.

³ Рассчитано по: Eurostat. National accounts aggregates by industry (up to NACE A*64). URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/nama_10_a64_custom_9174541/default/table?lang=en (дата обращения: 28.02.2024).

⁴ Trends and projections in Europe 2023. EEA Report 07/2023. P. 25. DOI: 10.2800/595102

После кризиса 2008–2009 гг. европейский рынок грузовых железнодорожных перевозок стагнировал со слабой тенденцией к снижению, а повышение активности в отдельные годы сменялось спадом. В 2010 г. по железным дорогам ЕС было перевезено 1,3 млрд тонн грузов (при грузообороте 342 млрд т*км), в 2019 г. – 1,4 млрд тонн (370 млрд т*км). В 2022 г. грузооборот снова составил 1,3 млрд тонн (350 млрд т*км)¹. Такая динамика контрастирует с невысоким ростом экономики ЕС, который сопровождается увеличением ВВП в среднем на 1–2% в год при общем приросте в 17,8% за период 2010–2022 гг.².

Значительное сокращение объема железнодорожных перевозок в ЕС происходило в товарных группах, составлявших в течение многих десятилетий основу грузовой базы – продукции отраслей добывающей промышленности, сухих и наливных грузов, стали и других металлов. На этих товарных рынках наблюдался спад. Если в 2004 г. добыча полезных ископаемых составляла 1041 млн тонн, то в 2021 г. 536 млн тонн³, т. е. почти в два раза меньше, что негативно отразилось среди прочего на показателях деятельности железнодорожной отрасли.

Согласно экспертам Европейской ассоциации грузовых железнодорожных перевозок (*European Rail Freight Association, ERFA*), основные проблемы в области железнодорожных грузоперевозок – это устаревшая инфраструктура, неэффективное управление, дорогие инвестиции, сложные и неполные нормативные акты ЕС, а также ограничения в конкуренции⁴.

Выпадающие доходы железных дорог от снижения грузовой базы могли быть компенсированы пассажирскими перевозками. Общая динамика пассажирских перевозок в течение последних лет была положительной, но темпы роста – низкими. С 2016 г. по 2019 г. пассажирооборот железнодорожного транспорта ЕС вырос всего на 7,5% с 386 до 415 млрд пкм (пассажиро-километров)⁵. Доля железнодорожного транспорта на рынке пассажирских перевозок выросла незначительно с 2000 г. и составила 7,0% в 2019 г. (из них 2,2% – высокоскоростные магистрали), в то время как доля воздушного транспорта увеличилась в полтора раза – с 6,1 до 9,7%⁶. Несмотря на строительство новых линий, в первую очередь ВСМ, общая протяжен-

¹ Рассчитано по: Eurostat. Goods transported in intermodal transport units. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/rail_go_contwgt__custom_9179226/default/table?lang=en (дата обращения: 28.02.2024).

² Рассчитано по: Eurostat. GDP and main components (output, expenditure and income). URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/nama_10_gdp__custom_9208281/default/table?lang=en (дата обращения: 28.02.2024).

³ World Mining Data 2023. Vienna. Vol. 38. P. 38.

⁴ The European Rail Freight Market: Competitive Analysis and Recommendations. Study on behalf of European Rail Freight Association (ERFA). Final Report - April 2022. P. 3.

⁵ Рассчитано по: Eurostat. Passengers transported by type of train speed. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/rail_pa_speed__custom_9209225/default/table?lang=en (дата обращения: 28.02.2024).

⁶ Metropolitan Network: A strong European railway for an ever closer union. Berlin. Deutsche Bahn/PTV Planung Transport Verkehr. 2023. P. 2.

ность железных дорог в ЕС постоянно сокращается из-за низкой рентабельности. Если в 1995 г. протяженность составляла 216 тыс. км, то в 2020 г. – 202 тыс. км [Rudolph et al., 2023: 45]. Закрытие нерентабельных малодеятельных линий опережает по темпам сооружение новых магистралей.

Важнейшим вопросом остается обеспечение безопасности. По оценке Европейского железнодорожного агентства (*The European Union Agency for Railways, ERA*), уровень безопасности железнодорожной системы Евросоюза является высоким. Однако в 2020 г. зарегистрирован пик числа столкновений поездов со смертельным исходом и сходов составов с рельсов за все годы существования ЕС – 8 аварий¹.

В ЕС создается единая Трансьевропейская транспортная сеть (*Trans-European Transport Network, TEN-T*) железных и автомобильных дорог, внутренних водных путей и каботажных морских перевозок, которая включает системы управления и обеспечения мультимодальных перевозок. С 2013 г. *TEN-T* регулируется директивой № 1315/2013 от 11.12.2013².

Развитие Трансьевропейской транспортной сети – беспрецедентный по инвестициям, долгосрочный, рассчитанный до 2050 г. мегапроект. В перспективе сеть должна представлять современную технико-технологическую, цифровую, высокоэкологичную, мультимодальную транспортную инфраструктуру, связывающую все крупные города, порты, аэропорты и терминалы стран ЕС в единое транспортное пространство в первую очередь железными дорогами.

Реализация проекта проходит в два этапа. На первом (до 2030 г.) предусмотрено формирование базовой транспортной сети (*core network*), включающей наиболее важные маршруты между крупными городами и транспортными узлами и соответствующей высоким стандартам качества инфраструктуры. Комплексная сеть (*comprehensive network*) соединит все регионы ЕС с базовой сетью и должна быть завершена в 2050 г.

В 2021 г. Еврокомиссия направила в Европарламент и Совет ЕС предложение³ о пересмотре директивы № 1315/2013 в свете основополагающих инициатив – Европейского зеленого курса и Стратегии устойчивой и умной мобильности⁴.

¹ Report on Railway Safety and Interoperability in the EU. Luxembourg. ERA. 2022. P. 14. DOI: 10.2821/28376

² Regulation (EU) No. 1315/2013 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2013 on Union guidelines for the development of the trans-European transport network and repealing Decision No. 661/2010/EU. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2013/1315/oj> (дата обращения: 28.02.2024).

³ Proposal for a regulation of the European Parliament and of the Council on Union guidelines for the development of the trans-European transport network, amending Regulation (EU) 2021/1153 and Regulation (EU) No 913/2010 and repealing Regulation (EU) 1315/2013. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=COM%3A2021%3A812%3AFIN> (дата обращения: 28.02.2024).

⁴ Sustainable and Smart Mobility Strategy – putting European transport on track for the future. Brussels. COM (2020) 789 final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:52020DC0789> (дата обращения: 28.02.2024).

В декабре 2022 г. Совет выработал общий подход к законопроекту¹, однако Европарламент по состоянию на январь 2024 г. не принял решение².

Новая редакция программы *TEN-T* должна быть приведена в соответствие с нормативными документами по количественным и качественным показателям, в первую очередь по повышению связности и устойчивости транспортной системы, замещению автомобильного транспорта железнодорожными перевозками, сокращению выбросов.

Экологичность

По оценкам *EEA*, из всех видов внутреннего транспорта ЕС, включая электромобили, железнодорожные перевозки обладают наилучшими экологическими характеристиками и занимают лидирующие места с минимальными показателям загрязнения окружающей среды (табл. 1). Электромобиль уступает по экологическим характеристикам рельсовому электрическому транспорту (трамваям и поездам). При равных условиях (скорость, источник электроэнергии, рельеф местности, погода и т. д.) передвижение по рельсам всегда будет более экономичным и экологичным по сравнению с движением по асфальту из-за более низкого трения.

Таблица 1

Выбросы парниковых газов видами транспорта во внутрисоюзном сообщении, в эквиваленте CO₂, 2018 г., г

Виды транспорта	Объем выбросов
Грузовой транспорт, в расчете на 1 т*км	
Грузовые самолеты	1036
Большегрузные транспортные средства	137
Внутренний водный грузовой транспорт	33
Грузовые поезда	24
Пассажирское сообщение, в расчете на 1 пкм	
Пассажирские самолеты	160
Легковые автомобили	143
Автобусы и другие автодорожные транспортные средства в междугородних перевозках	80
Водный пассажирский транспорт	61
Пассажирские поезда	33

Составлено по: Transport and environment report 2021. Decarbonising road transport — the role of vehicles, fuels and transport demand. Copenhagen. 2022. P. 39.

¹ Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on Union guidelines for the development of the trans-European transport network, amending Regulation (EU) 2021/1153 and Regulation (EU) No 913/2010 and repealing Regulation (EU) 1315/2013 - General Approach. ST 15664 2022 INIT. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-15664-2022-INIT/en/pdf> (дата обращения: 28.02.2024).

² TEN-T Revision. European Commission. URL: https://transport.ec.europa.eu/transport-themes/infrastructure-and-investment/trans-european-transport-network-ten-t/ten-t-revision_en (дата обращения: 28.02.2024).

По оценкам Бюджетного управления Конгресса США, выбросы полностью электрического седана в Калифорнии в 2020 г. составляли 42,3 г CO₂ на км, в Колорадо – 93,1 г на км¹. Грузовые поезда выбрасывают на 1 т*км 24 г ПГ, из которых на CO₂ приходится 72%, или 17 г, а пассажирские – 33 г на пкм, в том числе 24 г CO₂ (см. табл. 1). Примерно такое же соотношение приводят китайские ученые. По их оценкам, удельные выбросы ПГ на высокоскоростных магистралях Китая в 10 раз меньше в сравнении с самолетами, в 4 раза – с автомобилями на бензиновых двигателях, в 3 раза – с электромобилями [Xunmin et al., 2022: 7]. На тему сравнения ВСМ и авиации по критерию загрязнения окружающей среды нарастает поток публикаций (см., например: [Baumeister, 2019; Reiter et al., 2022]). Например, в одной из них дан обзор более 200 статей с оценкой выбросов ПГ при автомобильных, железнодорожных, морских, воздушных и мультимодальных перевозках [Aminzadegan et al., 2022].

С одной стороны, высокоскоростные дороги – более экологичный вид пассажирского транспорта, чем самолеты. Выбросы на ВСМ составляют в среднем 25 гр. на 1 пкм [Bleijenberg, 2020: 5], что более чем в 6 раз ниже авиации (табл. 1). С другой – негативный эффект строительства ВСМ – изъятие под них значительных земельных площадей. Исследование 2023 г., выполненное по заказу Еврокомиссии, показало, что переход на железнодорожный транспорт не приводит к высоким экологическим выгодам. На основе выборки 297 маршрутов сокращение объема выбросов углекислого газа составит только 17%, что укладывается в статистические и расчетные ошибки. При этом выигрыша во времени в пути практически нет (4,2%) [Brons et al., 2023: 20–21]. По другим оценкам, без увеличения времени в пути для пассажиров только 3,02% авиарейсов в ЕС могут быть заменены альтернативами (железные дороги, автомобили и внутренний речной транспорт) [Avogadro et al., 2021: 25].

На практике предпринимаемые Брюсселем усилия, направленные на замещение автомобильных и авиационных перевозок более экологичным железнодорожным транспортом, не приносят результатов. В структуре внутренних грузовых перевозок доля автомобильного транспорта увеличивается. В 2022 г. она достигла максимума за последние 10 лет – 78,5% (табл. 2).

Таблица 2

**Структура внутренних грузовых перевозок в ЕС по видам транспорта,
2013–2022 г., %**

Вид транспорта	Годы									
	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Автомобильный	74,8	74,9	75,0	75,4	76,3	76,2	77,1	78,2	78,1	78,5
Железнодорожный	18,0	18,0	18,2	18,0	17,4	17,8	17,0	16,1	16,4	16,5
Внутренний водный	7,2	7,1	6,8	6,6	6,3	5,6	5,9	5,7	5,5	5,0

Составлено по: Eurostat. Goods transported. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/rail_go_total_custom_9169832/default/table (дата обращения: 28.02.2024).

¹ Emissions of Carbon Dioxide in the Transportation Sector. Washington. CBO. 2022. P. 19.

Причины исключительно экономические. За прошедшие десятилетия транспортные перевозки стали высококонкурентным сегментом экономики ЕС. Компании сформировали свои рынки с большим числом участников. В транспортной отрасли насчитывается почти 1,5 млн компаний, в т. ч. в грузовых автомобильных перевозках – почти 578 тыс., в железнодорожных – более 750 (табл. 3).

Таблица 3

Экономические показатели по видам транспорта в ЕС, 2022 г.

Вид транспорта	Число компаний, ед.	Занятость, тыс. чел.	Оборот, млрд евро
Железнодорожные грузоперевозки	759	120	19,9
Автомобильные грузоперевозки	578421	3420	454,0
Междугородние железнодорожные пассажирские перевозки	225	415	57,3
Прочие наземные пассажирские перевозки	443119	1759	123,5
Водный транспорт	20400	190	181,4
Воздушный транспорт	6214	283	133,1
Всего:	1441370	10379	1840,8

Составлено по: Eurostat. Enterprises by detailed NACE Rev.2 activity and special aggregates. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/sbs_ovw_act_custom_9230442/default/table?lang=en&page=time:2022 (дата обращения: 28.02.2024).

Каждый вид транспорта имеет собственную технико-технологическую основу и занимает особое место в структуре транспортного хозяйства. Железные дороги более конкурентоспособны для транспортировки сверхбольших партий грузов (руда, сыпучие, наливные грузы и т.д.) и крупных пассажиропотоков, автомобили – сравнительно малых объемов товаров при необходимости быстрой доставки и относительно мелких пассажирских перевозок. Авиатранспорт в перевозке пассажиров даже на малые и средние расстояния (до 800 км) вполне конкурентоспособен по цене и качеству предоставляемых услуг. «Корректировка стоимости авиабилетов играет решающую роль в распределении потоков пассажиров между ВСМ и воздушным движением» [Gu, Wan 2022: 511].

В результате острой внутриотраслевой и межотраслевой конкуренции сложились баланс видов транспорта и взаимодополняемость, поколебать которые очень сложно. Эту тенденцию не переломить директивами и косвенными мерами регулирования. Искусственное замещение одного вида транспорта другим не эффективно.

Мультиmodalность

В транспортной политике ЕС особое значение придается развитию и совершенствованию мультимодальных перевозок. Согласно Стратегии устойчивой и умной мобильности, передвижение в Европе должно основываться на эффектив-

ной и взаимосвязанной мультимодальной транспортной системе как для пассажиров, так и для грузов, дополненной доступной сетью высокоскоростных железных дорог¹.

У мультимодальности две составляющие – экологичность и экономическая эффективность. Первая сводится к тому, что мультимодальные перевозки с использованием железнодорожного транспорта приводят к значительному оздоровлению экосистем, поскольку замена тысяч грузовых автомобилей одним поездом резко снижает выбросы ПГ. Экономическая эффективность – более сложная многопараметрическая категория. Она определяется различными факторами. Соединяя порты и аэропорты с системой железнодорожного транспорта, перевозчики извлекают дополнительную выгоду за счет горизонтальной интеграции бизнеса. По этой причине решающий фактор в выборе наиболее предпочтительного транспорта при перегрузке и последующей транспортировке – позиция компаний-операторов. Бизнес, а не государство оценивает эффективность предпочтения того или иного вида транспорта при перевалке грузов и пересадке пассажиров. Несмотря на политические решения, компании не станут использовать железную дорогу вместо автомобильных транспортных средств, если это не будет выгодно.

В последние годы в ЕС на уровне бизнеса наметилась тенденция к более широкому включению железных дорог в мультимодальные маршруты и вытеснению автомобильного транспорта. Она проявляется в росте интереса судоходных компаний к приобретению грузовых железнодорожных активов. Например, стратегия развития морского порта Антверпена – второго по величине в ЕС – предусматривает сокращение автомобильных перевозок и увеличение доли железнодорожного транспорта с 7% в 2021 г. до 15% к 2030 г. В 2021 г. порт имел грузооборот железнодорожных составов до 130 поездов в день, которые связывали его с 20 странами². В 2023 г. крупнейший польский транспортно-логистический оператор *PCC Intermodal*, работающий на европейском рынке перевозок, открыл новый регулярный мультимодальный железнодорожный маршрут Гливице (Польша) – Падуя (Италия), который стал альтернативой автомобильным перевозкам³.

На рынке мультимодальных транспортных услуг также работают мелкие перевозчики. Например, средняя по численности (148 занятых в 2022 г.) компания *Kombiverkehr* (Германия)⁴ уже несколько лет оказывает мультимодальные услуги по железнодорожной транспортировке грузов из Германии, Бельгии, Нидерландов в Италию (терминал г. Мортара). Этот маршрут обеспечивает оптималь-

¹ Sustainable and Smart Mobility Strategy.

² Zasiadko M. Port of Antwerp on the way to rail future. *IntermodalNews.eu*. 06.09.2021. URL: <https://intermodalnews.eu/2021/09/06/port-of-antwerp-on-the-way-to-rail-future/> (дата обращения: 28.02.2024).

³ PCC Intermodal is launching a new regular intermodal service to/from Italy. *IntermodalNews.eu*. 02.08.2023. URL: <https://intermodalnews.eu/2023/08/02/pcc-intermodal-is-launching-a-new-regular-intermodal-service-to-from-italy/> (дата обращения: 28.02.2024).

⁴ Оборот компании в 2022 г. составил 462 млн евро.

ное транспортное сообщение с экономическим регионом северной Италии и Миланом¹.

Наиболее серьезный фактор, вызывающий системные трудности с трансграничными железнодорожными грузоперевозками в ЕС, – действующие в каждой стране национальные правила и системы безопасности. В отрасли отсутствуют общеевропейские стандарты и нормы, а также языковой стандарт, принятый в авиации.

Высокоскоростные магистрали

Брюссель оценивает ВСМ как наиболее действенную альтернативу пассажирским автомобильным перевозкам и ближнемагистральной авиации на внутренних междугородних и внешних маршрутах на расстояниях между городами до 800 км. Сейчас на них приходится 31% общих пкм железнодорожных перевозок в ЕС [Brons et al., 2023: 6].

ВСМ – самый амбициозный из инвестиционных, но вполне реалистичный мегапроект в ЕС. Во всем мире резервы наращивания скоростей в других видах транспорта – автомобилях, самолетах, паромов – исчерпаны 50 лет назад. Только на железных дорогах движение может быть ускорено в 3–5 раз. Современные технологии и научно-технические разработки в отрасли позволяют в массовом порядке запускать движение поездов со скоростью 250–350 км в час.

Потенциал по наращиванию скорости движения по традиционным железным дорогам на обычной тяге² в ЕС можно оценить как один из самых высоких в мире, что обусловлено высоким платежеспособным спросом населения и уровнем его мобильности, использованием известных технико-технологических решений строительства и эксплуатации таких дорог на относительно малых расстояниях между крупными и средними городами. Реализация потенциала определяется только готовностью ЕС и государств-членов к финансированию инфраструктуры ВСМ.

Недостаточное финансирование железнодорожной инфраструктуры характерно для многих стран ЕС. Несмотря на то что последние десятилетия железные дороги поддерживаются в приемлемом эксплуатационном состоянии, они не превратились в эффективную сеть, способную удовлетворить растущий спрос на внутренние и трансграничные перевозки среди прочего по высокоскоростным магистралям.

¹ 2022 Annual Report. Kombiverkehr.de. URL:

https://www.kombiverkehr.de/en/about_us/annual_reports/ (дата обращения: 28.02.2024).

² Концепция ВСМ на электромагнитной подушке в статье не рассматривается. Автору она представляется нежизнеспособной для Евросоюза не только по причине сверхвысоких затрат на строительство, но и, главным образом, вследствие слабой изученности пагубных для человеческого организма последствий сверхмощного магнитного поля. В ЕС и России проводятся активные исследования этого вида транспорта. См., например: [Gkoumas et al., 2021: 48; Рубинский, Носкин, 2016; Смирнов, Смирнова, 2023; Федорова, 2020].

В 2018 г. Счетная палата ЕС (*European Court of Auditors, ECA*) провела проверку высокоскоростных железных дорог и пришла к неутешительным выводам: «Высокоскоростные железнодорожные перевозки имеют много преимуществ, но в ЕС нет реалистичного долгосрочного плана, и по-настоящему высокоскоростной сети ЕС не существует»¹. У Еврокомиссии «нет правовых инструментов и полномочий для принятия решений по обеспечению быстрого прогресса государственных в направлении завершения строительства основных сетевых коридоров, изложенных в Регламенте *TEN-T*» [Brons et al., 2023: 7].

Тем не менее успехи в создании сети ВСМ в ЕС имеются. Общая протяженность таких дорог с начала 2000-х гг. значительно выросла. На конец 2022 г. она составляла 13–15 тыс. км и должна увеличиться более чем в два раза к 2030 г. и в 3,5 раза к 2050 г. [ЕУ, 2023: 3, 8–9]. Переход с обычных дорог на ВСМ в сочетании с быстрой декарбонизацией электроснабжения железнодорожного транспорта будет ключевым фактором сокращения выбросов в транспортной системе ЕС. Снижение выбросов CO₂ к 2070 г. по сценариям 2030 и 2050 гг. оценивается в 1,5 и 5 млрд тонн соответственно [ЕУ, 2023: 15].

Достижение целей, поставленных в действующих нормативных документах ЕС по ВСМ, будет означать создание качественно нового транспортного пространства Евросоюза с минимальными выбросами ПГ, оборудованного на современном технологическом уровне, управляемого, оцифрованного, безопасного для пользователей. Это станет вкладом транспорта в новое качество жизни граждан ЕС.

Выводы

Одним из важнейших направлений политики декарбонизации Евросоюза выступает реструктуризация транспортного комплекса – основного загрязнителя окружающей среды. Эта цель должна быть достигнута путем коренной модернизации существующего железнодорожного хозяйства, ускоренного строительства новых высокоскоростных магистралей (ВСМ), развития мультимодальности и замещения части автомобильных и авиационных перевозок железнодорожным транспортом. Предложенная в 2021 г. Еврокомиссией новая редакция реализуемой с 2013 г. программы ЕС по развитию *TEN-T* призвана сделать ее более экологичной, эффективной и устойчивой в соответствии с Зеленым курсом и Стратегией устойчивой и умной мобильности.

Преимущества железнодорожных дорог по экологическим параметрам хорошо известны и неоспоримы. Однако на пути выполнения политических решений Евросоюза по реструктуризации транспортного комплекса стоят серьезные институциональные, финансово-экономические и технико-технологические препятствия.

Воспроизводственные процессы в отрасли железнодорожных перевозок осуществляются практически в неизменных масштабах с небольшим приростом пассажирского транспорта и незначительными структурными изменениями. Финан-

¹ A European high-speed rail network: not a reality but an ineffective patchwork. Luxembourg. ECA. 2018. P. 57.

совые ресурсы в основном расходуются на поддержание хозяйства, обеспечение безопасности перевозок и по остаточному принципу – на модернизацию и строительство ВСМ.

В предстоящие 25 лет наибольшее влияние на транспортную отрасль окажет опережающее развитие ВСМ. Оно может быть обеспечено только за счет серьезных институциональных мероприятий по объединению усилий Брюсселя, национальных правительств, бизнеса, банков, управляющих железнодорожных компаний для формирования пула стратегических инвесторов. Однако в мире не существует прецедентов такого масштабного международного государственно-частного партнерства. Кроме того, неясно, в какой институциональной форме его можно реализовать. Национальные правительства, которые, по мнению Брюсселя, должны нести основное бремя транспортной реструктуризации, не располагают ресурсами для инвестирования масштабного железнодорожного строительства ВСМ.

Другая институциональная и технико-технологическая проблема Европейской железнодорожной сети заключается в том, что пока есть только законченные сетевые фрагменты в отдельных странах. В отчете *ЕСА* отмечено, что «существует лишь лоскутное одеяло национальных высокоскоростных линий, запланированных и построенных государствами-членами по отдельности. Эта лоскутная система сооружалась и эксплуатируется без должной координации между странами: высокоскоростные линии, пересекающие границы, не входят в число национальных приоритетов строительства, даже несмотря на то что в их отношении подписаны международные соглашения»¹.

Сложная и многообразная сетевая топология железных дорог ЕС значительно затрудняет формирование единого железнодорожного пространства. Каждая страна отличается не только экономическими параметрами, ментальностью населения, историей, географией, но и техническими характеристиками, стандартами и нормами железнодорожного сообщения и инфраструктуры (различная ширина колеи, национальные системы управления, собственные регламенты, правила, требования, нормативы, отсутствие обязательного единого языка для машинистов поездов, как это принято в авиации, и т. д.). Для обеспечения единого транспортно-экономического пространства необходимо проведение крупных институциональных мероприятий, в первую очередь форсированное введение единых стандартов. По этой причине задача создания полноценной железнодорожной сети ЕС выходит за пределы 2050 г.

Переключение грузопотоков и пассажиропотоков с автомобильного и авиационного транспорта на железнодорожный – чрезвычайно сложная технико-технологическая и социально-экономическая задача, которую невозможно решить исключительно административными методами. Проблемы финансирования также не являются главными, однако чаще всего именно они выдвигаются на первый план. Существует жесткая конкуренция железнодорожных, автомобильных и авиационных перевозчиков на европейском транспортном пространстве. Кроме

¹ Там же. Р. 7.

того, структурные сдвиги происходят медленно, преимущественно в рамках научно-технических новаций. За последние 30 лет рынок и внутриотраслевая конкуренция создали оптимальные в категориях производственной и общественной эффективности соотношения видов транспорта, каждый из которых занимает вполне определенную и стабильную нишу. Более того, структурное соотношение трех основных видов транспорта имеет незначительную тенденцию к повышению доли автомобильных перевозок. Остается вопросом, как вопреки экономическим реалиям в этих условиях решать проблему декарбонизации за счет реструктуризации и административных инструментов диверсификации грузов с автотранспорта на железные дороги.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Рубинский А.В., Носкин Л.А. (2016) Медико-биологические подходы к проблемам безопасной эксплуатации магнитолевитационного транспорта. *Транспортные системы и технологии*. Т. 2. № 4. С. 114–127. DOI 10.17816/transsyst201624114-127.

Смирнов С.А., Смирнова О.Ю. (2023) Перспективы магнитолевитационного транспорта в единой интегрированной транспортной системе Евразийского экономического союза. *Инновационные транспортные системы и технологии*. Т. 9. № 2. С. 110–120. DOI: 10.17816/transsyst202392110-120

Федорова М.В. (2020) Прогноз спроса на пользование магнитолевитационным транспортом. *Транспортные системы и технологии*. Т. 6. № 4. С. 143–160. DOI: 10.17816/transsyst202064143-160.

Aminzadegan S., Shahriari M., Mehranfar F., Abramović B. (2022) Factors affecting the emission of pollutants in different types of transportation: A literature review. *Energy Reports*. Vol. 8. P. 2508–2529.

Avogadro N., Cattaneo M., Paleari S., Redondi R. (2021) Replacing short-medium haul intra-European flights with high-speed rail: Impact on CO₂ emissions and regional accessibility. *Transport Policy*. Vol. 114. P. 25–39. DOI 10.1016/j.tranpol.2021.08.014.

Baumeister S. (2019) Replacing short-haul flights with land-based transportation modes to reduce greenhouse gas emissions: The case of Finland. *Journal of Cleaner Production*. Vol. 225. P. 262–269.

Bleijenberg A. (2020) *Air2Rail: Reducing CO₂ from intra-European aviation by a modal shift from air to rail*. Delft, Netherlands. 43 p.

Brons M., Dijkstra L., Poelman H. (2023) *How fast are rail trips between EU cities and is rail faster than air?* Publications Office of the European Union, Luxembourg, Luxembourg. 28 p.

Ernst & Young (2023) *Smart and affordable rail services in the EU: a socio-economic and environmental study for High-Speed in 2030 and 2050 – Executive Report*. 35 p. URL: <https://rail-research.europa.eu/publications/smart-and-affordable-rail-services-in-the-eu-a-socio-economic-and-environmental-study-for-high-speed-in-2030-and-2050/> (accessed: 26.03.2024)

Gkoumas K., Marques Dos Santos F., Stepniak M., Ortega Hortelano A., Grosso M., Tsakalidis A., Pekar F. (2021) *Rail transport research and innovation in Europe*. Publications Office of the European Union, Luxembourg, Luxembourg. 87 p.

Gu H., Wan Y. (2022) Airline reactions to high-speed rail entry: Rail quality and market structure. *Transportation Research Part A: Policy and Practice*. Vol. 165. P. 511–532.

Reiter V., Voltes-Dorta A., Suau-Sanchez P. (2022) The substitution of short-haul flights with rail services in German air travel markets: A quantitative analysis. *Case Studies on Transport Policy*. Vol. 10. Issue 4. P. 2025–2043.

Rudolph F., Riach N., Kees J. (2023) *Development of Transport Infrastructure in Europe: Exploring the shrinking and expansion of railways, motorways and airports*. Wuppertal Institute, Berlin, Germany. 66 p.

Xunmin O., Zhiyi Y., Yanzhe W., Lei R. (2022) *The Development of High-Speed Rail in China*. GIZ, Beijing, China. 47 p.

EU Railways: Contribution to Decarbonisation Solution

V.G. Varnavskii

Doctor of Sciences (Economics), Professor

Primakov Institute of World Economy and International Relations,

Russian Academy of Sciences, (IMEMO)

23, Profsoyuznaya Str., Moscow, Russia, 117997

E-mail: varnavsky@imemo.ru

Abstract. The EU transport system is entering the next phase of fundamental transformation. The railways are becoming one of the key tools for implementing the Green Deal and solving ecological problems for the period up to 2050. A range of documents aimed at advancing the realisation of the Trans-European Transport Network (TEN-T) was adopted at the Union level in recent years. Transfer a large proportion of transport from road and aviation to rail, multimodal transportation, advanced construction and modernisation of high-speed railway lines (HSR) are the priorities of the policy. This article has a twofold objective. First, it analyses the condition and market environment of the railways. Second, it investigates the possibilities of implementing the TEN-T program to reduce greenhouse gas (GHG) emissions, increase multimodal transportation and the construction/upgrading new HSR. The results suggest that a set of obstacles impede GHG emissions reduction in the shifting of transport from road and aviation to rail, multimodal transportation and the construction of HSR. The main trend is that rail transport activity in the EU remained almost constant from 2010 to 2022 with a slight increase in passenger transport and some structural changes. Within the next 25 years, the most tangible impact for the EU economy, ecology and society of all modes of transport can be provided by HSR expansion. The author concludes that in order to form the Union Transport and Economic Space, deep institutional reforms on the railways are needed with special focus on the introduction of uniform standards, norms and regulations for all participating countries.

Key words: European Union, railways, transport, Trans-European Transport Network (TEN-T), multimodal transport, High-Speed Rail (HSR), decarbonisation, greenhouse gases (GHG).

DOI: 10.31857/S0201708324020062

REFERENCES

Aminzadegan S., Shahriari M., Mehranfar F., Abramović B. (2022) Factors affecting the emission of pollutants in different types of transportation: A literature review, *Energy Reports*, 8, pp. 2508–2529.

Avogadro N., Cattaneo M., Paleari S., Redondi R. (2021) Replacing short-medium haul intra-European flights with high-speed rail: Impact on CO₂ emissions and regional accessibility, *Transport Policy*, 114, pp. 25–39. DOI 10.1016/j.tranpol.2021.08.014

Baumeister S. (2019) Replacing short-haul flights with land-based transportation modes to reduce greenhouse gas emissions: The case of Finland, *Journal of Cleaner Production*, 225, pp. 262–269.

Bleijenberg A. (2020) *Air2Rail: Reducing CO₂ from intra-European aviation by a modal shift from air to rail*, Delft, Netherlands.

Brons M., Dijkstra L., Poelman H. (2023) *How fast are rail trips between EU cities and is rail faster than air?*, Publications Office of the European Union, Luxembourg, Luxembourg.

Ernst & Young (2023) *Smart and affordable rail services in the EU: a socio-economic and environmental study for High-Speed in 2030 and 2050 – Executive Report*. URL: <https://rail-research.europa.eu/publications/smart-and-affordable-rail-services-in-the-eu-a-socio-economic-and-environmental-study-for-high-speed-in-2030-and-2050/> (accessed: 26.03.2024)

Fedorova M.V. Prognoz sprosa na pol'zovanie magnitolevitacionny'm transportom [Forecast of Demand for the Use of Maglev Transport], *Transportation Systems and Technology*, 6(4), pp. 143–160. DOI: 10.17816/transsyst202064143-160 (In Russian).

Gkoumas K., Marques Dos Santos F., Stepniak M., Ortega Hortelano A., Grosso M., Tsakalidis A., Pekar F. (2021) *Rail transport research and innovation in Europe*, Publications Office of the European Union, Luxembourg, Luxembourg.

Gu H., Wan Y. (2022) Airline reactions to high-speed rail entry: Rail quality and market structure, *Transportation Research Part A: Policy and Practice*, 165, pp. 511–532.

Reiter V., Voltes-Dorta A., Suau-Sanchez P. (2022) The substitution of short-haul flights with rail services in German air travel markets: A quantitative analysis, *Case Studies on Transport Policy*, 10(4), pp. 2025–2043.

Rubinskiy A.V., Noskin L.A. (2016) Mediko-biologicheskie podxody k problemam bezopasnoj e'kspluatatsii magnitolevitatsionnogo transporta [Biomedical aspects of problems safe usage of transport maglev], *Transportation systems and technology*, 2(4), pp. 114–127. DOI: 10.17816/transsyst201624114-127 (In Russian).

Rudolph F., Riach N., Kees J. (2023) *Development of Transport Infrastructure in Europe: Exploring the shrinking and expansion of railways, motorways and airports*, Wuppertal Institute, Berlin, Germany.

Smirnov S.A., Smirnova O.Yu. (2023) Perspektivy magnitolevitatsionnogo transporta v edinoi integrirovannoi transportnoi sisteme Evraziiskogo ehkonomicheskogo soyuza [Prospects of maglev transport in the unified integrated transport system of the Eurasian Economic Union], *Modern transportation systems and technologies*, 9(2), pp. 110–120. DOI: 10.17816/transsyst202392110-120

Xunmin O., Zhiyi Y., Yanzhe W., Lei R. (2022) *The Development of High-Speed Rail in China*. GIZ, Beijing, China.

УДК 339.9

ЭФФЕКТИВНОСТЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ СТРАХОВОЧНЫХ СЕТЕЙ И ЕВРОПЕЙСКОГО СТАБИЛИЗАЦИОННОГО МЕХАНИЗМА¹

© 2024 **НАВОЙ Антон Викентьевич**

Доктор экономических наук, доцент

Профессор департамента «Мировые финансы»

ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ»

125993, Россия, Москва, ГСП-3, Ленинградский проспект, дом 49

Author ID: 391612 E-mail: Ant.navoy@yandex.ru ORCID: 0000-0001-7058-4257

Поступила в редакцию 21.08.2023

Принята к публикации 13.03.2024

Аннотация. Цель статьи – рассмотреть подходы к оценке эффективности региональных страховочных сетей в купировании внешних шоков на основе сравнения с классическими финансовыми институтами – Международным валютным фондом (МВФ) и Группой Всемирного банка (ГВБ). Для достижения поставленной цели проанализирована эволюция антикризисного инструментария международных финансовых организаций, выделены причины появления и развития региональных страховочных сетей – новой формы купирования финансовых дисбалансов на уровне региона. Особое внимание уделено таксономии региональных финансовых механизмов (РФМ) с точки зрения формирования ресурсной базы и направлений использования средств, их интегрирования в глобальные страховочные сети. Определено место Европейского стабилизационного механизма (ЕСМ) в глобальной сети РФМ. В исследовании сформированы авторские критерии оценки эффективности региональных финансовых механизмов в купировании кризисных явлений на региональном уровне в сравнении с МВФ и ГВБ. Сделан вывод, что РФМ можно только частично рассматривать в роли кредитора последней инстанции для купирования глобальных финансовых кризисов, поскольку круг стран – потенциальных заемщиков ограничен группой крупнейших развивающихся стран, а характеристики антикризисных инструментов РФМ близки к аналогичным инструментам МВФ. Отмечено, что особая модель функционирования ЕСМ позволяет институту эффективно решать поставленные задачи антикризисного регулирования в Евросоюзе.

¹ *Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при правительстве РФ.*

Ключевые слова: международные финансовые институты, МВФ, ООН, глобальные страховочные сети, региональные финансовые механизмы, антикризисное регулирование, трансграничное движение капитала, международный кредит

DOI: 10.31857/S0201708324020074

Региональные антикризисные механизмы – результат эволюции антикризисного инструментария, который зародился во время создания ООН. К этому периоду относится формирование специализированных международных финансовых институтов (МФИ) в рамках ст. 57 Устава ООН – Международного валютного фонда (Фонд, МВФ) и группы Всемирного банка (ГВБ). Основная задача Фонда – обеспечение устойчивости международной валютной системы в числе прочего путем предотвращения диспропорций платежных балансов¹. Для этой цели МВФ наделялся беспрецедентными на тот момент полномочиями – устанавливать обязательные для применения правила проведения валютной политики. В рамках этой компетенции МВФ ввел целый ряд кодифицированных принципов реализации монетарной и валютной политики в государствах-членах организации. В частности, закреплена обязанность не корректировать без согласования с Фондом режим валютных курсов (ст. IV), предоставлять Фонду всю необходимую для надзора информацию «в настолько подробной и точной форме, насколько это представляется практически осуществимым» (раздел 5 ст. VIII).

Отличительные особенности Фонда – связь с волеизъявлением всех стран мирового сообщества и преимущественно регуляторный характер компетенций [Купреев, 2008]. Это дало возможность создать контур антикризисного регулирования, в основе которого лежало формирование международных финансовых ресурсов на основе взносов государств-членов Фонда в рамках распределенных между ними квот. Предоставление финансовых ресурсов МВФ нуждающимся государствам осуществлялось в рамках формализованных процедур принятия решений в форме различных кредитных линий [Навой, 2022b].

В конце XX в. наметился кризис модели антикризисного финансирования МВФ, который привел к трансформации международной финансовой архитектуры, включая организацию антикризисных механизмов [Навой, 2022a].

Таксономия региональных финансовых механизмов

Одним из направлений поиска новых форм международного антикризисного регулирования стало развитие региональных финансовых механизмов (РФМ). В научной литературе РФМ определяются как региональные формы аккумуляции капитала в целях противодействия валютно-финансовым кризисам [IMF, 2013].

Несмотря на то что создание региональных антикризисных фондов относится к периоду становления Бреттон-Вудской международной валютной системы, наиболее интенсивно РФМ стали развиваться на рубеже XX–XXI вв. Причины усиления

¹ Статьи соглашения Международного Валютного Фонда (1944). Вашингтон. Международный Валютный Фонд. 2011. 136 с.

значения региональных финансовых механизмов – изъяны программ антикризисного финансирования МВФ, включая снижение объемов кредитования нуждающихся стран и негативные последствия стабилизационных программ Фонда [Kawai, 2009]. Кроме того, все более отчетливым стал дрейф МВФ в пользу предоставления пакетов финансовой помощи на основе политически ангажированных решений. В этих условиях на фоне усиления позиций региональных элит и расширения объемов финансовых ресурсов в распоряжении интеграционных объединений усилился тренд на создание самостоятельных механизмов антикризисной помощи и снижение зависимости от развитых стран, доминирующих в МВФ.

Таксономия РФМ базируется на решении ряда ключевых вопросов их финансирования. В их числе – размер фондов денежных средств, необходимых для антикризисной поддержки нуждающихся стран региона, и механизм распределения доли взносов в региональные финансовые механизмы отдельных стран. В соответствии с международной практикой для определения суммы отчислений в региональных антикризисных фондах используется композиция макроэкономических индикаторов, в частности размер ВВП стран – участниц, численность населения и др. Как правило, основные доноры – крупнейшие экономики региона, которые в значительной степени определяют правила предоставления ресурсов фонда нуждающимся странам [IMF, 2017].

Кроме того, учредительные документы РФМ обычно регламентируют критерии отбора потенциальных заемщиков, виды антикризисных кредитов и иного финансирования, способы обеспечения целевого использования предоставленных ресурсов заемщиками, а также механизмы контроля за своевременным обслуживанием и возвратом финансирования. Дополнительно решается вопрос о наборе финансовых инструментов, которые могут использоваться для управления временно свободными денежными средствами РФМ.

Процедура получения антикризисного кредитования предполагает обращение потенциального заемщика за финансовой помощью с обоснованием целей кредита и источников его погашения. Заявка рассматривается на основе формально закрепленных критериев, однако в ряде случаев механизм принятия решений носит непрозрачный или неформализованный характер. После одобрения заявки страны – кандидата принимается решение о выборе инструмента финансирования (краткосрочный или долгосрочный кредит), а также об обеспечительных мерах, в т. ч. о залогах или государственных (международных) гарантиях. Ряд РФМ в отборе заявок полагается на уже принятые решения о кредитовании страны–заемщика Фондом и ГВБ.

Несмотря на тенденцию к постепенному вытеснению МВФ как глобального антикризисного кредитора, в последние десятилетия наметилась направленность на взаимодействие Фонда с региональными финансовыми механизмами на основе концепции «глобальных финансовых страховочных сетей», или ГФСС (*Global Financial Safety Net, GFSN*) [Eichengreen, 2012]. Концепция вобрала в себя совокупность механизмов для купирования уже возникших очагов финансовых кризисов и реализации превентивных мер, направленных на недопущение кризисов и ограничение их распространения на новые рынки [IMF, 2016].

Действие ГФСС распространяется от низового (национального) до глобального уровня с соответствующим набором инструментов. На национальном уровне основной страховочный механизм – международные резервы отдельных стран. Сегодня это наиболее объемный источник международной ликвидности: его совокупный объем превышает 11 трлн долл. США [Iancu et al. 2021]. На мезоуровне в состав ГФСС входят своп-линии центральных банков (около 2 трлн долл.), а также РФМ (в сумме превышающей 1 трлн долл.). На глобальном уровне глобальные финансовые страховочные сети дополняются антикризисными инструментами МВФ (около 1 трлн долл.). Осознание разрушительных последствий кризисных явлений привело к кратному увеличению ресурсов на всех уровнях ГФСС в течение последних полутора десятилетий. С учетом международных резервов на протяжении 2007–2021 гг. емкость антикризисного инструментария ГФСС выросла с 3 трлн долл. до 14 трлн долл.

Ресурсы региональных механизмов, аккумулируемые для антикризисной поддержки пострадавших стран, в результате опережающего роста стали сопоставимы с МВФ. Однако в отличие от кредитных ресурсов Фонда, которые практически полностью использованы на кредитные программы для заемщиков, испытывающих трудности, ликвидность РФМ для антикризисного финансирования почти не задействована [Obstfeld, 2011].

Несмотря на значительный потенциал для использования, региональные финансовые механизмы распределены крайне неравномерно, а доступ к ним имеет относительно небольшой круг стран [Perks et al., 2021]. Наибольшими объемам обладают РФМ из европейского и азиатского регионов. В Европейском стабилизационном механизме, ЕСМ (*European Stability Mechanism, ESM*) сосредоточена большая часть ресурсов – 736 млрд долл., в Механизме поддержки платежного баланса ЕС, МППБ ЕС (*Balance of Payments Assistance Facility, EUBOP*) – еще 56 млрд долл. В рамках Многосторонней инициативы Чиаг-Май, МИЧМ (*Chiang Mai Initiative Multilateralization, CMIM*) аккумулировано 240 млрд долл. Значимая доля ликвидности находится в распоряжении Пула валютных резервов БРИКС, ПВР БРИКС (*BRICS Contingent Reserve Arrangement, BRICS CRA*) – 100 млрд долл.

В то же время средства, аккумулируемые в ближневосточном регионе, Латинской Америке, в Средней Азии, относительно невелики. Евразийский фонд стабилизации и развития, ЕФСР (*Eurasian Fund for Stabilization and Development, EFSF*), составляет 8,5 млрд долл., Арабский валютный фонд, АВФ (*Arab Monetary Fund, AMF*), – 11,8 млрд долл., Латиноамериканский резервный фонд, ЛАРФ (*Latin American Reserve Fund, FLAR*), – 9 млрд долл., Южно-Азиатская Ассоциация регионального сотрудничества, ЮААРС (*South Asian Association for Regional Cooperation, SAARC*), – 2 млрд долл.

Специфика европейских финансовых механизмов

Среди региональных страховочных механизмов европейские РФМ занимают особое место. Во-первых, это наиболее емкие фонды, на которые приходится большая часть совокупных ресурсов региональных страховочных сетей, или более 800

млрд долл. в эквиваленте. Несмотря на расширение емкости антикризисных механизмов в других регионах мира (в результате реформирования механизма МИЧМ потенциальный объем своп-линий вырос в два раза – до 240 млрд долл.; взносы членов в АВФ и ЛАРФ также увеличились примерно в два раза), им пока не удалось приблизиться по величине к европейским страховочным механизмам [IMF, 2016].

В становлении и развитии европейских финансовых механизмов основную роль сыграли кризисные явления в 2007–2008 гг., заставившие страны Экономического и валютного союза (ЭВС) пересмотреть подходы к антикризисному регулированию. Отличительные черты кризиса 2007–2008 гг. – вовлечение значительной части стран ЭВС и кумулятивный характер. Кризис затронул не только государственные финансы и бюджеты европейских стран, но и резко увеличил долговую нагрузку на частный сектор. Финансовый кризис в Европе разворачивался на фоне глубокого обесценивания суверенных долговых ценных бумаг стран ЭВС, значительная часть которых находилась на балансе банков, в связи с чем обострились проблемы с банковской ликвидностью.

В ответ на кризис в ЭВС был предпринят ряд беспрецедентных мер антикризисного регулирования. В частности, внесены поправки в фундаментальный Договор о стабильности, координации и управлении в экономическом и валютном союзе¹ и в Договор о функционировании ЕС, предусматривающие создание Европейского стабилизационного механизма (2012–2013 гг.), ЕСМ, и введение правила бюджетного равновесия, согласно которому государства-участники договора (т. е. все члены ЕС, кроме Британии и Чехии) обязались иметь бездефицитный бюджет (дефицит в сумме не более 0,5 или 1% ВВП в исключительных случаях) (ст. 3 (1) b, d) [Бобров, 2022].

ЕСМ стал правопреемником Европейского фонда финансовой стабильности и Европейского механизма финансовой стабильности². Принципиальное отличие ЕСМ – право аккумулировать и распределять финансовые ресурсы. Действовавшие ранее европейские антикризисные институты не обладали собственными ресурсами и привлекали средства от имени ЕС и МВФ.

В соответствии с учредительными документами ЕСМ – это созданный на основе международного права интеграционный институт, предназначенный для оказания финансовой помощи наиболее пострадавшим в ходе кризиса странам ЕС: Греции, Ирландии, Италии и Испании. В управляющий орган – Совет управляющих – включены министры финансов стран ЭВС, а решение о выделении финансовой помощи принимается на базе консенсуса. В отношении других вопросов деятельности решения принимаются простым или квалифицированным большинством голосов (80%), которые распределяются на основе взносов в уставный капитал организации.

¹ Договор о стабильности, координации и управлении в Экономическом и валютном союзе. Перевод на русский язык проф. А.О. Четверикова. URL: https://web.archive.org/web/20170224101629/http://eulaw.edu.ru/documents/legislation/econ_so_iuz/eurozone_management.htm#_ftn1 (дата обращения: 14.08.2023).

² Treaty establishing the European Stability Mechanism of 02.02.2012. URL: <https://web.archive.org/web/20161108085123/http://www.esm.europa.eu/about/legal-documents/index.htm> (дата обращения: 14.08.2023).

Отличительная особенность модели привлечения ресурсов ЕСМ – опора на рыночное финансирование. Компетенция института позволяет ему размещать долговые ценные бумаги, привлекать кредиты банков и иных финансовых институтов, включая международные. Долговые инструменты, эмитированные ЕСМ, благодаря квазисуверенному статусу имеют высокие кредитные рейтинги, что позволяет привлекать капитал на наиболее выгодных условиях. Кроме того, из-за привлечения рыночного финансирования размер аккумулируемых ресурсов может быть кратно расширен за счет использования кредитного плеча – соотношения доли привлеченных средств к собственному капиталу, которое в учредительных документах определено в 15% (ст. 15).

Как следует из баланса Европейского стабилизационного механизма, несмотря на возможность использования кредитного плеча, рыночное финансирование играет относительно невысокую роль в фондировании антикризисных программ: всего долговых инструментов эмитировано на 101,7 млрд евро, что существенно меньше суммы собственного капитала института – 704,9 млрд евро (см. табл. 1). Отчасти это связано с низкой востребованностью антикризисного финансирования в ЕС в течение последнего десятилетия.

Фондирование ЕСМ на основе собственного капитала близко к аналогичным инструментам привлечения ресурсов другими РФМ. Как и в большинстве региональных финансовых механизмов (ПВР, БРИКС и ЕФСР [Eichengreen, 2012]), оно базируется на взносах стран-участниц. Фактическая (оплаченная) часть капитала относительно невелика по сравнению с совокупным капиталом: обычно ее доля составляет около 10%. На оставшуюся часть совокупного капитала страны-участницы РФМ размещают простой вексель, фиксирующий их обязательство по первому требованию предоставить определенную часть своего вноса в капитал организации. При формировании пакета антикризисной финансовой помощи необходимая сумма мобилизуется за счет оплаченной части взносов государств-участников РФМ, а при их нехватке – за счет дополнительных взносов участников механизма пропорционально доле участия в организации.

Уставный капитал ЕСМ в соответствии с учредительными документами сформирован на сумму 700 млрд евро и разделен на доли, соответствующие размеру экономики стран-участниц. Основные доли принадлежат крупнейшим экономикам ЕС – Германии, Франции, Италии и Испании (табл. 2). Эти страны играют ключевую роль в принятии решений в ЕСМ.

Сумма фактически оплаченного капитала – 80 млрд евро, или 11,4% совокупного капитала, резервный капитал составляет 20 млрд евро. Для облегчения бремени формирования оплаченной части капитала в ЕСМ предусмотрен пятилетний период, в течение которого страны – участницы направляют по 20% от своей доли в оплаченной части капитала.

Оставшаяся часть – подписной капитал ЕСМ – составляет 600 млрд евро. На его сумму пропорционально своей доле государства-члены ЕСМ выпускают простой вексель, а Совет управляющих может потребовать в любое время внести необходимую сумму по векселю в установленный период (ст. 9 Договора).

Активы региональных финансовых механизмов представлены пакетами финансовой помощи нуждающимся странам, а также портфелем финансовых инструментов, в котором размещаются временно свободные денежные средства РФМ. Ввиду того что большая часть потенциальных финансовых ресурсов региональных страховочных сетей остается незадействованной, только относительно небольшая часть вложений таких РФМ, как ПВР БРИКС, ЛАРФ, МИЧМ и АВФ, представлена кредитами, предоставленными нуждающимся странам [Sussangkarn, 2010]. Значительная часть фактически аккумулированных РФМ ресурсов размещена на финансовых рынках.

Схожая ситуация отмечается у ЕСМ, в антикризисных инструментах которого размещена относительно небольшая часть активов – 131,2 млрд евро, или 16,1% от их совокупной величины.

Средства ЕСМ в основном направлены заемщикам – органам государственного управления из проблемных стран в форме кредитов на 86,2 млрд евро на основании ст. 16 Договора. Относительно небольшая часть кредитов предоставлена банкам – 2,0 млрд евро. Величина отдельных кредитов определяется в ЕСМ в зависимости от характера дисбалансов, с которым столкнулась страна, и от перспектив восстановления доступа к рыночным заимствованиям.

Таблица 1

Баланс ЕСМ по состоянию на 31.12.2022, млн евро

Структурный элемент	Сумма
Активы, всего	812742
Денежные средства и их эквивалент	55568
Кредиты и авансы депозитным институтам	1960
Кредиты и авансы членам ЭВС	86210
Долговые ценные бумаги приобретенные, всего	43026
в т. ч.	
официальных эмитентов	31941
прочих эмитентов	11086
Подписной капитал, неоплаченный	624250
Прочие элементы	1728
Собственный капитал и обязательства, всего	812742
Акционерный капитал	704885
Средства, привлеченные от кредитных институтов	4970
Долговые ценные бумаги, выпущенные	101652
Накопленный доход	1221
Прочие элементы	14

Источник: [ESM, 2023: 62].

Важное отличие антикризисного инструментария ЕСМ, обусловленное спецификой развития европейского долгового и бюджетного кризиса, – мандат института на возможность приобретения ценных бумаг на первичном и вторичном рынках. Основные задачи этого инструмента – разгрузка баланса кредитных и финансовых организаций от «токсичных» ценных бумаг, эмитентами которых выступали пострадавшие от кризиса страны Европы, и их обмен на денежные средства. Размер

таких операций ЕСМ составил 43,0 млрд евро, в т. ч. приобретены государственные ценные бумаги на сумму в 31,9 млрд евро.

Со спецификой европейского финансового кризиса, в который оказались вылечены банки, тесно связано предоставление финансовой помощи в форме рекапитализации финансовых институтов, предусмотренной ст. 15 Договора. Однако этот инструмент остался практически незадействованным в европейской практике.

Таблица 2

Величина взносов в капитал ЕСМ отдельных стран ЕС по состоянию на конец 2022 года, %

Страна	Доля взноса
Германия	26,7
Франция	20,1
Италия	17,6
Испания	11,7
Нидерланды, Королевство	5,6
Хорватия	3,7
Бельгия	3,4
Греция	2,8
Австрия	2,7
Португалия	2,5
Финляндия	1,8
Ирландия	1,6
Словакия	1,0
Словения	0,5
Литва	0,4
Латвия	0,3
Эстония	0,3
Люксембург	0,2
Кипр	0,2
Мальта	0,1

Источник: [ESM, 2023: 50].

Подходы к оценке эффективности региональных финансовых механизмов

Активизация деятельности РФМ и пересекающаяся компетенция с классическими МФИ закономерно поднимает вопрос оценки их эффективности в сравнении с другими формами антикризисных механизмов. Такая оценка может строиться на основе критерия соответствия международной компетенции и наличия необходимых полномочий и финансовых ресурсов для решения поставленных перед МФИ задач и критерия простоты и необремененности процедуры выделения ресурсов для купирования финансовых шоков нуждающихся стран.

В рамках первого критерия у Международного валютного фонда баланс международной компетенции и наличия необходимых финансовых ресурсов смещен в пользу первой. Международная компетенция МВФ и ГВБ выражена наиболее четко: она закреплена в международных нормативно-правовых актах. Кроме того, у обоих присутствуют практически все атрибуты экономической власти, необходимые для реализации регуляторных компетенций, включая переданную им часть национального суверенитета отдельных государств в денежной и валютной сферах.

Вместе с тем ресурсов, необходимых для решения возложенных на МВФ задач, недостаточно. Процедура мобилизации ресурсов Фондом на основе квот, требующая международного правового оформления и ратификации странами-членами, обуславливает дискретность процесса привлечения средств и их относительно незначительные объемы. Даже предпринятые МВФ нестандартные меры – программы заимствований на двусторонней и многосторонней основе – не изменили ситуацию. Сегодня имеющиеся в распоряжении Фонда ресурсы несопоставимы с масштабами финансовых угроз и объемами обращающихся на глобальном финансовом рынке инструментов [Навой, 2022b].

В результате увеличения квот 54 стран – членов в 2011 и 2015 гг. ресурсы Фонда выросли до 476,3 млрд специальных прав заимствований (СДР), а объем привлеченных судных ресурсов по состоянию на конец апреля 2023 г. достиг 504,8 млрд СДР¹. Таким образом, совокупный объем привлеченных МВФ ресурсов, в т. ч. для финансирования антикризисных программ, расширился до 1 трлн СДР, или до 1,2 трлн долл. При этом совокупная емкость финансовых инструментов, обращающихся на глобальном финансовом рынке, достигает 800 трлн долл.², а совокупный дефицит счета текущих операций отдельных стран приближается к 300 трлн долл.³ Более того, большая часть ресурсов МВФ уже задействована в кредитах, предоставленных нуждающимся странам с низкой платежеспособностью, что позволяет некоторым исследователям сравнивать Фонд с банком плохих долгов [Carreau, 1994: 1995].

Напротив, соотношение международных компетенций, имеющихся полномочий и финансовых ресурсов у РФМ, смещено в пользу доминирования ресурсов над компетенцией. Как правило, компетенция региональных финансовых механизмов носит ограниченный характер и закреплена в региональных нормативно-правовых актах. Она сводится к фондированию региональных страховочных сетей – механизмов предоставления ликвидности для купирования шоков на региональном финансовом рынке, а также к предоставлению ресурсов развития. Кроме того, объем ресурсов РФМ значителен: в рамках региональных финансовых механизмов потенциально может быть мобилизовано до 1,5 трлн долл. [Iancu et al., 2021]. Однако мобилизуе-

¹ SCHEDULE 2: Financial Resources and Liquidity Position in the General Resources Account at April 30, 2023. Financial Statements For the Financial Years Ended April 30, 2023, and 2022. URL: <https://www.imf.org/-/media/Files/Data/IMF-Finance/Quarterly-Financial-Statements/2023/fy23-audited-financial-statements-web.ashx> (дата обращения: 14.08.2023).

² Расчеты автора по: BIS Quarterly Review, March 2023. URL: https://www.bis.org/publ/qtrpdf/r_qt2303.htm (дата обращения: 14.08.2023).

³ Расчеты автора по: Balance of Payments. URL: <https://data.imf.org/> (дата обращения: 14.08.2023).

мые финансовые ресурсы на практике оказываются избыточными и почти незадействованными в формировании пакетов экстренной помощи государствам–членам.

В рамках второго критерия процедуре выделения ресурсов со стороны МВФ присущ целый ряд недостатков. Среди них – достаточно длительная бюрократизированная процедура оценки потребностей заемщика в ресурсах, базирующаяся на оценке степени продвижения рыночных реформ, эффективности государственных расходов и др. Часть критериев выделения ресурсов Фонда носит непрозрачный характер. Тем не менее по мнению экспертов [Lamberte et al., 2012], процедура вовлечения РФМ в антикризисные программы зачастую носит еще более обременительный характер (Табл. 3).

Таблица 3

Бальная оценка ресурсов РФМ и МВФ по критериям МВФ, баллы

Критерий	Ресурсы МВФ	Ресурсы РФМ
Предсказуемость	2	1
Скорость	1	0
Надежность	1	1
Стоимость	0	1

Экспертная оценка автора по: [IMF, 2016].

Сравнительная экспертная оценка процедуры выделения ресурсов достаточно консервативна по отношению к РФМ. Однако ресурсы региональных финансовых механизмов пока не имеют явных преимуществ в сопоставлении с инструментами МВФ в нише антикризисного финансирования. Например, с точки зрения предсказуемости, т. е. прозрачности квалификационных критериев и условий доступа к ресурсам в случае наступления кризисных явлений, РФМ пока не способны конкурировать с Фондом в силу высокой степени концентрации (большая часть ресурсов региональных финансовых механизмов сосредоточена в Европе и Азии) и отсутствия доступа к ним со стороны значительной части развивающихся стран.

Предоставление ресурсов РФМ обусловлено достаточно жесткими критериями (которые варьируются от одного механизма к другому и зачастую носят непрозрачный характер) при отборе заемщиков. Ряд региональных финансовых механизмов выдвигают даже более строгие критерии, чем МВФ. Например, в ПВР БРИКС и МИЧМ доступ к кредитам связан с наличием параллельной кредитной программы Фонда: финансирование в сумме более 30% максимального странового лимита предполагает наличие поддерживаемой МВФ кредитной программы и, следовательно, требует соблюдения условий Фонда и оценки результатов надзора за страной – заемщиком [IMF, 2015].

Критерии выделения ресурсов Европейского стабилизационного механизма также связаны с кредитной деятельностью МВФ. ЕСМ функционирует в тесном контакте с Международным валютным фондом и Европейским центральным банком, которые отвечают за оценку кредитоспособности должников Европейского стабилизационного механизма (ст. 41 Договора).

В отличие от МВФ ресурсы РФМ предоставляются на более широкий круг целей. Это могут быть займы для поддержания платежного баланса или других потребностей в финансировании (например, в СРС и МИЧМ), покупка облигаций участников, займы для рекапитализации банковских систем участников (например, в ЕСМ), превентивное страхование (например в ПВР БРИКС, МИЧМ и ЕСМ). Однако использование ресурсов ЕСМ для этих целей не было протестировано на практике.

По скорости предоставления, т. е. быстроте мобилизации ресурсов в случае шока, эффективность процедуры выделения ресурсов РФМ близка к МВФ. Скорость доступа к региональным финансовым механизмам варьируется от страны-заемщика и конкретного займа, но, как правило, ресурсы сложнее разблокировать, чем кредиты Фонда. Задержки в выделении финансирования часто происходят из-за сложных и долгих переговоров РФМ и стран – заемщиков, предметом которых может быть балансирование выгодных условий кредитования и выполнение обязанности по уплате налогов (например, в ЕСМ). Кроме того, временные лаги в удовлетворении запроса на кредитование в РФМ могут быть обусловлены необходимостью увязки суммы кредита с участием страны в кредитных программах МВФ.

По надежности, т. е. возможности пролонгировать выделенные кредиты на более длительный период, позиции РФМ также схожи с МВФ. Возможность пролонгации финансирования в региональных финансовых механизмах существенно различается по типу инструмента, однако в большинстве случаев остается не апробированной на практике. Например, валютные свопы в рамках СРС предоставляются на 90 дней, но могут быть продлены на срок до одного года, в то время как валютные свопы МИЧМ выделяются на 6 месяцев или один год и могут быть увеличены до 2–3 лет. Срок действия кредитных инструментов ЕСМ фактически не предусматривает ограничений по срокам погашения: фонд предоставляет финансирование со сроком погашения до 20–30 лет.

За исключением ЕСМ, возможности РФМ по пролонгации антикризисного финансирования на длительные периоды остаются непроверенными на практике. Более того, финансирование региональных финансовых механизмов менее надежно в сравнении с МВФ в случае региональных или системных потрясений, которые негативно сказываются на возможностях по предоставлению ликвидности странами – донорами.

* * *

Совокупность механизмов аккумуляции ресурсов РФМ, их распределения и использования де-факто позволяют только частично рассматривать региональные финансовые механизмы в роли кредитора последней инстанции для группы крупнейших государств Латинской Америки, Европы, Азии и Ближнего Востока. Тем не менее на основе функционирования РФМ сформирован параллельный контур антикризисного регулирования и поддержки финансовой стабильности участников глобального рынка, на которых приходится более половины мирового ВВП и внешней торговли. Принятие решений о выделении средств РФМ осуществляется в большинстве механизмов на уровне региональных органов управления и не зависит от решений МВФ.

Особое место в контуре региональных страховочных сетей занимают европейские антикризисные механизмы. Они являются наиболее крупными по объему и составляют около половины совокупных ресурсов ГФСС. Кроме того, в рамках ЕСМ имплементирован расширенный подход к полномочиям РФМ. В отличие от других региональных финансовых механизмов ЕСМ может расширять ресурсную базу за счет выпуска рыночных инструментов, а спектр направлений использования ресурсов фонда предполагает потенциальное приобретение ценных бумаг на первичном и вторичном рынках, вложения в капитал банковского сектора и создание фондов антикризисного страхования.

Предложенный авторский подход к оценке эффективности антикризисного финансирования РФМ в сравнении с классическими институтами позволил сделать вывод о недостаточной международной компетенции региональных финансовых механизмов в сравнении с объемом мобилизуемых ими ресурсов, а также о сопоставимых характеристиках инструментов РФМ и МВФ с точки зрения процедуры организации антикризисных займов.

Вопреки жесткости подхода ЕСМ к отбору потенциальных заемщиков, его антикризисная деятельность достаточно эффективна в купировании шоков в наиболее проблемных европейских странах, позволяет значительно снизить зависимость стран Евросоюза от участия в кредитных программах Фонда и создать предпосылки для формирования параллельного контура антикризисного регулирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бобров А.В. (2022) Трансформация денежно-кредитной политики ЕС в условиях финансовой нестабильности. *Мировая экономика и международные отношения*. № 2. С. 33–41. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-2-33-41.

Купреев С.С. (2008) К вопросу о юридической природе международных финансовых организаций. *Международное публичное и частное право*. № 4. С. 6–9.

Навой А.В. (2022а) Трансформация роли России в мировой финансовой архитектуре в условиях геополитических вызовов. *Финансовый журнал*. № 6. С. 111–123. DOI: 10.31107/2075-1990-2022-6-111-123.

Навой А.В. (2022б) Трансформация функции МВФ и сотрудничество с Россией. *Современная Европа*. № 7. С. 107–119. DOI: 10.31857/S0201708322070099.

Carreau D. (1994) Why not Merge the International Monetary Fund (IMF) and the International Bank for Reconstruction and Development (World Bank). *Fordham Law Review*. Vol. 62. Issue 7. P. 1989–2000.

Eichengreen B. (2012) Regional Financing Arrangements and the International Monetary Fund. *ADB Working paper*. No. 394. Asian Development Bank Institute, Tokyo, Japan. 18 p.

ESM (2023) *2022 ESM Annual Report*. Publications Office of the European Union, Luxembourg, Luxembourg. 119 p. DOI: 10.2852/120015.

Iancu A., Kim S., Miksjuk A. (2021) Global Financial Safety Net – A Lifeline for an Uncertain World. *IMF Blog*. 30.11. URL: <https://www.imf.org/en/Blogs/Articles/2021/11/30/global-financial-safety-net-a-lifeline-for-an-uncertain-world> (accessed: 01.09.2023).

IMF (2013) *Stocktaking the Fund's Engagement with Regional Financing Arrangements*. International Monetary Fund, Washington, USA. 46 p.

IMF (2015) *Financing for Development: Enhancing the Financial Safety Net for Developing Countries*. International Monetary Fund, Washington, USA. 29 p.

- IMF (2016) *Adequacy of the global financial safety net*. International Monetary Fund, Washington, USA. 48 p.
- IMF (2017) *Collaboration Between Regional Financing Arrangements and the IMF*. International Monetary Fund, Washington, USA. 42 p.
- Kawai A. (2009) Reform of the International Financial Architecture: An Asian Perspective. *ADB Working Paper*. No. 167. Asian Development Bank Institute, Tokyo, Japan. 31 p.
- Lamberte M., Peter J. Morgan (2012) Regional and Global Monetary Cooperation. *ADB Working Paper*. No. 346. Asian Development Bank Institute, Tokyo, Japan. 27 p.
- Obstfeld M. (2011) The International Monetary System: Living with Asymmetry. *NBER Working Paper*. No. 17641. 56 p. DOI: 10.3386/w17641.
- Perks M., Rao Y., Shin J., Tokuoka K. (2021) Evolution of Bilateral Swap Lines. *IMF Working Paper*. No. 21/210. International Monetary Fund, Washington, USA. 40 p.
- Sussangkarn C. (2010). Chiang Mai Initiative Multilateralization: Origin, Development and Outlook. *ADB Working Paper*. No. 230. Asian Development Bank Institute, Tokyo, Japan. 16 p.

Effectiveness of Regional Insurance Networks and the European Stability Mechanism

A.V. Navoy

Doctor of Sciences (Economy), Associate Professor

*Professor of the Department of Global Finance of the Financial University
under the Government of the Russian Federation*

49, Leningradskiy Prospekt, GSP-3, Moscow, Russia, 125993

Author ID: 391612 **E-mail:** Ant.navoy@yandex.ru **ORCID:** 0000-0001-7058-4257

Abstract. The article is dedicated to approaches to assessing the effectiveness of regional insurance networks in comparison with classic financial institutions established under the auspices of the UN – International Monetary Fund and World Bank Group. On the basis of the evolution of the anti-crisis tools of international financial organisations, the place of regional financial mechanisms (regional insurance networks) is analysed as a new form of debasement of financial imbalances of the region, mitigating certain shortcomings of the IMF anti-crisis regulation model. Close attention is paid to the taxonomy of the Regional Financial Arrangements (RFA) in terms of forming a resource base and directions of the use of funds, their integration into global safety networks. The European Stability Mechanism is understood as a specified form of the RFA, which has the largest resources, the possibility of attracting them on a market basis and an extended range of areas of use. The author used specially tailored criteria to assess the effectiveness of the RFA in terms of lock of crisis events at the regional level. It is concluded that the RFA can only partially be considered as a lender of last resort for a group of major states, while a special model of the functioning of the European Stability Mechanism allowed to solve the tasks of anti-crisis regulation in the EU.

Key words: international financial institutions, IMF, UN, global insurance networks, regional financial mechanisms, anti-crisis regulation, cross-border capital movement, international credit

DOI: 10.31857/S0201708324020074

REFERENCES

- Bobrov A.V. (2022) Transformaciya denezhno-kreditnoj politiki ES v usloviyah finansovoj nestabil'nosti [Transformation of EU monetary policy in the context of financial instability], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2, pp. 33–41. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-2-33-41 (In Russian).
- Carreau D. (1994) Why not Merge the International Monetary Fund (IMF) and the International Bank for Reconstruction and Development (World Bank), *Fordham Law Review*, 62(7), pp. 1989–2000.
- Eichengreen B. (2012) Regional Financing Arrangements and the International Monetary Fund, *ADB Working Paper*, 394, Asian Development Bank Institute, Tokyo, Japan
- ESM (2022) *2021 ESM Annual Report*, Publications Office of the European Union, Luxembourg, Luxembourg. DOI: 10.2852/200351
- Iancu A., Kim S., Miksjuk A. (2021) Global Financial Safety Net – A Lifeline for an Uncertain World, *IMF Blog*, 30.11. URL: <https://www.imf.org/en/Blogs/Articles/2021/11/30/global-financial-safety-net-a-lifeline-for-an-uncertain-world> (accessed: 01.09.2023).
- IMF (2013) *Stocktaking the Fund's Engagement with Regional Financing Arrangements*, International Monetary Fund, Washington, USA.
- IMF (2015) *Financing for Development: Enhancing the Financial Safety Net for Developing Countries*, International Monetary Fund, Washington, USA.
- IMF (2016) *Adequacy of the global financial safety net*, International Monetary Fund, Washington, USA.
- IMF (2017) *Collaboration Between Regional Financing Arrangements and the IMF*, International Monetary Fund, Washington, USA.
- Kawai A. (2009) Reform of the International Financial Architecture: An Asian Perspective, *ADB Working Paper*, 167, Asian Development Bank Institute, Tokyo, Japan.
- Kupreyev S.S. (2008) K voprosu o yuridicheskoy prirode mezhdunarodnykh finansovykh organizatsiy [To the question of the legal nature of international financial organizations], *Mezhdunarodnoye publichnoye i chastnoye pravo*, 4, pp. 6–9. (In Russian).
- Lamberte M., Peter J. Morgan (2012) Regional and Global Monetary Cooperation, *ADB Working Paper*, 346, Asian Development Bank Institute, Tokyo, Japan.
- Navoy A.V. (2022b) Transformaciya funkicii MVF i sotrudnichestvo s Rossiej [Transformation of the IMF function and cooperation with Russia], *Sovremennaya Evropa*, 7, pp. 107–119. DOI: 10.31857/S0201708322070099 (In Russian).
- Navoy A.V. (2022a) Transformaciya roli Rossii v mirovoj finansovoj arhitekture v usloviyah geopoliticheskikh vyzovov [Transforming Russia's Role in Global Financial Architecture Amid Geopolitical Challenges], *Finansovyy zhurnal*, 6, pp. 111–123. DOI: 10.31107/2075-1990-2022-6-111-123 (In Russian).
- Obstfeld M. (2011) The International Monetary System: Living with Asymmetry, *NBER Working Paper*, 17641. DOI: 10.3386/w17641.
- Perks M., Rao Y., Shin J., Tokuoka K. (2021) Evolution of Bilateral Swap Lines, *IMF Working Paper*, 21/210, International Monetary Fund, Washington, USA.
- Sussangkarn C. (2010) Chiang Mai Initiative Multilateralization: Origin, Development and Outlook, *ADB Working Paper*, 230, Asian Development Bank Institute, Tokyo, Japan.

УДК 339.97

РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВОГО РЫНКА ЕС НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

© 2024 РЕВЕНКО Лилия Сергеевна

Доктор экономических наук, профессор

МГИМО МИД России

119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, 76

E-mail: l.revenko@inno.mgimo.ru

© 2024 РЕВЕНКО Николай Сергеевич

Кандидат политических наук

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

125167, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 49

E-mail: reni100@yandex.ru

Поступила в редакцию 06.10.2023

Принята к публикации 13.03.2024

Аннотация. В статье проведен анализ изменения регулирования цифровой сферы ЕС через призму недавно принятых законов о цифровых рынках и цифровых услугах. Цели этих документов – обуздание крупных цифровых платформ и поисковых систем, которые, заняв доминирующее положение на рынке, стали злоупотреблять своим положением, и повышение уровня подотчетности онлайн-платформ и посредников. Приведены примеры вызывающих озабоченность действий таких компаний. Положения первого документа применяются к так называемым гейткиперам, к которым отнесены поставщики услуг, ставшие шлюзами между бизнесом и конечными пользователями и по этой причине оказывающие существенное влияние на внутренний рынок ЕС. Второй документ относится к поставщикам посреднических услуг по передаче информации, кэшированию и хостингу. В отдельную группу выделены особо крупные онлайн-платформы и поисковые системы. Установлены количественные пороговые значения для компаний, подпадающих под действие законов. Документы содержат перечни действий, которые такие компании либо обязаны, либо не должны совершать. Одни эксперты поддерживают законы и полагают, что они позволят решить проблемы, с которыми сталкиваются представители бизнеса и рядовые пользователи. Другие считают, что в них нет необходимости, и что взамен нужно совершенствовать

существующую правовую базу. Критике подвергаются также отдельные положения законов, например, что законы соответствуют текущей рыночной реальности, но их применение меняет условия конкуренции.

Ключевые слова: Европейский союз, цифровые рынки, цифровые услуги, цифровые платформы, поисковые системы, гейткиперы, незаконный контент

DOI: 10.31857/S0201708324020086

Регулирование цифрового рынка ЕС началось с принятия Стратегии единого цифрового рынка для Европы¹ в 2015 г. В последующие годы оно получило существенное развитие и претерпевало изменения. Одно из последних – принятие Европейским парламентом и Советом ЕС двух регламентов, которые ввели в действие закон о цифровых рынках² и закон о цифровых услугах³. Появление этих документов связано с небольшим количеством крупных цифровых платформ, которые посредством созданных ими экосистем выступают в качестве шлюзов между представителями бизнеса и конечными пользователями и занимают доминирующее положение на рынке. Эти платформы стали «узкими горлышками для электронной торговли, злоупотребляя своей властью для дискриминации сторонних предприятий» [Guggenberger, 2021a: 253].

Основные методы злоупотребления платформ своим положением – связывание (например, предоставление производителям аппаратных устройств прав на использование операционной системы при условии предустановки на них конкретного браузера), запрет на установление продавцами более низких цен и более выгодных условий на других платформах, эксклюзивный доступ к данным пользователей, техническое недопущение совместимости своих сервисов с другими платформами, установление на платформе более выгодных условий для собственных продуктов, навязывание определенного платежного сервиса. Например, «Гугл» (*Google*), доминирующий на рынке поисковых систем, отображал в верхних позициях поиска сервис сравнения цен на товары «Гугл Покупки» (*Google Shopping*), что ставило в невыгодное положение конкурентов [Арутюнян, Бербенева, 2022: 83]. С такой же

¹ A Digital Single Market Strategy for Europe: Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Brussels, the European Commission, 06.05.2015, COM(2015) 192 final. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-8672-2015-INIT/en/pdf> (дата обращения: 15.09.2023).

² Regulation (EU) 2022/1925 of the European Parliament and of the Council of 14 September 2022 on contestable and fair markets in the digital sector and amending directives (EU) 2019/1937 and (EU) 2020/1828 (Digital Markets Act). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32022R1925> (дата обращения: 18.09.2023).

³ Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a single market for digital services and amending Directive 2000/31/EC (Digital Services Act). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32022R2065> (дата обращения: 18.09.2023).

ситуацией сталкиваются разработчики приложений для операционной системы «Эпл айос» (*Apple iOS*), распространяемых через платформы «Эп стор» (*App Store*) [Guggenberger, 2021b: 325]. «Майкрософт» (*Microsoft*) объединил облачный сервис «ВанДрайв» (*OneDrive*) с другими продуктами компании, а «Эпл» и «Гугл» использовали настройки по умолчанию для своих собственных почтовых приложений на смартфонах с операционными системами «Айос» и «Андроид» (*Android*) и требовали, чтобы продукты в магазинах приложений оплачивались только через их платёжные сервисы [Kim, 2021: 121].

К деятельности крупных цифровых платформ предъявляют такие претензии, как продажа запрещённых, небезопасных и контрафактных товаров, мошенничество, распространение незаконного контента, предоставление незаконных услуг. Например, 80% из выявленных таможенными органами стран ЕС в 2016 г. импортных контрафактных товаров – небольшие посылки, предположительно заказанные на онлайн-платформах. О серьёзности проблемы незаконного контента свидетельствует тот факт, что в апреле-июле 2020 г. «Фейсбук» (*Facebook*)* принял меры против 22,5 млн фрагментов, квалифицируемых как разжигание ненависти, в то время как за этот же период 2019 г. – против 4,4 млн фрагментов¹.

ЕС ранее уже принимал меры для установления справедливых правил конкуренции и борьбы с незаконным использованием Интернета. В соответствии со статьей 102 Договора о функционировании ЕС является «несовместимым с внутренним рынком... злоупотребление со стороны одного или нескольких предприятий доминирующим положением на внутреннем рынке или на существенной части такового»². В Общем регламенте о защите данных 2016/679 от 27.04.2016 установлены требования к защите персональных данных при их обработке и переносе³. Согласно Регламенту 2019/1150 от 20.06.2019 о содействии справедливости и прозрачности для бизнес-пользователей услуг онлайн-посредников, на поисковые системы, магазины при-

* Компания «Мета» (*Meta*) (социальные сети Facebook и Instagram) признана экстремистской организацией и запрещена в РФ.

¹ Commission staff working document. Impact assessment accompanying the document proposal for a regulation of the European Parliament and of the Council on a Single market for digital services (Digital Services Act) and amending directive 2000/31/EC. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:52020SC0348> (дата обращения: 20.09.2023).

² Consolidated version of the Treaty of the Functioning of the European Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:12012E/TXT> (дата обращения: 25.09.2023).

³ Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32016R0679&qid=1695118163478> (дата обращения: 26.09.2023).

ложений и онлайн-сервисы социальных сетей возложена обязанность по взаимодействию с лицами, предлагающими товары и услуги через онлайн-сервисы¹.

Однако Европейская комиссия (ЕК) пришла к выводу, что существующие законодательные акты не могут эффективно противодействовать недобросовестной практике платформ ввиду *ex-post* действия, т. е. после возникновения проблемы. В отличие от них законы о цифровых рынках и цифровых услугах являются *ex-ante* (до события), поскольку с их помощью осуществляется предварительный контроль за поведением крупных платформ [Andrés, 2022].

Вопросы цифровизации экономики Евросоюза достаточно глубоко проработаны российскими исследователями. Политика цифровизации ЕС проанализирована В.С. Циренщиковым [Циренщиков, 2019], В.Б. Беловым [Белов, 2023], А.В. Фроловым и М.В. Лысунец [Фролов, Лысунец, 2022], основы аграрной цифровизации – Н.Б. Кондратьевой [Кондратьева, 2021], особенности цифровизации обрабатывающей промышленности стран ЕС – С.А. Толкачевым, И.Д. Удаловым и С.А. Темукуевым [Толкачев и др., 2022]. В то же время законы о цифровых рынках и цифровых услугах – новая тема, которая на момент подготовки данного исследования нашла частичное отражение в статье А.А. Арутюнян и А.Д. Бербенева [Арутюнян, Бербенева, 2022]. Цель исследования – проанализировать эти законы на предмет их влияния на цифровой рынок Евросоюза.

Изменения в регулировании цифровых рынков

Основные цели закона о цифровых рынках состоят в том, чтобы обуздать власть небольшого числа цифровых платформ, «гарантировать “конкурентность” рынков в цифровом секторе и обеспечить “справедливость” в коммерческих отношениях между крупными платформами и бизнес-пользователями и, конечно же, потребителями» [Díez Estella, 2023]. Его действие распространяется на так называемых гейткиперов (*gatekeepers*), которых в разных странах-членах ЕС именуются контролерами доступа и привратниками. Под ними понимают поставщиков услуг, оказывающих существенное влияние на внутренний рынок ЕС, т. к. они управляют платформами, которые выступают важным шлюзом между бизнесом и конечными пользователями. К таким платформам относятся онлайн-маркетплейсы, магазины приложений и другие онлайн-посреднические сервисы; онлайн-поисковые системы; социальные сети; сервисы обмена видеофайлами; независимые от номера службы межличностной связи²; операционные системы;

¹ Regulation (EU) 2019/1150 of the European Parliament and of the Council of 20 June 2019 on promoting fairness and transparency for business users of online intermediation services. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32019R1150> (дата обращения: 24.09.2023).

² Службы, которые не подключаются к номеру или номерам в национальных или международных планах нумерации или не обеспечивают связь с номером или номерами в национальных или международных планах нумерации.

веб-браузеры; виртуальные помощники; сервисы облачных вычислений и услуги онлайн-рекламы.

При составлении этого списка эксперты исходили из того, что онлайн-посредники извлекают выгоду благодаря возможности анализа данных о товарах, реализованных сделках и клиентах, а также уделяют первостепенное внимание своим продуктам, что сокращает возможность выбора других производителей. Платформы запрещают удаление предустановленных приложений, продвигают прежде всего собственную продукцию, не всегда предоставляют сторонним разработчикам информацию о покупателях, навязывают несправедливые условия распространения приложений. Онлайн-поисковые системы продвигают вертикально интегрированные услуги посредством их размещения в верхней части страницы результатов поиска и извлекают выгоду из анализа информации о запросах пользователей. Владельцы социальных сетей обуславливают их использование возможностью сбора персональных данных пользователей и исключают распространение услуг конкурентов.

Платформы обмена видео ограничивают доступ конкурентов к своим базам файлов и данным об использовании их видеоконтента. Поставщики услуг обмена сообщениями создают профили клиентов посредством дополнения имеющейся информации о них с данными, полученными из других источников. Производители операционных систем обязывают пользователей зарегистрироваться на их сайте, навязывают им дополнительные программы и услуги, включая использование поисковых систем и не разрешая их удаление, ограничивают совместимость своей операционной системы с услугами бизнес-пользователей.

Поставщики облачных услуг препятствуют взаимодействию и перенесению данных, копируют и используют программы, разработанные и используемые другими поставщиками облачных услуг. Поставщики рекламных услуг собирают информацию о пользователях и партнерских службах для таргетирования рекламы, препятствуют получению рекламодателями информации об интересе пользователей, продвигают собственную продукцию.

Количественные пороговые значения для включения компании в список гейткippers установлены на уровне от 7,5 млрд евро годового оборота, 75 млрд евро рыночной капитализации, 45 млн активных конечных пользователей ежемесячно, 10 тыс. бизнес-пользователей в год и предоставления услуг по крайней мере в трех странах ЕС. Компания, которая достигла пороговых значений, обязана в течение двух месяцев уведомить об этом ЕК.

Закон прописывает обязанности гейткippers, например: разрешать загружать сторонние приложения и магазины приложений, использующие операционные системы гейткippers, их установку по умолчанию и удаление; предоставлять недискриминационные условия доступа к своим магазинам приложений, поисковым системам и социальным сетям; позволять бизнес-пользователям осуществлять перенос данных, сгенерированных в основных сервисах платформы, при условии соблюдения требований регламента о защите данных 2016 г. Гейткippers также обязаны разрешать пользователям рекламировать продукцию и заключать контракты с клиентами вне платформы; предоставлять рекламодателям информацию, необхо-

димую для проведения анализа эффективности рекламы, а также об уплаченной за показ объявления сумме; передавать пользователям в режиме реального времени доступ к данным об их деятельности; обеспечивать коммерческим пользователям справедливые и недискриминационные условия при использовании своих торговых онлайн-платформ. Службы обмена мгновенными сообщениями обязаны обеспечить интероперабельность их основных функциональных возможностей с другими аналогичными службами.

Гейткиперы не должны без согласия конечного пользователя агрегировать его персональные данные, собранные посредством нескольких сервисов платформы; принудительно регистрировать конечных пользователей; использовать данные, предоставленные бизнес-пользователями основных сервисов платформы, для конкуренции с ними; предоставлять преференции собственным продуктам и услугам; делать зависимым использование какой-либо базовой платформы от использования другой службы этой платформы.

Компании, признанные гейткиперами, также не могут запрещать пользователям удалять предустановленные программы и приложения и получать доступ к сервисам вне платформы; устанавливать более благоприятные условия при ранжировании своих собственных услуг и продуктов по сравнению с аналогичными услугами или продуктами сторонних бизнес-пользователей; запрещать коммерческим пользователям предлагать свою продукцию и услуги на сторонних платформах на других условиях и по другим ценам; использовать собранную на платформе информацию для конкурентной борьбы с коммерческими пользователями; ограничивать бизнес-пользователей в продвижении и заключении контрактов с клиентами за пределами платформы гейткипера, контакт с которыми установлен на этой платформе; препятствовать доступу потребителей к услугам, которые были приобретены за пределами платформы.

Кроме того, гейткиперам запрещено технически ограничивать возможности конечных пользователей переключаться между различными программными приложениями; требовать от бизнес-пользователей или их клиентов подписку или регистрацию в основной службе платформы в качестве условия для доступа или регистрации в любой основной услуге платформы; требовать использовать разработчиками приложений исключительно платежные сервисы гейткипера; препятствовать бизнес-пользователям обращаться к государственным органам с вопросами о поведении гейткипера¹.

В случае невыполнения требований ЕК вправе наложить на гейткипера штраф в размере до 10% от общего оборота компании за предыдущий финансовый год, а при повторном нарушении – до 20%. В случае систематических нарушений она имеет право ввести дополнительные санкции, например обязать гейткипера продать бизнес полностью или частично.

¹ Regulation (EU) 2022/1925 of the European Parliament and of the Council of 14 September 2022 on contestable and fair markets in the digital sector and amending directives (EU) 2019/1937 and (EU) 2020/1828 (Digital Markets Act). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32022R1925> (дата обращения: 18.09.2023).

Осенью 2023 г. ЕК опубликовала список гейткиперов, в который вошли 6 компаний: «Альфавет» (*Alphabet*), «Амазон» (*Amazon*), «Эпл», «Мета»* и «Майкрософт» (*Microsoft*) и «БайтДэнс» (*ByteDance*). Они контролируют работу 22 основных сервисов, отвечающих установленным критериям: «Амазон маркетплейс» (*Amazon Marketplace*), «Гугл Карты» (*Google Maps*), «Гугл Покупки», «Гугл плей» (*Google Play*), «Мета маркетплейс» (*Meta Marketplace*)*, «Эп стор» осуществляют посреднические услуги; «Вотсап», Фейсбук мессенджер (*Facebook Messenger*)* – службы межличностной связи; «ТикТок» (*TikTok*), «Фейсбук» (*Facebook*)*, «Инстаграм» (*Instagram*)*, «Линкедин» *LinkedIn* – социальные сети; «Ютьюб» (*YouTube*) – платформа обмена видеофайлами; «Хром» (*Chrome*), «Сафари» (*Safari*) – поисковые системы; «Виндоус» (*Windows*), «Айос» и «Андроид» – операционные системы; «Гугл Реклама» (*Google Ads*), «Амазон эдс» (*Amazon Ads*), «Мета эдс» (*Meta Ads*)* – сервисы рекламы; «Гугл Поиск» (*Google Search*) – инструмент по сбору данных об эффективности поиска сайтов¹.

ЕК также приступила к изучению обращения «Эпл» и «Майкрософт», утверждающих, что их платформы «Бинг» (*Bing*), «Эдж» (*Edge*), «Майкрософт адвертайзинг» (*Microsoft Advertising*) и «Аймесседж» (*iMessage*) не являются шлюзами, несмотря на то что они формально соответствуют пороговым значениям. В то же время Еврокомиссия решила не считать «Джимейл» (*Gmail*), «Аутлук» и «Самсунг интернет браузер» (*Samsung Internet Browser*) основными сервисами платформ, несмотря на то что они формально подпадают под действие закона. «Альфавет», «Майкрософт» и «Самсунг» смогли доказать, что сервисы не являются шлюзами для соответствующих служб базовой платформы². Тем самым ЕК продемонстрировала намерение проявлять гибкий подход к включению платформ в список гейткиперов.

Закон о цифровых услугах

Цель закона о цифровых услугах – повышение уровня подотчетности онлайн-платформ и посредников через повышение прозрачности их деятельности и введение требований ответственности за размещение контента третьих лиц. Характер незаконного контента не определен, но должен охватывать «информацию, относящуюся к незаконному контенту, продуктам, услугам и деятельности» [Chiarella, 2023: 43–44].

Закон применяется к поставщикам посреднических услуг в виде передачи информации, кэширования и хостинга. Под передачей информации понимается ее пе-

* Компания «Мета» (социальные сети Facebook и Instagram) признана экстремистской организацией и запрещена в РФ.

* Компания «Мета» (социальные сети Facebook и Instagram) признана экстремистской организацией и запрещена в РФ.

¹ Trueman C. EU lists ‘gatekeepers’ to be regulated, opens iMessage and Bing investigations. URL: <https://www.computerworld.com/article/3705935/eu-lists-gatekeepers-to-be-regulated-opens-imessage-and-bing-investigations.html> (дата обращения: 04.10.2023).

² Digital Markets Act: Commission designates six gatekeepers. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_23_4328 (дата обращения: 05.10.2023).

передача получателю по сети связи или предоставление доступа к сети связи, под кэшированием – передача такой информации, включающая ее автоматическое хранение для передачи другим получателям по их запросу, под хостингом – хранение информации получателя услуги или по его запросу. В качестве примеров передачи информации можно привести службы виртуальной частноты сети (*virtual private network, VPN*)¹, системы доменных имен (*Domain Name System, DNS*)², айпителефонии (*IP telephony*) и обмена сообщениями, кэширования – обратные прокси-серверы и прокси-серверы для адаптации контента, хостинга – облачные вычисления и веб-хостинг.

Закон накладывает на платформы обязательства по борьбе с онлайн-продажей незаконных товаров и услуг, вводит меры для противодействия размещению незаконного контента в Интернете. Он также запрещает платформам использовать целевую рекламу на основе персональных данных несовершеннолетних; вводит ограничения на рекламу и использование таких персональных данных, как пол, раса и вероисповедание, для целевой рекламы; применять интерфейсы, известные как «темные схемы», для введения в заблуждение пользователей.

В отдельную группу выделены особо крупные онлайн-платформы и поисковые системы, число активных среднемесячных получателей услуг которых в ЕС равно или превышает 45 млн. Эксперты пришли к выводу, что они могут создавать повышенные социальные риски и что по этой причине их деятельность должна находиться под пристальным контролем. Этим платформам и системам предписано не рекомендовать пользователям контент, который основан на личных данных, и провести анализ системных рисков, связанных с их услугами. Они также должны создать внутренние системы снижения выявленных рисков, не реже раза в год проходить независимый аудит, предоставлять ЕК и национальным органам информацию для контроля за выполнением закона и иметь общедоступное хранилище рекламных объявлений.

Весной 2023 г. опубликованы списки особо крупных онлайн-платформ и поисковых систем. В первый вошли 17 платформ – «Алибаба АлиЭкспресс» (*Alibaba AliExpress*), «Амазон стор» (*Amazon Store*), «Эппл Эппстор» (*Apple AppStore*), «Букинг» (*Booking.com*), «Фейсбук»*, «Гугл Плей», «Гугл Карты», «Гугл Шоппинг» (*Google Shopping*), «Инстаграм»*, «Линкедин», «Пинтерест» (*Pinterest*), «Снэпчат» (*Snapchat*), *TikTok*, «Твиттер» (*Twitter*)*, «Википедия» (*Wikipedia*), «Ютьюб» и «Заландо» (*Zalando*) во второй – «Бинг» и «Гугл Поиск»³. Составление списков – элемент регуляторной деформации конкурентной среды.

¹ Технология, позволяющая установить безопасное подключение к сети Интернет.

² Компьютерная распределённая система для поиска адресов сайтов по их именам.

* Компания «Мета» (социальные сети «Фейсбук» и «Инстаграм») признана экстремистской организацией и запрещена в РФ.

³ Supervision of the designated very large online platforms and search engines under DSA. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/list-designated-vlops-and-vloses> (дата обращения: 28.09.2023).

Плюрализм мнений о новых законах, регулирующих цифровой рынок

Анализ текстов законов о цифровых рынках и цифровых услугах позволяет сделать предположение, что их имплементация позволит решить многие проблемы, с которыми столкнулись представители бизнеса и рядовые пользователи. Раньше крупные платформы только в отдельных странах не могли запрещать бизнес-пользователям предлагать более выгодные условия продажи своих товаров и услуг через другие платформы. Теперь это правило действует на пространстве всего Евросоюза.

Закон о цифровых рынках устранил один из пробелов общего регламента защиты данных, который сыграл важную роль в установлении стандартизированных правил защиты данных на пространстве ЕС и в повышении осведомленности населения о праве на неприкосновенность частной жизни [Serban, Teixeira, 2021: 312]. Регламент предоставлял более выгодные условия внутрифирменному обмену данными по сравнению с обменом компаний. В результате в более привилегированном положении оказались платформы, осуществляющие деятельность в нескольких областях. Закон о цифровых рынках запрещает гейткиперам объединять персональные данные из разных источников¹.

Закон о цифровых услугах установил общий для всех стран ЕС режим прозрачности и отчетности онлайн-платформ, обязательные правила и наказания за нарушения, в то время как национальные законодательные акты в основном содержат правила удаления из Интернета нелегального контента.

Вместе с тем многие эксперты считают, что при принятии решений, предполагающих радикальные изменения, необходимо проявлять более взвешенный подход. Например, Дж.М. Юн не согласен с тем, что власть над рынками позволяет крупным платформам наносить вред потребителям, а действующие антимонопольные законы не в состоянии предотвратить это. При рассмотрении вопроса о том, могут ли изменения создать бóльшие проблемы, не всегда проводится достаточно глубокий анализ [Yun, 2020: 309].

По мнению Д. Ауера, Дж.А. Манне и С. Боумана, если законодательство о конкуренции не привязано к набору предметных ограничений, налагаемых судами и законодательными органами, существует угроза, что оно превратится в обширный, охватывающий всю экономику свод нормативных актов, напоминающий национальную промышленную политику. Это можно квалифицировать как извращение антимонопольного законодательства, навязывание политики, выходящей за рамки области конкуренции [Auer et al., 2022: 1674].

¹ Blankerts A., Jaurisch J. What the European DSA and DMA proposals mean for online platforms. URL: <https://www.brookings.edu/articles/what-the-european-dsa-and-dma-proposals-mean-for-online-platforms/> (дата обращения: 12.10.2023).

М. Вебер и Р. Чованкуляк полагают, что закон о цифровых рынках излишен, поскольку цифровые и технологические компании могут существенно отличаться друг от друга. По этой причине нормативные акты должны применяться в каждом конкретном случае, а применение стандартного набора ограничений может предоставлять преимущества компаниям в ущерб другим [Weber, Chovanculiak, 2022: 2].

В этом контексте спорным выступает утверждение о хищническом поведении гейткиперов. Закон о цифровых рынках не учитывает специфику платформ. Многие цифровые компании добились успеха благодаря правильно выбранной стратегии развития, умению удовлетворять потребности клиентов, а не монопольному положению на рынке. Например, обработка заказа, его поиск на складе, упаковка, маркировка и передача в службу доставки занимает в «Амазон» всего 45 минут [Weber, Chovanculiak, 2022: 4], а сервис «Фулфилмент бай Амазон» (*Fulfillment by Amazon*) предоставляет сторонним продавцам возможность не только продавать свою продукцию через платформу, но и хранить ее на складах компании, упаковывать и доставлять заказчикам.

Многие крупные платформы – вертикально и горизонтально интегрированные компании, что оказывает положительное воздействие на рынок. Например, вертикальный тип интеграции позволяет фирмам извлекать выгоду от положительных эффектов в других звеньях цепи создания стоимости вследствие инвестирования в ее часть, разрабатывать новые инновационные продукты, преодолевать сбой рыночного механизма, извлекать выгоду за счет масштабной экономии и использовать свое уникальное сочетание ресурсов и возможностей [Claici et al., 2020: 5]. Многие компании, чтобы воспользоваться сетевым эффектом, создаваемым присутствием других субъектов рынка на платформе, предоставляют им доступ к экосистеме. Таким образом, отдельные практики, которые называют хищническими, безвредны и выгодны потребителям [Dorsey, 2020: 1005–1006].

Критике подвергнут порядок подготовки проекта закона. «Чтобы приблизить закон о цифровых рынках к гибкому и целостному регулированию..., он должен предусматривать инклюзивный восходящий подход, ориентированный на соответствующие заинтересованные стороны и осуществляемый с всеобъемлющим взглядом на множество реальных и потенциальных случаев» [Picht, Richter, 2022: 397]. Это предполагает более структурированный подход, вовлечение не только гейткиперов, но и посредников процесса передачи данных и их получателей, т. е. всех заинтересованных сторон.

Неоднозначную оценку получили отдельные положения законов. Один из них – запрет гейткиперам размещать свои продукты в верхних строках поиска. Сторонником такой меры является Н. Гуггенбергер, предлагающий запретить платформам осуществлять дискриминацию и самопредпочтение. Т.А. Ламберт, наоборот, полагает, что операторы платформ заинтересованы в размещении на видном месте наиболее интересных предложений, чтобы пользователи захотели вернуться на платформу, где они могут найти отвечающие их потребностям предложения. Скорее всего, платформы не будут рисковать потерей пользователей ради некоторого увеличения продаж. По этой причине запрет на самопредпочтение не принесет по-

требителям большой пользы. Кроме того, существует много методов обхода, например, учитывать не количество пользователей приложения, а сумму выручки от его продажи.

По мнению Т.А. Ламберта, регулирующему органу необходимо выработать критерии и формулы того, как определять заслуженность того или иного продукта, т. е. на основе какого параметра одно предложение более выгодно по сравнению с другим. Однако для этого потребуются оценить не один фактор, например, количество кликов пользователя, а несколько [Lambert, 2022: 98–99]. По этим причинам применение закона чревато искажением рыночной конкуренции в долгосрочной перспективе.

Спорным выступает запрет гейткиперам предоставлять преференции собственным продуктам и услугам, поскольку каждый разработчик заинтересован в продвижении программы. Например, раньше программы для создания электронных таблиц и графиков приобретались у сторонних производителей, но после появления «Майкрософт офис» (*Microsoft Office*) необходимость в этом отпала. Выгоду получили как разработчик, так и пользователи.

Разные мнения существуют по вопросу обеспечения интероперабельности платформ. Одни эксперты полагают, что предусмотренные законом о цифровых рынках меры недостаточны для того, чтобы остановить антиконкурентное поведение цифровых гигантов. Другие – что достижение технической совместимости приведет к сокращению числа пользователей платных платформ, которые обеспечивают высокий уровень конфиденциальности, и к увеличению числа пользователей платформ с низким уровнем конфиденциальности, взимающих более низкую плату. Владеющие платформами компании опасаются, что некоторые требования закона могут ограничить инновации, создать уязвимости в отношении конфиденциальности и безопасности¹.

Вопросы возникают относительно применения статьи 13 закона о мерах по предотвращению обхода гейткиперами его положений. По мнению Й.П. Кима, применение это может привести к судебному пересмотру решений ЕК. Гейткиперы могут легко выполнить требования статьи 6, содержащей перечень действий, которые они обязаны и не должны совершать. Если Еврокомиссия придет к выводу, что гейткипер обошел положения закона, то в соответствии со статьей 13 она должна привлечь его к ответственности. Однако компания может оспорить решение в суде и выиграть процесс. Тогда статья станет малоэффективной, поскольку предусмотренные запреты перестанут быть полноохватными, а возможность ЕК предотвращать случаи обхода положений закона будет ограничена [Kim, 2023: 1294].

Критике подвергся запрет гейткиперам навязывать пользователям платежный сервис. В качестве довода приводится неудачный опыт применения поправки к закону о телекоммуникационном бизнесе Республики Корея 2021 г., известной

¹ “Эпл” и «Гугл» обеспокоены законом ЕС о цифровых рынках. URL: <https://news.rambler.ru/internet/49650361-apple-i-google-obespokoeny-zakonom-es-o-tsifrovyyh-rynках/> (дата обращения: 30.09.2023).

как закон против «Гугл». «Гугл» и «Эпл» запретили требовать от разработчиков сторонних приложений использовать платежные сервисы компаний [Kim, 2021: 121–122]. Ожидаемый результат достигнут не был, т. к. потребителям удобнее оплачивать покупку нескольких приложений после регистрации в одном платежном сервисе.

В тексте закона о цифровых рынках неоднократно сделана ссылка на принцип справедливого, разумного и недискриминационного поведения гейткиперов. Например, они должны «применять справедливые, разумные и недискриминационные общие условия доступа бизнес-пользователей к своим магазинам программных приложений, онлайн-поисковым системам и онлайн-сервисам социальных сетей»¹. Однако в законе не содержится пояснения, что это означает, а из-за нехватки ресурсов ЕК не сможет на ранней стадии определить, нарушает ли гейткипер этот принцип.

Что касается закона о цифровых услугах, то отдельные эксперты задаются вопросом, совместимо ли разрешение платформам подвергать цензуре контент со свободой слова. Высказывается опасение в отношении установления контроля за личной электронной почтой и информацией, которую граждане хранят в облачных сервисах [Kucina, 2022: 150–151]. Кроме того, принятие закона означает отход от применявшихся ранее подходов к регулированию, поскольку совсем недавно ЕК проявляла сдержанность по вопросу введения обязательных правил для платформ.

Озабоченность вызывает применение отдельных статей, в частности статьи 16 (механизмы уведомления и принятия мер), наделяющей хостинг-провайдеров полномочиями после получения уведомления о предполагаемой незаконности контента. Эксперты отмечают вероятность того, что хостинг-провайдеры во избежание ответственности будут удалять контент без проведения должной оценки его содержания. Статья 16 применяется ко всем хостинг-провайдерам. Под ее действие попадают облачные сервисы, а это может негативно повлиять на свободу выражения мнений в Интернете².

Заключение

Рассматриваемые в статье законы вызвали неоднозначную реакцию в ЕС. По мнению ЕК, с которым согласны многие эксперты, применение закона о цифровых рынках создает более справедливые условия для конкуренции, содействует внедрению инноваций, сокращает сроки судебных разбирательств, ставит в опре-

¹ Regulation (EU) 2022/1925 of the European Parliament and of the Council of 14 September 2022 on contestable and fair markets in the digital sector and amending directives (EU) 2019/1937 and (EU) 2020/1828 (Digital Markets Act). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32022R1925> (дата обращения: 18.09.2023).

² At a glance: Does the EU Digital Services Act protect freedom of expression? URL: <https://www.article19.org/resources/does-the-digital-services-act-protect-freedom-of-expression/> (дата обращения: 08.10.2023).

деленным рамки деятельность крупных платформ, закона о цифровых услугах – повышает прозрачность деятельности онлайн-платформ и посредников и безопасность онлайн-пользователей.

В то же время другие эксперты полагают, что более разумно не проводить столь радикальные изменения, которые могут принести больше вреда, чем пользы, а совершенствовать существовавшую правовую базу. Критике подвергают неизбирательный характер закона о цифровых рынках и его отдельные положения; выражают опасения, что применение закона о цифровых услугах окажет негативное влияние на свободу слова в ЕС. Также отмечается сложность осуществления регулируемыми органами контроля за соблюдением законов.

Столь широкий плюрализм мнений на первоначальном этапе действия законов можно объяснить тем, что эксперты анализируют их отдельно в юридической, социальной и экономической плоскостях при отсутствии комплексного междисциплинарного подхода и не определено влияние новых правил на разные типы хозяйствующих субъектов, на отдельные товарные рынки и на социум в целом. Законы о цифровых рынках и цифровых услугах – новый этап регулирования цифровой сферы в ЕС, соответствующий текущей рыночной реальности. Однако их применение меняет условия конкуренции, что характерно практически для всех аспектов цифровизации мировой экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арутюнян А.А., Бербенева А.Д. (2022) Эволюция антимонопольного регулирования цифровых платформ. *Digital Law Journal*. Т. 3. № 3. С. 79–96. DOI: 0.38044/2686-9136-2022-3-3-79-96

Белов В.Б. (2023) Цифровая трансформация Европейского союза: через тернии к успехам? *Научные труды ВЭО России*. Т. 241. № 3. С. 213–226. DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-213-226

Кондратьева Н.Б. (2021) Декалог аграрной цифровизации ЕС. *Общественные науки и современность*. № 1. С. 73–84. DOI: 10.31857/S086904990013995-6

Толкачев С.А., Удалов И.Д., Темукуев С.А. (2022) Цифровизация обрабатывающей промышленности стран ЕС: приоритет развития киберфизических систем. *Современная Европа*. № 1(108). С. 169–183. DOI: 10.31857/S0201708322010132

Фролов А.В., Лысунец М.В. (2022) Актуальные аспекты цифровой трансформации экономики европейского региона. *Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия I: экономика и управление*. № 1(40). С. 61–71. DOI: 10.21777/2587-554X-2022-1-61-71

Циренщиков В.С. (2019) Цифровизация экономики Европы. *Современная Европа*. № 3. С. 104–113. DOI: 10.15211/soveurope32019104113

Andrés M.B. (2022) El nuevo Reglamento europeo de Mercados Digitales. *Diario La Ley*. No. 10150.

Auer D., Manne G.A., Bowman S. (2022) Should ASEAN Antitrust Laws Emulate European Competition Policy? *Singapore Economic Review*. Vol. 67. Issue 5. P. 1637–1697. DOI: 10.1142/S0217590821430025

Chiarella M.L. (2023) Digital Markets Act (DMA) and Digital Services Act (DSA): New Rules for the EU Digital Environment. *Athens Journal of Law*. Vol. 9. Issue 1. P. 33–58. DOI: 10.30958/ajl.9-1-2

- Claici A., Basalisco B., De Michiel F., Okholm H., Maier N. (2020) *The economic rationale for vertical integration in the tech sector*. Copenhagen Economics, Copenhagen, Denmark. 86 p.
- Díez Estella F. (2023) The DMA: a new Regulation for – or against – Digital Markets in the EU? SSRN. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4321589>
- Dorsey E. (2020) Anything You Can Do, I Can Do Better – Except in Big Tech?: Antitrust’s New Inhospitality Tradition. *Kansas Law Review*. Vol. 68. P. 975–1015.
- Guggenberger N. (2021a) Essential Platforms. *Stanford Technology Law Review*. Vol. 24. Issue 2. P. 237–343. DOI: 10.2139/ssrn.3703361
- Guggenberger N. (2021b) The Essential Facilities Doctrine in the Digital Economy: Dispelling Persistent Myths. *Yale Journal of Law & Technology*. Vol. 23. P. 301–359. DOI: 10.2139/ssrn.3802559
- Kim Y.P. (2021) Does the Anti-Google Law Actually Help Google and Hurt Startups? *The Georgetown Law Journal Online*. Vol. 110. P. 120–134.
- Kim Y.P. (2023) A Revolution Without a Cause: The Digital Markets Act and Neo-Brandeisian Antitrust. *Wisconsin Law Review*. Vol. 2023. No. 4. P. 1247–1307. DOI: 10.59015/wlr.XKPKQ5575
- Kucina I. (2022) Effective Measures Against Harmful Disinformation in the EU in Digital Communication. *The 8th International Scientific Conference of the Faculty of Law of the University of Latvia: Conference Paper*. University of Latvia, Riga, Latvia. P. 143–155. DOI: 10.22364/iscflul.8.2.11
- Lambert T.A. (2022) Addressing Big Tech’s Market Power: A Comparative Institutional Analysis. *SMU Law Review*. Vol. 75. Issue 1. Article 8. P. 73–115.
- Picht P.G., Richter H. (2022) EU Digital Regulation 2022: Data Desiderata. *GRUR International*. Vol. 71. Issue 5. P. 395–402. DOI: 10.1093/grurint/ikac021
- Serban A., Teixeira C. (2021) Data Protection and Digital Services – European Union Perspectives. *Analele științifice ale Universității “Alexandru Ioan Cuza” din Iași (serie nouă) științe juridice*. Tomul LXVII. Supliment 2. P. 309–322. DOI: 10.47743/jss-2021-67-4-22
- Weber M., Chovanculiak R. (2022) *On the European Union’s Digital Market Act, “Fair Access” and Vertical Integration*. INESS, Bratislava, Slovakia. 6 p.
- Yun J.M. (2020) Does Antitrust Have Digital Blind Spots? *South Carolina Law Review*. Vol. 72. Issue 2. P. 305–356. DOI: 10.2139/ssrn.3593467

Digital Markets and Digital Services: A New Stage of the EU Internal Market Regulation

L.S. Revenko

Doctor of Sciences (Economics)

MGIMO University

76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454

E-mail: l.revenko@inno.mgimo.ru

N.S. Revenko

Candidate of Sciences (Politics)

Financial University under the Government of the Russian Federation

49, Leningradsky Propekt, Moscow, Russia, 125993

E-mail: reni100@yandex.ru

Abstract. The article explores the EU Digital Markets Law and Digital Services Law adopted in the fall of 2022. The new legislative framework aims to control large digital platforms and search engines that have become market dominant and abuse their power by discriminating against third-party businesses, and to make online platforms and intermediaries more accountable. The authors provide examples of troubling practices by such companies. The provisions of the first document apply to the so-called gatekeepers, which include service providers that have become gateways between businesses and end users and for this reason have a significant impact on the EU internal market, of the second one – to providers of intermediary services qualified as mere conduit, caching and hosting services. A separate group includes very large online platforms and search engines. The laws set quantitative thresholds for companies subject to the laws. They contain lists of rights and responsibilities of such companies. The laws caused conflicting responses. One group of experts supports them, believing that they will solve many problems faced by businesses and ordinary users. Other researchers argue that new laws were not necessary and existing legal framework should have been improved. They also criticize certain provisions of the laws. The authors conclude that the laws correspond to the current market reality, but their application changes the competition environment.

Keywords: European Union, digital markets, digital services, large platforms, large online search engines, gatekeepers, illegal content

DOI: 10.31857/S0201708324020086

REFERENCES

- Andrés M.B. (2022) El nuevo Reglamento europeo de Mercados Digitales, *Diario La Ley*, 10150.
- Arutyunyan A.A., Berbeneva A.D. (2022) Evolyutsiya antimonopol'nogo regulirovaniya tsifrovyykh platform [The Evolution of Antimonopoly Regulation of Digital Platforms], *Digital Law Journal*, 3(3), pp. 79–96. (In Russian).
- Auer D., Manne G.A., Bowman S. (2022) Should ASEAN Antitrust Laws Emulate European Competition Policy? *Singapore Economic Review*, 67(5), pp. 1637–1697.
- Belov V.B. (2023) Tsifrovaya transformatsiya Evropeiskogo soyuza: cherez ternii k uspekham? [Digital Transformation of the European Union: Through Thorns to Success?], *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*, 241(3), pp. 213–226. (In Russian).
- Chiarella M.L. (2023) Digital Markets Act (DMA) and Digital Services Act (DSA): New Rules for the EU Digital Environment, *Athens Journal of Law*, 9(1), pp. 33–58.
- Claici A., Basalisco B., De Michiel F., Okholm H., Maier N. (2020) *The economic rationale for vertical integration in the tech sector*, Copenhagen Economics, Copenhagen, Denmark.
- Díez Estella F. (2023) The DMA: a new Regulation for – or against – Digital Markets in the EU? SSRN. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4321589>
- Dorsey E. (2020) Anything You Can Do, I Can Do Better – Except in Big Tech?: Antitrust's New Inhospitality Tradition, *Kansas Law Review*, 68, pp. 975–1015.
- Frolov A.V., Lysunets M.V. (2022) Aktual'nye aspekty tsifrovoy transformatsii ekonomiki evropeiskogo regiona [Relevant Aspects of the Digital Transformation of the Economy of the European Union], *Bulletin of Moscow Witte University, Series 1: Economics and Management*, 1(40), pp. 61–71. (In Russian).

- Guggenberger N. (2021a) Essential Platforms. *Stanford Technology Law Review*, 24(2), pp. 237–343.
- Guggenberger N. (2021b) The Essential Facilities Doctrine in the Digital Economy: Dispelling Persistent Myths, *Yale Journal of Law & Technology*, 23, pp. 301–359.
- Kim Y.P. (2021) Does the Anti-Google Law Actually Help Google and Hurt Startups? *The Georgetown Law Journal Online*, 110, pp. 120–134.
- Kim Y.P. (2023) A Revolution Without a Cause: The Digital Markets Act and Neo-Brandeisian Antitrust, *Wisconsin Law Review*, 2023(4), pp. 1247–1307.
- Kondratieva N.B. (2021) Dekalog agrarnoi tsifrovizatsii ES [The EU Agricultural Digitalization Decalogue], *Social Sciences and Contemporary World*, 1, pp. 73–84. (In Russian).
- Kucina I. (2022) Effective Measures Against Harmful Disinformation in the EU in Digital Communication, in *The 8th International Scientific Conference of the Faculty of Law of the University of Latvia: Conference Paper*, University of Latvia, Riga, Latvia, pp. 143–155.
- Lambert T.A. (2022) Addressing Big Tech’s Market Power: A Comparative Institutional Analysis, *SMU Law Review*, 75(1), pp. 73–115.
- Picht P.G., Richter H. (2022) EU Digital Regulation 2022: Data Desiderata, *GRUR International*, 71(5), pp. 395–402.
- Serban A., Teixeira C. (2021) Data Protection and Digital Services – European Union Perspectives, *Analele științifice ale Universității “Alexandru Ioan Cuza” din Iași (serie nouă) științe juridice*, LXVII(2), pp. 309–322.
- Tolkachev S.A., Udalov I.D., Temukuev S.A. (2022) Tsifrovizatsiya obrabatyvayushchei promyshlennosti stran ES: prioritet razvitiya kiberfizicheskikh system [Digitalization of the Manufacturing Industry in the EU: Cyber-Physical Systems Priority Development], *Sovremennaya Evropa*, 1(108), pp. 169–183. (In Russian).
- Tsirenschikov V.S. (2019) Tsifrovizatsiya ekonomiki Evropy [Digitalization of European Economy], *Sovremennaya Evropa*, 3, pp. 104–113. (In Russian).
- Weber M., Chovanculiak R. (2022) *On the European Union’s Digital Market Act, “Fair Access” and Vertical Integration*, INESS, Bratislava, Slovakia.
- Yun J.M. (2020) Does Antitrust Have Digital Blind Spots? *South Carolina Law Review*, 72(2), pp. 305–356.
-

УДК 325.14(410)

ЭКСТЕРНАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ УБЕЖИЩА БРИТАНИИ ПОСЛЕ БРЕКЗИТА¹

© 2024 ЗАХАРОВ Иван Андреевич

Кандидат географических наук

Старший научный сотрудник, Институт Африки РАН.

123001, Россия, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1

E-mail: vanszax@yandex.ru

© 2024 АГАФОШИН Максим Михайлович

Кандидат географических наук,

Старший научный сотрудник, Институт Африки РАН.

123001, Россия, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1

E-mail: agafoshinmm@gmail.com

Поступила в редакцию 13.04.2023

Принята к публикации 13.03.2024

Аннотация. В статье проанализированы подходы и инструменты, используемые Британией для решения проблем, связанных с резким увеличением числа беженцев и нелегальных мигрантов после начала процедуры выхода из ЕС. Источниковую базу исследования составляют законодательные и нормативные акты, регламентирующие политику убежища Соединенного Королевства с фокусом на период после брекзита, а также международные соглашения и планы действий, которые обеспечивают возможность ее экстернализации. Показано, что Британия в краткие сроки провела реформы правовой базы, сделавшие миграционную политику страны одной из наиболее рестриктивных в Европе. Развитие концепции «третьей безопасной страны», прохождение через которую переносит просителя убежища в категорию «неприемлемых», спровоцировало их криминализацию и привело к созданию непрозрачной системы убежища с высокими барьерами для входа. Экстернализация политики убежища проявляется как за счет традиционных соглашений о реадмиссии, число которых в рассматриваемый период быстро росло, так и за счет новых политико-правовых механизмов перенаправления про-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00123, <https://rscf.ru/project/22-18-00123/>

сителей убежища в третью страну («руандийский план»). Сделан вывод, что указанная инициатива создает международно-правовой прецедент, представляющий угрозу усиления миграционной нагрузки в развивающихся странах, которые не обладают достаточными ресурсами для преодоления миграционных кризисов.

Ключевые слова: миграционный кризис, миграционная политика, нелегальная миграция, политика убежища, ЕС, Британия, брекзит, экстернализация, секьюритизация

DOI: 10.31857/S0201708324020098

В 2016 г. в Британии по итогам референдума было принято решение прекратить членство страны в Евросоюзе. Среди причин брекзита важное место занимали обеспокоенность населения проблемой нелегальной миграции, ростом числа просителей убежища и несогласие части политических элит Соединенного Королевства с предлагаемыми ЕС мерами по преодолению европейского миграционного кризиса.

Евроскептики предполагали, что выход из ЕС позволит решить проблемы, связанные с увеличением числа просителей убежища и нелегальных мигрантов, однако брекзит имел противоположные последствия. С 1 января 2021 г. Соединенное Королевство прекратило участие в Дублинском регламенте, который позволяет отправлять мигрантов для подачи заявлений об убежище в страну первого въезда. При этом обязательства Британии по приему беженцев, взятые в рамках Конвенции ООН о статусе беженцев (1951), соответствующего Протокола (1967) и других документов, сохранились. Впоследствии число просителей убежища в Британии стабильно увеличивалось. Так, в 2020 г. количество заявок на получение статуса беженца составило 56,3 тыс., а в 2022 г. оно возросло до 166,3 тыс. При этом значительно увеличилось число нелегальных мигрантов, прибывающих через Ла-Манш на лодках (в 2022 г. – 45,6 тыс. человек)¹.

Возросшая нагрузка на центры приема переселенцев и миграционные службы стала серьезным вызовом для Британии. На фоне замедления экономического роста и недовольства населения правительство было вынуждено разрабатывать новые подходы для решения проблем, вызванных притоком просителей убежища и нелегальных мигрантов. Цель статьи состоит в анализе предлагаемых Британией инициатив в рамках политики убежища после брекзита. Особый интерес представляют инструменты экстернализации миграционной политики, поскольку опыт Соединенного Королевства способен оказать заметное влияние не только на миграционную политику стран, которые стремятся ограничить приток вынужденных мигрантов, но и на развитие Пакта о миграции и убежище, обсуждаемого на уровне ЕС.

Исследование опирается на законодательные и нормативные акты, определяющие развитие политики убежища Британии, с фокусом на период после начала процедуры выхода из ЕС, а также международные соглашения и планы действий, которые обеспечивают возможность экстернализации политики убежища.

¹ Irregular migration to the UK, year ending December 2022. URL: <https://www.gov.uk/government/statistics/irregular-migration-to-the-uk-year-ending-december-2022/irregular-migration-to-the-uk-year-ending-december-2022> (дата обращения: 08.09.2023).

Экстернализация миграционной политики ЕС: концепция, подходы и противоречия

Как было показано Т. Гаммелтофт-Хансеном, оффшоринг и ауторсинг миграционного контроля получает все большее распространение в практике стран-реципиентов мигрантов [Gammeltoft-Hansen, 2011: 231]. В некоторых случаях эти практики реализуются без надлежащих гарантий защиты беженцев и лиц, ищущих убежища, особенно, когда доступ к убежищу и международной защите ограничен. Вместе с тем, как указывает автор: «... стратегическое смещение обязательств по защите возлагает дополнительное бремя на страны региона происхождения и страны транзита, государства, которые часто уже принимают большое число беженцев» [Gammeltoft-Hansen, 2011: 236]. Описанные им практики можно обозначить, как экстернализация миграционной политики, под которой мы понимаем экстерриториальные действия государства, направленные на предотвращение въезда мигрантов, включая лиц, ищущих убежища, в юрисдикцию или на территорию страны или региона назначения, а также передачу третьим странам функций по обработке заявок на статус беженца. К таким действиям можно отнести поддержку третьих стран (прежде всего, стран исхода и транзита мигрантов) в рамках борьбы с нелегальной миграцией или преодоления причин, порождающих массовые потоки беженцев. Кроме этого, правительства взаимодействуют с частным сектором, например, накладывают санкции на транспортные компании, осуществляющие незаконную перевозку мигрантов; вводят ограничения на выполнение таких рейсов или перенаправляют их в другую страну, где им могут предоставить убежище [Andrijasevic, 2010: 159-160]. Экстернализация миграционной политики обычно обосновывается, с одной стороны, сенькьюритизацией, т. е. необходимостью борьбы с контрабандистами, криминализацией мигрантских сообществ и т. п.¹, с другой – гуманизмом, т. е. стремлением защитить жизни мигрантов, решить социально-экономические проблемы в стране исхода как ключевые причины эмиграции [Кулькова, 2016].

Все более широкое распространение экстернализация получает в миграционной политике ЕС, прежде всего в рамках нового Пакта о миграции и убежище², вынесенного на обсуждение в 2020 г. Помимо преодоления разногласий, связанных с действующим Дублинским регламентом, исполнением принципа солидарности и другими вопросами, создатели Пакта стремятся ограничить поток нелегаль-

¹ Plaut M. Europe Dealing with African Dictators to Keep Migrants out. Wordpress.com. 16.05.2016. URL: <https://martinplaut.wordpress.com/2016/05/16/europe-dealing-with-african-dictators-to-keep-migrants-out/> (дата обращения: 24.08.2023).

² Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions on a New Pact on Migration and Asylum. Brussels, 23.09.2020. COM (2020) 609 final. URL: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:85ff8b4f-ff13-11ea-b44f-01aa75ed71a1.0002.02/DOC_3&format=PDF (дата обращения: 03.09.2023).

ных мигрантов и беженцев в страны ЕС. Для этого предлагается расширить партнерство с третьими странами, в т. ч. через Рабатский, Будапештский, Хартумский и другие процессы, для заключения двусторонних и многосторонних соглашений о реадмиссии, борьбе с нелегальной миграцией, противодействию контрабандистам, занимающимся перевозкой мигрантов [Zakharov, Agafoshin, 2023]. Вовлечение стран и их побуждение к соблюдению возложенных на них обязательств осуществляется с помощью финансовых инструментов, например через целевые фонды. Как было показано на примере Африки, давление ЕС приводит к капсулизации миграционных кризисов в регионе: для получения финансовой помощи и инвестиций африканские страны вынуждены сдерживать мигрантов на своей территории, что приводит к усугублению существующих социально-экономических проблем [Горохов и др., 2023; Жерлицына, 2022]. Среди таких инициатив можно выделить сделку с Турцией (2016), которая согласилась принимать выдворенных нелегальных мигрантов из Греции¹, с Ливией в 2017 г.², на территории которой созданы лагеря беженцев, где массово удерживались выходцы из государств Африки и других регионов мира, а также программу «Механизм экстренного транзита» (Ниамейский механизм), в результате которого были «добровольно» эвакуированы несколько тысяч беженцев в Нигер в 2017 г. и переселены нескольких сотен человек в Руанду в 2019 г.³

Евросоюз стремится увеличить влияние на транзитные страны, на которые возлагает первичный скрининг, прием заявлений о предоставлении убежища, координацию потоков вынужденных мигрантов по странам Европы, их сдерживание или высылку в «третью безопасную страну» и т. д. ЕС таким образом создает буферную зону из стран, не входящих в интеграционное объединение, которые будут интегрированы в европейскую миграционную политику. Эта интеграция осуществляется путем расширения Европейского агентства пограничной и береговой охраны (*Frontex*). В 2023 г. оно начало работать в Албании, Сербии, Северной Македонии, Черногории. Переговоры также ведутся с другими странами, например с Боснией и Герцеговиной⁴.

Использование инструментов экстернализации нередко противоречит декларируемым гуманистическим ценностям. Ряд прецедентов указывает на избирательный характер предоставления убежища: выходцам из Африки и Ближнего Востока гораздо сложнее получить убежище в ЕС по сравнению с жителями Восточной Европы

¹ EU-Turkey statement and action plan. URL: <https://www.europarl.europa.eu/legislative-train/theme-towards-a-new-policy-on-migration/file-eu-turkey-statement-action-plan> (дата обращения: 24.08.2023).

² Migration flows on the Central Mediterranean route. Council of the EU and the European Council. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/eu-migration-policy/central-mediterranean-route/#libya> (дата обращения: 03.09.2023).

³ Claes J., Botti D. A new normal: evacuations from Libya to Niger and Rwanda. 20.09.2019. URL: <https://web.archive.org/web/20230209115511/https://mixedmigration.org/articles/a-new-normal-evacuations-from-libya-to-niger-and-rwanda/> (дата обращения: 02.09.2023).

⁴ Strengthening the EU's external borders. Council of the EU and the European Council. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/strengthening-external-borders/> (дата обращения: 08.08.2023).

[Morgunova, Moraru, 2022]. Кроме этого, перемещение вынужденных мигрантов в рамках вышеуказанных сделок с Ливией, Нигером и Руандой нарушало принцип невыдворения, поскольку эти страны не могут гарантировать безопасность и соблюдение прав беженцев. Сложившаяся ситуация вызывает вопросы об оправданности таких практик не только с этической точки зрения, но и с точки зрения международного права [Абрамова, 2015; Gukepshev, 2023].

Правовая база экстернализации политики убежища Британии

Подходы к экстернализации политики убежища и некоторых других аспектов миграционной политики у Британии и Евросоюза в целом схожи. Однако в Соединенном Королевстве, в отсутствие необходимости согласования своих действий со странами ЕС, реализация может оказаться более эффективной. Именно Британия стала пионером в разработке этих подходов. Программный документ «Новое видение беженцев», подготовленный кабинетом премьер-министра Т. Блэра и министерством внутренних дел в 2003 г., предлагал создание усилиями ЕС региональных зон защиты вблизи стран – крупнейших продуцентов беженцев¹. Предполагалось, что эти зоны будут отвечать за сдерживание потока мигрантов, депортацию просителей убежища из Евросоюза, а также обработку их заявлений в центрах транзитной обработки взамен на финансовую и иную поддержку. Предложение Британии не получило официальной поддержки на уровне ЕС, но оказало заметный вклад в дальнейшее развитие концепции экстернализации [Frelick et al, 2016: 206]. Идея создания региональных зон защиты отражена в региональных программах защиты, предложенных Еврокомиссией в 2005 г. Целью этих программ стали укрепление потенциала стран-продуцентов и транзита вынужденных мигрантов и совершенствование защиты посредством долгосрочных решений по их местной интеграции и переселению².

После принятия решения о выходе из ЕС миграционная политика Британии, в частности политика убежища, развивалась независимо, а поиск инструментов и механизмов для снижения рисков миграционного кризиса продолжился. Как показано О.В. Охошиным и К.А. Годованюк, при консервативных правительствах Д. Кэмерона, Т. Мэй и Б. Джонсона и особенно после брексита произошел отказ от идеологии мультикультурализма в пользу концепции «враждебной среды» [Годованюк, 2018; Охошин, 2020]. Последняя существенно ограничила права нелегальных мигрантов и просителей убежища. Закон об иммиграции 2016 г. предусматривает

¹ Rausis F., Kreibich K. Externalising refugee protection: less a vision than a mirage. ECPR. URL: <https://theloop.ecpr.eu/externalising-refugee-protection-less-a-vision-than-a-mirage/> (дата обращения: 04.09.2023).

² Regional development and protection programme (RDPP). European Commission. URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/networks/european-migration-network-emn/emn-asylum-and-migration-glossary/glossary/regional-development-and-protection-programme-rdpp_en (дата обращения: 04.09.2023).

санкции в отношении нелегальных мигрантов: возможность уголовной ответственности в виде лишения свободы для них и работодателей, заморозку банковских счетов, аннулирование водительских прав, введение крупных штрафов для арендодателей жилья нелегальным мигрантам и др. [Hynes, 2022], а также введение принципа по отношению к приезжим «сначала депортация – потом апелляция» [Охошин, 2020: 511].

В 2022 г. в силу вступил Закон о гражданстве и границах¹, который предусматривал еще большее ужесточение контроля нелегальной миграции и политики убежища. Например, за незаконное пересечение границы предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок от полугода до 4 лет, а к контрабандистам отныне может быть применена максимальная мера наказания в виде пожизненного заключения. Полномочия пограничных служб были расширены: они получили возможность обыскивать грузы, контейнеры, транспортные средства для поиска нелегальных мигрантов, в случае обнаружения нарушений – конфисковать их или перенаправлять в третьи страны. Закон предусматривает введение визовых и иных санкций к третьим странам, которые отказались принимать своих граждан, не имеющих оснований для пребывания в Соединенном Королевстве [Hynes, 2023]. В результате реформ миграционная политика Британии стала одной из наиболее рестриктивных в Европе.

Подробнее остановимся на изменениях в политике убежища (ч. II). Закон разделяет искателей убежища на две группы: к первой отнесены лица, прибывшие в Британию непосредственно из стран, в которых их жизни и свободам угрожала «реальная опасность», и они без промедления обратились к властям; ко второй – переселенцы, не удовлетворяющие этим критериям. В том случае, если проситель убежища прибыл или находится на территории Британии незаконно, т. е. не имеет соответствующего разрешения, он обязан предоставить веское обоснование. Принадлежность к разным группам определяет продолжительность ограниченного разрешения на пребывание, разрешение на трудоустройство, возможность въезда в страну членов семьи по линии воссоединения и др.

Важное место в законе занимает концепция «третьей безопасной страны», разработка которой началась еще в 2002 г., когда был принят Закон о гражданстве, иммиграции и убежище². К ним отнесены страны, где жизни и свободе просителя убежища не угрожает опасность из-за его расы, религии, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений. Такие страны не должны осуществлять высылку в другие государства, где указанные риски существуют. В случае обнаружения связи с третьей безопасной страной, к которой относится в т. ч. возможность запросить убежище, заявитель будет отнесен к категории «неприемлемых» и может быть выдворен из Британии. Заявления, по-

¹ Nationality and Borders Act 2022. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2022/36/contents> (дата обращения: 29.08.2023).

² Nationality, Immigration and Asylum Act 2002. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2002/41/contents> (дата обращения: 29.08.2023).

данные такими просителями, могут не приниматься к рассмотрению, при этом последнее не считается отказом в предоставлении убежища, поэтому оно не может быть обжаловано заявителем.

В июле 2023 г. в силу вступил закон о нелегальной миграции, согласно которому все нелегально прибывшие в Британию мигранты будут задержаны и немедленно выдворены либо на родину, либо в третью безопасную страну. Предполагается, что новые правила позволят более эффективно бороться с проблемой пересечения нелегальными мигрантами Ла-Манша. Лица, подлежащие высылке, не смогут обратиться за убежищем и запросить иную форму защиты в Британии. Закон вносит ограничения для предоставления защиты жертвам работорговли и контрабанды, которые представляют угрозу общественному порядку, а также подачи заявления на убежище граждан ряда безопасных стран; лишает защиты людей, совершивших серьезные правонарушения; устанавливает ежегодную квоту на количество легально прибывших. При этом нелегальные мигранты выведены из правоприменения некоторых положений закона о правах человека 1998 г. (секция 1, п. 5)¹.

Таким образом, Британия выстроила беспрецедентно высокие барьеры для входа в систему убежища и создала правовую основу для экстернализации политики убежища. Изменения в законодательстве привели к криминализации просителей убежища, большинство из которых фактически приравнены к нелегальным мигрантам.

Инструменты и механизмы экстернализации политики убежища

Соединенное Королевство находится в поиске новых инструментов, которые позволят не только ограничивать вход, но и осуществлять высылку просителей убежища, относящихся к группе «неприемлемых». Особые надежды возлагаются на «руандийский план», который оформлен в виде меморандума о взаимопонимании о пятилетнем партнерстве двух стран в области предоставления убежища, подписанного в Кигали 13 апреля 2022 г.² Документ предусматривает возможность перемещения просителей убежища из Британии в Руанду, которая обязуется рассматривать их ходатайства и размещать на своей территории. При этом не уточняется количество просителей убежища, которые могут быть перемещены. Уведомление о возможном перемещении получило 24 тыс. человек, из них 3,9 тыс. албанцев,

¹ Illegal Migration Bill 2023. 20.07.2023. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2023/37/enacted> (дата обращения: 31.08.2023).

² Memorandum of Understanding between the government of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the government of the Republic of Rwanda for the provision of an asylum partnership arrangement. 06.04.2023. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/memorandum-of-understanding-mou-between-the-uk-and-rwanda/memorandum-of-understanding-between-the-government-of-the-united-kingdom-of-great-britain-and-northern-ireland-and-the-government-of-the-republic-of-r> (дата обращения: 24.08.2023).

2,7 тыс. иранцев, 2,6 тыс. эритрейцев и столько же афганцев¹. Соединенное Королевство берет на себя ответственность за первичный скрининг просителей убежища и передачу информации руандийской стороне, а также транспортировку авиарейсами или другими видами транспорта. Руанда оставляет за собой право отказать в приеме беженцев. Британии гарантирован доступ для инспектирования условий содержания и размещения, центров обработки заявлений и других мест, где хранятся документы, касающиеся перемещенных лиц, в т. ч. их заявлений и апелляций. Документ не содержит точной информации о финансовых договоренностях, но покрытие издержек полностью ляжет на Лондон. На реализацию соглашения Руанде уже было выплачено 120 млн ф. ст.

«Руандийский план» подвергся жесткой критике со стороны оппозиции и правозащитников, а его реализация отложена в связи с решением Европейского суда по правам человека, который постановил, что Руанда не может считаться «третьей безопасной страной». Принятое решение основывается на свидетельствах о нарушении прав беженцев в стране, а также наличии риска высылки просителей убежища на их родину, где они могут столкнуться с преследованиями. Несмотря на очевидное противоречие плана высылки просителей убежища в Руанду международно-правовым нормам [Иванов, Пчелинцева, 2022], Высокий суд Англии и Уэльса провозгласил правительственное решение законным, т. к., по мнению судей, оно не нарушает ни Конвенцию ООН о статусе беженцев, ни британское законодательство. Однако 15 ноября 2023 г. Верховный суд признал «руандийский план» противоречащим национальному и международному законодательству на основании того, что Руанда не может быть отнесена к категории безопасных стран. В связи с этим часть британского истеблишмента призвала отменить действие Европейской конвенции по правам человека на территории Соединенного Королевства². Последнее в свете спорности и отсутствия поддержки такого решения населением страны не сможет быть реализовано в ближайшем будущем.

Тем не менее законодательные изменения были инициированы. Уже в начале декабря 2023 г. правительство предприняло меры для того, чтобы оспорить главный аргумент Верховного суда. 5 декабря Британия и Руанда подписали соглашение о предоставлении убежища в целях укрепления общих международных обязательств по защите беженцев и мигрантов³. После вступления в силу это соглашение станет

¹ Taylor D. Over 24,000 UK asylum seekers could be sent to Rwanda despite court ruling. Guardian. 30.06.2023. URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2023/jun/30/over-24000-uk-asylum-seekers-could-be-sent-to-rwanda-despite-court-ruling> (дата обращения: 24.08.2023).

² Supreme Court rules Rwanda asylum policy unlawful. BBC News. 16.11.2023. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-67423745> (дата обращения: 19.11.2023).

³ UK/Rwanda: Agreement for the Provision of an Asylum Partnership to Strengthen Shared International Commitments on the Protection of Refugees and Migrants [CS Rwanda No.1/2023]. 20.03.2024. https://assets.publishing.service.gov.uk/media/65705fd474693000d4888dc/CS_Rwanda_1.2023_UK_Rwanda_Agreement_Asylum_Partnership_Protection_Refugees_Migrants.pdf (дата обращения: 25.03.2024).

гарантией безопасности и соблюдения прав для беженцев в соответствии с международными стандартами. В частности, вводятся ограничения на высылку беженцев из Руанды в третьи страны, перемещение несопровождаемых несовершеннолетних лиц, а также устанавливаются стандарты размещения беженцев. 7 декабря британское правительство вынесло на рассмотрение законопроект, который закрепляет за Руандой статус безопасной страны¹ и позволит начать высылки нелегальных мигрантов при условии обеспечения защиты беженцев. Решимость продолжать работу над реализацией этой сделки не подрывает даже ее схожесть с колониальными практиками Британской империи, когда «нежелательные» лица расселялись по колониям для их освоения под лозунгами цивилизаторской миссии [Collyer, Shahani, 2023]. Более того, исследователи указывают на обвинения со стороны оппозиции в имперских симпатиях ряда консерваторов, выступающих за реализацию соглашения с Руандой и ужесточение миграционного контроля [Годованюк, 2023]. Ввиду этого особенно актуальным выглядит растущий исследовательский интерес к проблеме постколониализма, практики которого прослеживаются в тенденциях развития миграционной политики Соединенного Королевства и других стран.

«Руандийский план», скорее всего, не решит полностью проблему роста числа просителей убежища в силу высокой стоимости реализации (переселение одного человека обойдется минимум в 12–15 тыс. ф. ст.) и ограниченности руандийской системы убежища, которая в ближайшее время готова принять только несколько сотен человек. Тем не менее использование такого инструмента способно создать прецедент, который может позволить развитым странам решать миграционные проблемы за счет развивающихся. В этом направлении работает не только Британия: аналогичные соглашения пытаются заключить другие страны, например Дания. В несколько иной форме подобные договоренности реализованы Израилем².

Важный инструмент борьбы с нелегальной миграцией – двусторонние соглашения. В последние годы Британия проявляет активность в этом направлении. В 2023 г. была анонсирована сделка с Турцией об усилении кооперации в борьбе с нелегальной миграцией и создании специализированного центра турецкой полиции, задача которого – противодействие криминальным группам, организующими перевозку мигрантов. Аналогичные соглашения заключены с Болгарией, Нигерией, Суданом, Индией и другими странами, а также пересмотрены договоренности с Францией и Албанией. Эти шаги позволили существенно сократить поток нелегальной миграции в Соединенное Королевство. Например, число лодок, перевозящих албанцев через Ла-

¹ Brown T. International Agreements Committee report on the Uk-Rwanda treaty. UK Parliament. 19.03.2024. URL: <https://lordslibrary.parliament.uk/international-agreements-committee-report-on-the-uk-rwanda-treaty> (дата обращения: 25.03.2024).

² Mehta A., Whiteside P. How the UK's Rwanda plan mirrors immigration policies in Australia, Israel and Denmark. Sky News. 13.06.2022. URL: <https://news.sky.com/story/how-the-uks-rwanda-plan-mirrors-immigration-policies-in-australia-israel-and-denmark-12594456> (дата обращения: 01.09.2023).

Манш, снизилось на 90% в первом квартале 2023 г., а число предотвращенных перевозок из Франции увеличилось на 40%¹. Кроме того, ведутся переговоры о борьбе с нелегальной миграцией с другими транзитными странами, например с Алжиром, Тунисом, Италией и т. д.

Заключенные соглашения будут реализовываться по модели Рабатского, Хартумского и других аналогичных процессов, которые Британия покинула после выхода из ЕС. Однако в отличие от них Соединенное Королевство приоритизирует двусторонние соглашения, которые позволяют, с одной стороны, достигнуть более гибких условий, с другой – юридически ограничить вовлечение внешних акторов, пытающихся оспорить договор, как это было прописано в соглашении с Руандой.

Другое направление работы – разработка правовой основы для взаимодействия с ЕС и другими европейскими странами по вопросам трудовой миграции, нелегальной миграции, политики убежища и т. д. Британия заинтересована, прежде всего, в ограничении потока нелегальных мигрантов, проходящих через Евросоюз. В 2023 г. опубликован проект документа, который регламентирует реадмиссию в страны ЕС лиц, находящихся в Соединенном Королевстве незаконно, однако Брюссель отказывается вести переговоры по данному вопросу². Британии удалось заключить соглашения о реадмиссии с Сербией, Грузией, Албанией, Швейцарией и др. Параллельно ведется работа по комплексному взаимодействию с неевропейскими странами в экономической, социально-политической, а также миграционной сфере. В рамках последней приоритет отдается соглашениям о реадмиссии. Они были заключены с Пакистаном, Алжиром, Республикой Корея, Ганой и т. д.

Помимо правовых инструментов, Лондон использует достаточно радикальные методы борьбы с наплывом просителей убежища, призванные сделать страну менее привлекательной для этих категорий мигрантов. Например, в июле 2023 г. более 500 просителей убежища были переселены на баржу. По словам Р. Суака, это поможет сэкономить на их содержании, которое ежедневно обходится в 6 млн ф. ст. Правозащитники сочли эту меру бесчеловечной, а экстренные службы – небезопасной³. Под влиянием достаточно резких высказываний консерваторов и СМИ, подогревающих антииммигрантские настроения, в общественном сознании беженцы и нелегальные мигранты, представляющие угрозу национальной безопасности, стали синонимами. В связи с этим в Британии, особенно в малых городах, получили распространение провокации по отношению к просителям убежища. Правовые инструменты также

¹ UK and Türkiye strengthen partnership to help tackle illegal migration. 09.08.2023. URL: <https://www.gov.uk/government/news/uk-and-turkiye-strengthen-partnership-to-help-tackle-illegal-migration> (дата обращения: 01.09.2023).

² Draft working text for an agreement between the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the European Union on the readmission of persons residing without authorisation. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/12922650 (дата обращения: 01.09.2023).

³ Jackson S. Bibby Stockholm: Controversial barge that is set to house 500 asylum seekers arrives in Dorset. 18.07.2023. URL: <https://news.sky.com/story/bibby-stockholm-controversial-berge-that-is-set-to-house-500-asylum-seekers-arrives-in-dorset-12922650> (дата обращения: 01.09.2023).

могут иметь психологический эффект: отсутствие уверенности в том, что страна примет просителя убежища, а не отправит его в африканское государство, способно заставить вынужденного мигранта изменить страну назначения.

Заключение

С начала процедуры выхода из ЕС Британия приложила значительные усилия для экстернализации политики убежища: в краткие сроки принята правовая база, серьезно затрудняющая возможность подачи заявления на получение статуса беженца. Соединенное Королевство выработало концепцию «третьей безопасной страны», прохождение через которую автоматически переносит просителя убежища в категорию «неприемлемых». К ним могут быть отнесены просители убежища, проникшие в страну незаконно, совершившие преступления или угрожающие национальной безопасности. Представителям этой довольно широкой категории может быть отказано в подаче заявления на убежище, а их выдворение проводится в упрощенном порядке. В результате Соединенное Королевство создало непрозрачную систему политики убежища, позволяющую отказать практически любому заявителю. На фоне криминализации образа просителей убежища в британском обществе увеличивается популярность антииммигрантских настроений, принимающих порой достаточно радикальные формы.

Помимо сдерживания иммиграционных потоков, Британия приняла меры для сокращения нагрузки на систему убежища. В дополнении к стремительно возросшему количеству двусторонних соглашений о реадмиссии появляются новые инструменты. Среди них внимание привлекает «руандийский план», разработка которого позволит Соединенному Королевству переложить бремя ответственности за содержание беженцев на Руанду. Реализация инициативы, которая противоречит международно-правовыми обязательствами Британии, создает потенциальные риски для наименее развитых стран Африки и Азии, имеющих весьма ограниченные возможности для преодоления миграционных кризисов. Британское правительство продолжает добиваться разрешения начать высылки в Руанду. По мнению авторов, увеличение масштабов миграционных потоков в наиболее развитые страны мира, связанное с продолжающимся увеличением численности населения развивающихся стран и ростом конфликтности, может способствовать распространению спорных инструментов экстернализации политики убежища в мировой и региональной практике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова И.О. (2015) Африканская трансграничная миграция и проблемы международной безопасности. *Ученые записки Института Африки РАН*. № 2. С. 127–136.
- Годованюк К.А. (2023) «Постколониальный момент» во внешнеполитическом дискурсе: казус «Глобальной Британии». *Международная аналитика*. Т. 14. № 2. С. 116–132.
- Годованюк К.А. (2018) Контуры новой миграционной политики Соединенного Королевства. *Вестник Института Европы РАН*. № 6. С. 106–111.

Горохов С.А., Агафшин М.М., Дмитриев Р.В. (2023) Миграционный кризис в регионе Восточной Африки. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. № 1. С. 50–62.

Жерлицына Н.А. (2022) Стратегия ЕС в отношении центрально-средиземноморского маршрута миграции и пострадавших транзитных государств Сахеля и Ливии. *Геополитика и экогеодинамика регионов*. № 3. С. 51–59.

Иванов Д.В., Пчелинцева В.В. (2022) Миграционная политика Великобритании после брекзита: международно-правовые аспекты. *Право и управление. XXI век*. Т. 18. № 4. С. 34–46.

Кулькова О.С. (2016) «Безопасность – развитие» в отношениях ЕС со странами Африки. *Азия и Африка сегодня*. № 6. С. 41–48.

Охошин О.В. (2020) Миграционная политика Великобритании до и после брекзита. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. Т. 22. № 3. С. 506–516.

Andrijasevic R. (2010) Deported: The Right to Asylum at EU's External Border of Italy and Libya. *International Migration*. Vol. 48. No. 1. P. 148–174.

Collyer M., Shahani U. (2023) Offshoring Refugees: Colonial Echoes of the UK-Rwanda Migration and Economic Development Partnership. *Social Sciences*. Vol. 12 No. 8. 451.

Frelick B., Kysel I.M., Podkul J. (2016) The Impact of Externalization of Migration Controls on the Rights of Asylum Seekers and Other Migrants. *Journal on Migration and Human Security*. Vol. 4. No. 4. P. 190–220.

Gammeltoft-Hansen T. (2011) *Access to Asylum: International Refugee Law and the Globalization of Migration Control*. Cambridge University Press, Cambridge, UK. 284 p.

Gukepshev A.A. (2023) Legal Regulation of the External Dimension of the Common European Asylum System: current state and future perspectives. *Moscow Journal of International Law*. No. 1. P. 95–110.

Haynes J. (2023) Human Trafficking: Iconic Victims, Folk Devils and the Nationality and Borders Act 2022. *Modern Law Review*. Vol. 86. No. 5. P. 1232–1264.

Hynes P. (2022) Exploring the Interface between Asylum, Human Trafficking and/or 'Modern Slavery' within a Hostile Environment in the UK. *Social Sciences*. Vol. 11. No. 6. 246.

Morgunova O.A., Moraru N.-F. (2022) Discourses of "Europeanness" in asylum practices in the postcolonial context. *Vestnik RUDN. International Relations*. Vol. 22. No. 4. P. 741–754.

Zakharov I.A., Agafoshin M.M. (2023) Reform of asylum policy and control of illegal migration: pan-European and Polish approach. *International Organisations Research Journal*. Vol. 18. No. 3. pp. 92–106.

Externalisation of Asylum Policy in the UK after Brexit¹

I.A. Zakharov

Candidate of Science (Geography),

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences.

30/1, Spiridonovka str., Moscow, Russia, 123001

E-mail: vanszax@yandex.ru

¹ The research is supported by Russian Science Foundation under the grant № 22-18-00123: <https://rscf.ru/en/project/22-18-00123/>

M.M. Agafoshin

*Candidate of Science (Geography),
Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences.
30/1, Spiridonovka str., Moscow, Russia, 123001
E-mail: agafoshinmm@gmail.com*

Abstract. The article explores the approaches and tools the UK disposes of to address an increasing number of asylum seekers and illegal migrants in a post-Brexit environment. The study is based on legislative and regulatory acts regulating the UK's asylum policy, as well as international agreements and action plans that enable the externalization of the asylum policy. It is shown that it took the UK a rather short time to put in place a reformed legal framework to incorporate the most restrictive migration-related terms in Europe. The development of the concept of a "Third Safe Country" passing through which automatically places an asylum seeker onto the Unacceptable category provoked their criminalization and led to a nontransparent asylum system with virtually insurmountable barriers to entry. The externalization of the UK asylum policy was implemented through traditional readmission agreements, the number of which grew rapidly during the period under review, and through new tools, for example, the Rwandan Plan which allowed the UK to redirect refugees to Rwanda. It is concluded that despite the ambiguity of the plan it creates a legal precedent, which threatens developing countries of increased migration burden against the background of little resources to overcome migration crises.

Key words: migration crisis, migration policy, illegal migration, asylum policy, EU, United Kingdom, Brexit, externalization, securitization

DOI: 10.31857/S0201708324020098

REFERENCES

- Abramova I.O. (2015) Afrikanskaya transgranichnaya migratsiya i problemy mezhdunarodnoi bezopasnosti [African cross-border migration and international security issues], *Journal of the Institute for African studies*, 2(33), pp. 127–136. (In Russian).
- Andrijasevic R. (2010) Deported: The Right to Asylum at EU's External Border of Italy and Libya, *International Migration*, 48(1), pp. 148–174.
- Collyer M., Shahani U. (2023) Offshoring Refugees: Colonial Echoes of the UK-Rwanda Migration and Economic Development Partnership, *Social Sciences*, 12(8), 451.
- Frelick B., Kysel I.M., Podkul J. (2016) The Impact of Externalization of Migration Controls on the Rights of Asylum Seekers and Other Migrants, *Journal on Migration and Human Security*, 4(4), pp. 190–220.
- Gammeltoft-Hansen T. (2011) *Access to Asylum: International Refugee Law and the Globalization of Migration Control*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Godovanyuk K.A. (2018) Kontury novoi migratsionnoi politiki Soedinennogo Korolevstva [The New Contours of UK Migration Policy], *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, (6), pp. 106–111 (In Russian).

Godovanyuk K.A. (2023) “Postkolonial'nyi moment” vo vneshnepoliticheskom diskurse: kazus “Global'noi Britanii” [“Postcolonial Moment” in Foreign Policy Discourse: the Casus of “Global Britain”], *Journal of International Analytics*, 14(2), pp. 116–132. (In Russian).

Gorokhov S.A., Agafoshin M.M., Dmitriev R.V. (2023) Migratsionnyi krizis v regione Vostochnoi Afriki [Migrant crisis in the East Africa region], *Vostok (Oriens)*, 1, pp.50–62. (In Russian).

Gukepshev A.A. (2023) Legal Regulation of the External Dimension of the Common European Asylum System: current state and future perspectives, *Moscow Journal of International Law*, 1, pp. 95–110.

Haynes J. (2023) Human Trafficking: Iconic Victims, Folk Devils and the Nationality and Borders Act 2022, *Modern Law Review*, 86(5), pp. 1232–1264.

Hynes P. (2022) Exploring the Interface between Asylum, Human Trafficking and/or ‘Modern Slavery’ within a Hostile Environment in the UK, *Social Sciences*, 11(6), 246.

Ivanov D.V., Pchelintseva V.V. (2022) Migratsionnaya politika Velikobritanii posle breksita: mezhdunarodno-pravovye aspekty [International law aspects of the post-Brexit migration policy of the United Kingdom], *Journal of Law and Administration*, 18(4), pp. 34–46. (In Russian).

Kulkova O.S. (2016) “Bezopasnost' – razvitie” v otnosheniyah ES so stranami Afriki [“Security – Development” – nexus in the relations between the EU and the African countries], *Asia and Africa Today*, (6), pp. 41–48. (In Russian).

Morgunova O.A., Moraru N.-F. (2022) Discourses of “Europeanness” in asylum practices in the postcolonial context, *Vestnik RUDN. International Relations*, 22(4), pp. 741–754.

Okhoshin O.V. (2020) Migratsionnaya politika Velikobritanii do i posle breksita [UK Migration Policy before and after Brexit], *RUDN Journal of Political Science*, 22(3), pp. 506–516. (In Russian).

Zakharov I.A., Agafoshin M.M. (2023) Reform of asylum policy and control of illegal migration: pan-European and Polish approach, *International Organisations Research Journal*, 18(3), pp. 92–106.

Zherlitsyna N.A. (2022) Strategiya ES v otnoshenii tsentral'no-sredizemnomorskogo marshruta migratsii i postradavshikh tranzitnykh gosudarstv Sakhelya i Livii [EU strategy for the Central Mediterranean migration route and the affected transit States of the Sahel and Libya], *Geopolitics and Ecogedynamics of regions*, (3), pp. 51–59. (In Russian).

УДК 327.51; 327.57

**А.А. ГРОМЫКО И ПОЛИТИКА БЕЗОПАСНОСТИ:
КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ТАКТИКА ДИПЛОМАТИИ
(к 115-летию А.А. Громыко)**

© 2024 **СИНДЕЕВ Алексей Александрович**
Доктор исторических наук, профессор РАН
Главный научный сотрудник Института Европы РАН
125009, Россия, Москва, ул. Моховая. д. 11, стр. 3
E-mail: a_sin74@mail.ru

Поступила в редакцию 02.02.2024
Принята к публикации 13.03.2024

Аннотация. В статье проанализирована роль министра иностранных дел СССР А.А. Громыко в формировании, развитии и поддержании политики безопасности, ее принципов и структурных элементов. Актуальность статьи определяется значением стратегии и стратегического мышления в современной внешней политике и дипломатии, их влиянием на межгосударственное сотрудничество, эволюцию и управляемость международных отношений. Предмет статьи состоит в изучении концептуальных аспектов дипломатической тактики проекта разрядки, разработанных А.А. Громыко в 1974 г. Статья состоит из четырех подразделов. В первом подразделе автор доказывает, что основные идеи, представления и подходы А.А. Громыко («система Громыко») были приняты в 1974 г. государственным и партийным руководством СССР, что повысило ответственность министра иностранных дел за успех Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Во втором подразделе рассматриваются тактические задачи, которые был вынужден решать А.А. Громыко в 1974 г. Автор выделил отличия в тактике министра в первой и во второй половине года, обусловленные изменением сроков созыва совещания. В третьем подразделе впервые в историографии представлены разработанные А.А. Громыко условия для заключения концептуальных компромиссов. С точки зрения А.А. Громыко, концептуальные компромиссы должны действовать не менее двадцати-тридцати лет. В четвертом подразделе проанализированы сложности западных партнеров СССР (так называемый политический капкан Запада), которые не позволили им проводить сбалансированную политику, а СССР рассчитывать на быструю реализацию «системы Громыко». Источниковая база статьи – опубликованные документы МИД ФРГ. Аргументационные линии статьи следует включать в контекст ранее опубликованных в журнале «Современная Европа» статей автора по этой проблематике.

Ключевые слова: Громыко, политика безопасности, внешнеполитический континент, политическая стратегия, политическая тактика, дипломатическая стратегия, дипломатическая тактика, конференция по безопасности и сотрудничеству

DOI: 10.31857/S0201708324020104

Реальность, с которой имеют дело дипломаты, бывает разной, а значит – критерии нормальности, стабильности, устойчивости не могут быть константными. Кризисы, трудности, проблемы имеют для дипломатов вторичное значение, поскольку они способны скорректировать представление об ожидаемом результате, но не «освободить» от работы над его достижением.

Вспомним верное замечание А.А. Громыко о том, что «[в] конце концов именно советские дипломаты, и никто иной, выработывали и проводили в жизнь решения, принимавшиеся по вопросам внешней политики. Их реализм зависел от того, насколько полно министру (имеется в виду Андрей Андреевич Громыко. – А.С.) и его профессиональному аппарату удавалось закрепить в решениях Политбюро необходимые для проведения эффективной внешней политики меры. Для их претворения в жизнь нужны были активные внешнеполитические действия, подходящая для каждого конкретного случая тактика, дипломатическое искусство и стиль» [Громыко А., 2009: 61–62].

Исходя из этого, плановая дипломатическая работа – это непрерывная работа на результат. Результативность предусматривает наличие «вспомогательного шлейфа» – стратегии¹ и концептуальной тактики, под которой следует понимать системный (концептуальный) отбор тактических средств, методов, условий для реализации определенной дипломатической стратегии [см. дополнительное содержательное объяснение: Громыко Ал., 2019]. Если обычная тактика ситуативна, то задача концептуальной тактики – поддержание и совершенствование всего тактического репертуара дипломатии. Именно по этой причине грамотное соединение стратегии и концептуальной тактики обеспечивает устойчивую работу дипломатии.

Создателем концептуальной тактики отечественной дипломатии был А.А. Громыко. В статье приведен пример концептуализации условий компромисса, представляющий научный и практический интерес в содержательном и временном аспектах, поскольку его появление было вызвано консенсусом в Политбюро ЦК КПСС по «системе Громыко».

Консенсус в Политбюро ЦК КПСС

К 1974 г. многие идеи и подходы министра иностранных дел СССР А.А. Громыко в сфере безопасности были приняты в Политбюро. Бесспорной стала идея «большого сотрудничества». Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев от-

¹ Синдеев А.А. А.А. Громыко и политика безопасности: формирование системы отношений. Современная Европа. 2022. № 7. С. 175–184. DOI: 10.31857/S0201708322070142; Синдеев А.А. А.А. Громыко и политика безопасности: стратегический проект разрядки. Современная Европа. 2023. № 5. С. 201–210. DOI: 10.31857/S0201708323050169.

мечал, что «[в] нашем мире, в нашем столетии, большое сотрудничество выходит на первый план»¹.

Была признана роль доверия между странами разных политических и социально-экономических систем. «В будущем, если успешно завершить конференцию по подготовке Совещания по безопасности и сотрудничеству, можно достигнуть большего, – замечал Л.И. Брежнев, – о чем сегодня лишь говорят. В этой мере элемент доверия все перевесит»². Была признана среднесрочная нормальность статус-кво. Л.И. Брежнев стал говорить о том, что СССР не «должен <...> мешать отношениям Бельгии, Франции и других с США»³.

Положительный эффект от постоянных двусторонних контактов Л.И. Брежнев интерпретировал через экономику: «[СССР] продает <...> что-то, – пояснял он, – [ФРГ] продает что-то [СССР], Франция участвует, другие. Так быстро наступит улучшение отношений, так можно быстрее создать доверие и заключить договоренности, отдельные вопросы будут решаться быстрее; вопросы, которые не связаны с безопасностью и экономическим сотрудничеством»⁴. Аналогично аргументировал А.Н. Косыгин, для которого смысл сотрудничества сводился к тому, что страны «со схожими потребностями» помогают друг другу⁵.

Неслучайно И.Б. Тито, опытный политический деятель и знаток коммунистического движения, заметил, «что Брежнев не только продолжил политику разрядки Хрущева, но и <...> пошел дальше»⁶. Однако И.Б. Тито не увидел, что содержательное наполнение, вариативность, методы, средства и пути разрядки разрабатывались А.А. Громыко.

Одобрение Политбюро ЦК КПСС поставило А.А. Громыко в сложное положение, поскольку продолжительность консенсуса в высшем руководстве партии и страны напрямую зависела от времени созыва Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе и полученных на нем результатов [Загорский, 2005; Staden, 1990]. Поддержка Политбюро повышала личную ответственность министра. «Система Громыко» становилась системой партии.

Тактические задачи Громыко

Переговоры с целью подготовки Совещания по безопасности и сотрудничеству продвигались медленно. Л.И. Брежнев настаивал на скорейшем результате – проведении встречи в верхах и подписании документов. Выступая 29 января 1974 г. в Гаване, он заявил, что «выдвигаются различные оговорки и условия, которые никак не связаны с обсуждаемыми вещами», и указал на то, что западные страны используют хельсинкский процесс, чтобы добиться уступок СССР по другим вопросам. По мне-

¹ Schwarz H.-P. (Hg.) Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1974. München. R. Oldenbourg Verlag. 2005. P. 1341.

² Там же. P. 1392.

³ Там же. P. 1385.

⁴ Там же.

⁵ Там же. P. 1356.

⁶ Там же. P. 814.

нию генерального секретаря, в Вене «страны НАТО пытаются <...> справедливое и равноправное соглашение заменить на соглашение, которое фактически приведет к одностороннему сокращению оборонительных возможностей стран социализма»¹.

В этих условиях на А.А. Громыко была возложена ответственность за скорейшее завершение второго этапа подготовительной конференции и переход к совещанию глав государств и правительств. Министру иностранных дел пришлось ограничиться решением тактических задач. Западные дипломаты сразу отметили новую роль Андрея Андреевича, стали фиксировать критические замечания в его адрес² и жаловаться Л.И. Брежневу на «недружественную сторону» А.А. Громыко³, на что генеральный секретарь неизменно отвечал следующее: А.А. Громыко работает над партийной линией, цель которой состоит в реализации «центральной идеи партии» – построении «хорошего добрососедства и мира»⁴.

Первые месяцы 1974 г. были отданы многочисленным поездкам, начало которым положил визит в США, во время которого А.А. Громыко призвал американцев воздействовать на союзников и завершить в июле 1974 г. конференцию совещанием на уровне глав государств и правительств⁵.

Применительно к западным европейцам тон министра был жестким. В ходе февральской рабочей поездки во Францию А.А. Громыко не скрывал, что «конференция затягивается» из-за того, что «с западной стороны производят болтовню»⁶ и «не желают прогресса», поскольку «если захотели бы работать, то Женевский этап конференции мог бы завершиться в апреле»⁷. В Италии он заявил, что «у СССР <...> сложилось впечатление об искусственном замедлении», а по «третьей корзине» обратил внимание на то, что «[к] свободам относится свобода не предоставлять определенную информацию и (или) ограничивать ее распространение»⁸.

Во второй половине 1974 г., когда перенос созыва совещания стал очевидным, А.А. Громыко сделал ставку на проведение «красных линий». Министр иностранных дел Франции Ж. Сованьярг отмечал «полностью негативный настрой Громыко по "третьей корзине"»⁹. А.А. Громыко, сообщал Ж. Сованьярг, «сравнил ее с разросшимися грибами, у которых нужно отрубить корни»¹⁰. В «третьей корзине», полагал советский министр, «нужно указать лишь на некоторые важные принципы: уважение суверенитета, законов и предписаний, невмешательство», а «конкретные вопросы следует решать двусторонне»¹¹.

¹ Там же. Р. 185.

² О критических замечаниях Л.И. Брежнева в присутствии А.Ф. Добрынина. Там же. Р. 1575.

³ Там же. Р. 184.

⁴ Там же. Р. 365.

⁵ Г. Киссинджер предпочел поторговаться. По его словам, Запад охотнее пойдет на уступки по «третьей корзине», если СССР станет сговорчивее по «первой корзине».

⁶ Schwarz H.-P. (Hg.) Akten zur Auswärtigen Politik... Р. 184.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Р. 185.

⁹ Там же. Р. 919.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

В вопросе возможного изменения границ А.А. Громыко отстаивал принцип согласованного посредничества крупных государств, поскольку «в соответствии с международным правом границы могут быть изменены только мирным путем и на основе соглашения»¹. Крупные государства должны были стать посредниками и гарантами заключаемых соглашений. Мир в Европе гарантировался бы сотрудничеством и взаимодействием крупных государств. Анархия малых и средних стран была бы взята под контроль. Если крупные страны не смогли бы договориться, то сохранялся бы статус-кво в виде прежних границ и балансов. О вытеснении США из Европы речь не шла. А.А. Громыко объяснял западным партнерам, что их отказ от Совещания по безопасности и сотрудничеству может привести к новому этапу холодной войны².

Отдельная задача министра заключалась в том, чтобы обеспечить сдерживание ФРГ [Филитов А.М., 2023; Kunter К., 2000; Selvage, 2019], которая, пользуясь периодом разрядки, усиливала влияние в Западной Берлине, а в ходе хельсинкского процесса выдвигала неприемлемые для СССР инициативы об изменении границ³ и о «мерах по укреплению доверия». А.А. Громыко говорил о «полностью абсурдном предложении» западных немцев касательно информирования о перемещении войск, поскольку оно фактически преследовало цель получить «западный контроль» над «территорией Советского Союза до Урала»⁴.

Применительно к взаимным инспекциям («мерам по укреплению доверия») А.А. Громыко исправлял ошибки Л.И. Брежнева, которые генеральный секретарь признал в беседе с канцлером Г. Шмидтом: «Я сказал [однажды] Помпиду», – вспоминал он, – давайте согласуем, что на военные маневры мы будем направлять вам соответствующее предложение. Тогда ваши офицеры смогут стоять на трибуне и видеть, как дивизия Х борется с дивизией Y. Эти приглашения не должны носить обязательный характер. Это означает, что, если мы направляем вам приглашение, то вам не нужно отвечать приглашением нам. Советская сторона готова каждый раз направлять приглашения французам и ближайшим соседям. Но нет смысла посылать приглашения в Люксембург»⁵. Французы сообщили о сказанном Л.И. Брежне-

¹ Там же. Р. 1222.

² Там же. Р. 1260.

³ Западные немцы настаивали на своей формуле: «Суверенитет государств-участников, согласно международному праву, подразумевает (*umfasst*) право изменения своих границ мирными средствами и по согласию, и ничто в этом заявлении не будет ущемлять (*berühren*) данное право». См. итоговую формулировку: Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) в Хельсинки, 1.08.1975 г. URL: https://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_de&dokument=0024_ksz&object=translation&l=ru (дата обращения: 25.01. 2024).

⁴ Schwarz Н.-Р. (Hg.) Akten zur Auswärtigen Politik.... С. 332. По мнению СССР, информацию о маневрах в «определенных зонах» за шесть дней до проведения маневров должны были получать исключительно соседние страны при условии, что маневры будут проводиться на уровне больших армейских подразделений.

⁵ Там же. Р. 1375.

вым немцам. Официальный Бонн доработал «предложение Брежнева» и внес инициативу о взаимных инспекциях, названную А.А. Громыко абсурдной.

Л.И. Брежнев признавался, что «не думал, что на конференции по безопасности и сотрудничеству будут распространены предложения об информировании о перемещениях войск до Урала»¹.

Возможность менять в течение 1974 г. тактику свидетельствовала о том, что министр иностранных дел сохранял свободу маневра в числе прочего благодаря ошибочной инициативе Брежнева. Следовательно, выполнение А.А. Громыко тактических задач усиливало его влияние в Политбюро.

Условия компромисса

Имеющуюся свободу маневра министр использовал для концептуальной доработки условий возможного компромисса. В 1974 г. западным партнерам были представлены восемь условий.

Во-первых, компромисс мог быть согласован, когда у сторон имеется четкое понимание места проблем(ы) среди других проблем. «Проблема, – говорил Андрей Андреевич, – должна оставаться на своем месте, которое мы все знаем»². А.А. Громыко указал на то, что стороны, если они заинтересованы в компромиссном решении, должны поддерживать статус-кво, обеспечивать «статичное замораживание», иначе изменение ситуации и обстоятельств создаст дополнительные сложности на пути к компромиссу.

Во-вторых, при обсуждении компромисса необходимо учитывать систему отношений. «Многосторонние вопросы, – уточнял министр, – не должны строго отделяться от двусторонних отношений»³. Соединение первого и второго условий обеспечивало относительную легкость «замораживания» проблем(ы), поскольку активность сторон могла быть перенесена на другие аспекты отношений.

В-третьих, настоящий компромисс был невозможен без прогнозирования последующего развития. Применительно к «мерам по укреплению доверия» министр рекомендовал принять в расчет уровень техники: «[П]олучение информации, – говорил он, – о военных данных из страны А в страну В при теперешнем уровне техники, действительно, бессмысленно»⁴.

В-четвертых, при работе над компромиссом нужно было избегать излишнего усложнения. В терминологии А.А. Громыко речь шла о том, чтобы не использовать рентгеновский аппарат⁵.

В-пятых, компромисс не может быть всеобъемлющим. Он адресен для каждой переговорной площадки. «На СБСЕ, – уточнял А.А. Громыко, – может присутствовать только политический аспект военной разрядки <...> вопросы нельзя решать

¹ Там же.

² Там же. Р. 342.

³ Там же. Р. 1191.

⁴ Там же. Р. 1160.

⁵ Там же. Р. 1159.

механически»¹. Дифференциация площадок означала, что количество потенциальных компромиссов в рамках конкретной переговорной площадки было ограничено.

В-шестых, эффективность компромисса была связана с наличием у сторон единого стратегического подхода, «так как нельзя ни мир, ни разрядку разделить на отдельные части»².

В-седьмых, достижению компромисса помогают продуманность выдвигаемых требований и понимание визави. В вопросе границ А.А. Громыко, например, заявил: «Мы не можем позволить себе роскошь интерпретировать в этой формулировке то, чего там нет»³.

В-восьмых, в содержательном наполнении компромисса должны присутствовать равноправие или реальная перспектива равноправия. Применительно к важному для Советского Союза экономическому сотрудничеству с Западом министр иностранных дел пояснял: «[В] области экономических отношений между европейскими государствами имеет значение режим наибольшего благоприятствования <...>, режим наибольшего благоприятствования должен быть предоставлен всем участникам конференции; США должны не только получать привилегии, но и принимать на себя обязательства»⁴.

Каждое условие заключения компромисса, о котором говорил А.А. Громыко, выступает самостоятельным направлением дипломатической деятельности, поскольку без предварительной иерархии проблем, постановки и уточнения диагноза отношений в конкретное время и в конкретных вопросах, без прогнозирования и создания переговорных площадок, без формирования общей стратегии (стратегических подходов) и тщательного изучения визави, без концептуализации всех направлений в системе, работающих компромиссов не будет.

Работающими А.А. Громыко считал решения, принятые на 20–30 лет. Следовательно, достижение концептуальных компромиссов не могло быть легким⁵. Имеющийся задел в 20–30 лет предстояло использовать для того, чтобы работать над обновлением проекта разрядки, ее стратегии, программы и тактики. Для этого был необходим кадровый и иной потенциал не только в СССР, но и на Западе [Biermann, 2012; Böcker, 2010; Peter, 2012; Hildebrand, 2012].

Политический капкан Запада

Если СССР был готов выйти за пределы зоны комфорта, то страны Запада, в силу преувеличенного представления о своих преимуществах; стремления постоянно укреплять данные преимущества; опасения в случае отхода от привычной модели потерять больше, чем приобрести; абсолютизации своих проблем, не могли и не хотели учиться работать в разных парадигмах [о последствиях см.: Громыко Ал.,

¹ Там же. Р. 333.

² Там же. Р. 1159.

³ Там же.

⁴ Там же. Р. 1163.

⁵ Вспомним, что идея проведения конференции по безопасности в Европе была озвучена А.А. Громыко в Риме еще 27 апреля 1966 г.

2023: 14, 17]¹. В западном мире партнеров и союзников приоритет имели собственные повестка дня, основа сотрудничества и поддержание данной основы.

24 марта 1974 г. Г. Киссинджер объяснял американскую позицию следующим образом: «США не требуют, чтобы Европа всегда была солидарна с Америкой, но США ожидают, чтобы европейцы, в зависимости от важности каждого конкретного случая, проводили бы консультации с Соединенными Штатами <...>. [США] не примут политику ЕС, в которой доминируют французы»². Особые отношения с США означали для Г. Киссинджера непрерывную работу над этими отношениями и манифестацию особенностей перед общественностью западных стран и перед политиками из стран – противников.

Недоверие к противнику – это довольно хрупкий феномен. Его нужно постоянно подпитывать, иначе оно перестанет оказывать ожидаемое эффективное воздействие. В 1974 г. западные политики часто вспоминали выступление А.А. Громыко на Генеральной ассамблее ООН 3 октября 1968 г., забывая пояснить, что оно было связано с событиями в Чехословакии. А.А. Громыко сказал тогда о социалистическом сообществе, что данное «сообщество – неразделимое целое», поэтому «Советский Союз считает необходимым заявить <...>, что социалистические страны не могут допустить и не допустят ситуации, в которой нарушаются жизненные интересы социализма, осуществляется нападение на нерушимость границ социалистического содружества и тем самым на основы мира во всем мире»³.

В американских представлениях СССР был важен только в определенных сферах. Г. Киссинджер подчеркивал, что после Владивостока⁴ у Москвы может создаться впечатление, что Соединенные Штаты согласны завершить второй этап конференции по подготовке Совещания по безопасности и сотрудничеству в фев-

¹ В этом контексте чрезвычайно важны последствия эффекта накопления проблем, о которых писал Ал.А. Громыко: «Системные сбои неолиберальной модели глобализации начались в прошлом столетии. В 1997–1998 гг. разразился финансовый кризис в Юго-Восточной Азии, которую на тот момент еще причисляли к "периферии" в терминах мир-системного анализа. Через десять лет дефекты и истощенность этой модели проявили себя в годы "великой рецессии" 2007–2009 гг., эпицентром которой на сей раз стали государства "ядра" – США и Британия. Дело было не только в каких-то технических и финансовых уязвимостях этой модели, а в росте внутривосточных показателей социального неравенства, снижении темпов мировой торговли, стагнации реальных доходов населения многих стран, в росте отчуждения между значительной частью социума, с одной стороны, и политическими истеблишментами – с другой <...>. С развалом СССР уход в глухую оборону социалистической и в целом левой мысли привел к хорошо известным эксцессам, в том числе к утверждению о том, что крах государственного социализма, а заодно и всех форм рыночного социализма (фактически социального "смешанного" рынка), не оставляет альтернативы "государству – ночному сторожу". На него затем нанизывались сопутствующие идеи "конца истории", "универсальности" либеральной демократии» [Громыко Ал., 2023: 14, 17].

² Schwarz Н.-Р. (Hg.) Akten zur Auswärtigen Politik... P. 429.

³ Там же. P. 984.

⁴ Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно: посол в Вашингтоне при шести президента США, 1962–1986. Москва. Центполиграф, 2016. P. 360–368.

рале 1975 г. Однако позиция Вашингтона зависела от поездки Л.И. Брежнева на Ближний Восток¹.

Для реализации новых подходов и 20–30 лет разрядки Советскому Союзу были нужны новые типы западных политиков, которые не только поняли бы, насколько важно ориентироваться на «доверие к континуитету и эффективности договорной политики»², но и могли бы побороться за эти принципы. Таких политиков не нашлось.

Канцлер Г. Шмидт, к примеру, предложил СССР принять во внимание, что «присутствие иностранных войск [на территории ФРГ] представляет собой определенный стабилизирующий элемент». Ведь самостоятельными «немецкими силами не получится оборонять территорию [его] страны»³.

Выход из зоны комфорта всегда воспринимался на Западе как провоцирование вывода американских войск из Европы, однако оставался вопрос, почему западно-европейские партнеры, видя «систему Громыко», предпочли называть его консерватором и не захотели принять реалии и особенности СССР⁴.

Позиция стран Запада создавала министру иностранных дел СССР дополнительные трудности, но «консерватор» А.А. Громыко продолжал искать будущие возможности сотрудничества, заметив в 1974 г.: «Нельзя оставаться только при теперешнем положении вещей, нужно идти дальше. Это требует решимости и мужества, не мужества кавалериста, который скачет с саблей наголо, а мужества, основанного на фактах и объективных интересах»⁵. Одним из объективных интересов СССР было утверждение тенденции к разрядке, – по словам министра иностранных дел СССР, «доминирующ[ей] тенденци[и] в мире, которая не появилась неожиданно, а рождалась болезненно и явля[лась] результатом многих шагов правительств разных стран»⁶.

Поиску будущих возможностей сотрудничества помогали «тактика, дипломатическое искусство и стиль», соединяемые Андреем Андреевичем Громыко в систему стратегии и концептуальной тактики – в стратегическое мышление.

¹ Schwarz Н.-Р. (Hg.) Akten zur Auswärtigen Politik... P. 1594. Л.И. Брежнев перенес запланированные на январь 1975 г. визиты в Египет, Сирию и Ирак.

² Там же. P. 1353.

³ Там же. P. 1377.

⁴ О западном варианте консерватизма см. слова Министра иностранных дел России С.В. Лаврова: «500 лет править всем миром, не иметь практически на протяжении почти всего этого периода (за исключением, может быть, советского периода) каких-то серьезных конкурентов, наверное, способствует привыканию к роли гегемона <...> [Запад] не хочет допустить переход к многополярности. Тем самым идет против естественного, объективного хода истории и пытается удержать глобальное доминирование, которое ускользает». Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2023 г., Москва, 18 января 2024 г. URL: https://mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1926392/ (дата обращения: 21.01.2024). Стоит помнить, что истоки многополярности формировались в период разрядки 1970-х гг. благодаря А.А. Громыко.

⁵ Schwarz Н.-Р. (Hg.) Akten zur Auswärtigen Politik... P. 1188.

⁶ Там же. P. 975.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Громыко Ал.А. (2019) Дипломатия позитивного действия. «Война между государствами – великое зло»: к 110-летию А.А. Громыко. Общ. ред. Ал.А. Громыко. Весь мир, ИЕ РАН, Москва. С. 84–102.
- Громыко Ал.А. (2023) Европа между кризисом и стагнацией. *Европа в глобальной перестройке*. Общ. ред. Ал.А. Громыко. ИЕ РАН; Изд-во «Весь мир», Москва. С. 13–25.
- Громыко Ан.А. (2009) *Андрей Громыко: Полет его стрелы. Воспоминания и размышления сына*. Научная книга, Москва. 444 с.
- Загорский А.В. (2005) *Хельсинкский процесс: переговоры в рамках Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, 1972–1991*. Права человека, Москва. 447 с.
- Филитов А.М. (2023) 1970–1972 и 1989–1990 гг. в советско-германских отношениях: сравнительный анализ. *Россия и современный мир*. № 1. С. 137–152. DOI: 10.31249/rsm/2023.01.09
- Biermann H. (2012) U.S. Perceptions of the CSCE Process. *From Helsinki to Belgrade: the first CSCE follow-up meeting and the crisis of détente*. Ed. by V. Bilandžić, D. Dahlmann, M. Kosanović. V&R Unipress; Bonn Univ. Press, Göttingen, Germany. P. 143–162.
- Böcker C. (2010) *Die Europäische Politische Zusammenarbeit – Struktur, Auftreten auf den KSZE-Verhandlungen, Mitwirkung bei der Schlussakte von Helsinki: Die aktive Teilnahme der EPZ-Staaten bei den KSZE-Verhandlungen und deren damit einhergehender Einsatz für die Menschenrechte haben zum Zerfall des Ostblocks beigetragen*. GRIN Verlag, München, Germany. 17 p.
- Hildebrand K. (2012) The Cold War as Détente. The Phenomenology of the World Community of Nation States in the 1970s. *From Helsinki to Belgrade: the first CSCE follow-up meeting and the crisis of détente*. Ed. by V. Bilandžić, D. Dahlmann, M. Kosanović. V&R Unipress; Bonn Univ. Press, Göttingen, Germany. P. 25–38.
- Kunter K. (2000) *Die Kirchen im KSZE-Prozeß 1968-1978*. Kohlhammer, Stuttgart, Germany. 262 p.
- Peter M., Wentker H. (ed.) (2012) *Die KSZE im Ost-West-Konflikt: internationale Politik und gesellschaftliche Transformation 1975–1990*. Oldenbourg, München, Germany. 344 p.
- Selvage D., Süß W. (2019) *Staatssicherheit und KSZE-Prozess: MfS zwischen SED und KGB (1972–1989)*. Vandenhoeck & Ruprecht, Göttingen, Germany. 757 p.
- Staden B. (1990) *Der Helsinki-Prozess*. Oldenbourg, München, Germany. 66 p.

**A.A. Gromyko and Security Policy:
Conceptual Tactics of Diplomacy (to the 115th Anniversary of A.A. Gromyko)**

A.A. Sindeev

Doctor of Sciences (History), Professor of RAS

Chief Researcher, Institute of Europe, RAS

11-3, Mokhovaya St., Moscow, Russia, 125009

E-mail: a_sin74@mail.ru

Abstract. The article deals with the role of the Minister of Foreign Affairs of the USSR A.A. Gromyko in the formation, development and maintenance of security policy, its principles and structural elements. The author explores the conceptual approaches of diplomatic tactics in the context of strategic thinking. This research is carried out on the basis of the detente project of A.A. Gromyko in 1974. Firstly, the author provides evidence that the ideas and approaches of A.A. Gromyko (the so-called Gromyko system) were approved by the leadership of the Communist Party of the Soviet Union and the state leadership of the USSR. Therefore, A.A. Gromyko took personal responsibility for the success of the Conference on Security and Cooperation in Europe. Secondly, tactical objectives that Gromyko had to solve in 1974 are analyzed. The author highlights differ-

ences between these tasks in the first and second half of the year of negotiations. Thirdly, it is argued that Gromyko's conditions were presented for the first time in historiography for making the conceptual compromises. Gromyko assumed that the conceptual compromises would remain for 20-30 years. Finally, the article deals with the difficulties faced by the Western partners. These difficulties (the so-called West's trap) did not allow them to pursue a balanced policy. These difficulties also did not allow the USSR to fully implement the Gromyko system. The article is based on published documents of the Foreign Office of the Federal Republic of Germany. The author's conclusions should be considered in the context of his earlier article in the journal.

Key words: Gromyko, security policy, foreign policy continuum, political strategy, political tactics, diplomatic strategy, diplomatic tactics, Conference on Security and Cooperation

DOI: 10.31857/S0201708324020104

REFERENCES

- Biermann H. (2012) U.S. Perceptions of the CSCE Process, in Bilandžić V., Dahlmann D., Kosanović M. (ed.) *From Helsinki to Belgrade: the first CSCE follow-up meeting and the crisis of détente*, V&R Unipress; Bonn Univ. Press, Göttingen, Germany, pp. 143–162.
- Böcker C. (2010) *Die Europäische Politische Zusammenarbeit – Struktur, Auftreten auf den KSZE-Verhandlungen, Mitwirkung bei der Schlussakte von Helsinki: Die aktive Teilnahme der EPZ-Staaten bei den KSZE-Verhandlungen und deren damit einhergehender Einsatz für die Menschenrechte haben zum Zerfall des Ostblocks beigetragen*, GRIN Verlag, München, Germany.
- Peter M., Wentker H. (ed.) (2012) *Die KSZE im Ost-West-Konflikt: internationale Politik und gesellschaftliche Transformation 1975–1990*, Oldenbourg, München, Germany.
- Filitov A.M. (2023) 1970–1972 i 1989–1990 gg. v sovetsko-germanskikh otnosheniyakh: sravnitel'nyi analiz [1970–1972 and 1989–1990 years in the Soviet-German relationships: comparative analysis], *Russia and the modern world*, 1, pp. 137–152. DOI: 10.31249/rsm/2023.01.09 (In Russian).
- Gromyko A.I.A. (2019) Diplomatiya pozitivnogo deistviya [Positive Action Diplomacy], in Gromyko A.A. (ed.) «*Voina mezhdru gosudarstvami – velikoe zlo*»: K 110-letiyu A.A. Gromyko [«War between states is a great evil»: On the 110th anniversary of A.A. Gromyko], Ves' mir; IE RAN, Moscow, Germany, pp. 84–102. (In Russian).
- Gromyko A.I.A. (2023) Evropa mezdu krisison i stagnaziej [Europe between crisis and stagnation], in Gromyko A.I.A. (ed.) *Evropa v global'noj peresborke* [Europe in global reassembly]. IE RAN; Ves' mir, Moscow, Russia, pp. 13–25. (In Russian).
- Gromyko An.A. (2009) *Andrei Gromyko: Polet ego strely. Vospominaniya i razmyshleniya syna* [Andrey Gromyko: The flight of his arrow. Memories and reflections of his son.], Nauchnaya kniga, Moscow, Russia. (In Russian).
- Hildebrand K. (2012) The Cold War as Détente. The Phenomenology of the World Community of Nation States in the 1970s, in Bilandžić V., Dahlmann D., Kosanović M. (ed.) *From Helsinki to Belgrade: the first CSCE follow-up meeting and the crisis of détente*, V&R Unipress; Bonn Univ. Press, Göttingen, Germany, pp. 25–38.
- Kunter K. (2000) *Die Kirchen im KSZE-Prozeß 1968–1978*, Kohlhammer, Stuttgart, Germany.
- Selvae D., Süß W. (2019) *Staatssicherheit und KSZE-Prozess: MfS zwischen SED und KGB (1972–1989)*, Vandenhoeck & Ruprecht, Göttingen, Germany.
- Staden B. (1990) *Der Helsinki-Prozess*, Oldenbourg, München, Germany.
- Zagorskii A.V. (2005) *Khel'sinskii protsess: peregovory v ramkakh Soveshchaniya po bezopasnosti i sotrudnichestvu v Evrope, 1972–1991* [Helsinki process: negotiations within the framework of Security meetings and cooperation in Europe, 1972–1991], Prava cheloveka, Moscow. (In Russian).

УДК 327.2

ПАМЯТЬ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ КОЛОНИАЛЬНОЙ ЭПОХИ В БЕЛЬГИИ

© 2024 **АНДРЕЕВА Анна Анатольевна**

*Кандидат филологических наук, доцент
Тюменский государственный университет
625003, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, 6
E-mail: a.a.andreeva@utmn.ru*

© 2024 **ДРОЖАЩИХ Наталия Владимировна**

*Доктор филологических наук, профессор
Тюменский государственный университет
625003, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, 6
E-mail: n.v.drozhashhikh@utmn.ru*

© 2024 **НЕЛАЕВА Галина Александровна**

*Кандидат политических наук, профессор
Тюменский государственный университет
625003, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, 6
E-mail: g.a.nelaeva@utmn.ru*

Поступила в редакцию 31.07.2023

Принята к публикации 13.03.2024

Аннотация. На примере Бельгии рассмотрен феномен колониальной амнезии в контексте формирования политики памяти современной Европы. В европейском историческом дискурсе центральными и объединяющими темами признаны Холокост и коммунистическое наследие. Несмотря на официальное осуждение колониализма, среди европейских стран нет единства в отношении к нему. Общественная полемика последних лет по поводу замалчивания преступлений колониальной эпохи подпитывается расследованиями, раскрывающими причастность европейских стран к (пост)колониальному насилию, что вынуждает их приносить публичные извинения. В 2022 г. предметами извинений стала жестокость колониального правления бельгийцев и постколониальные события в начале 1960-х гг., такие как похищение и убийство конголезского премьер-министра Патриса Лумумбы с одобрения бельгийского правительства. Под давлением общественного мнения бывшие колониальные державы вынуждены «перевернуть страницу истории» ради примирения с прошлым и налаживания отношений с африканскими странами. С помощью критического анализа дискурса и качественного и количе-

ственного контент-анализа изучены извинения бельгийских официальных лиц, произнесенные и опубликованные в период с 2002 по 2022 г., народу и правительству Демократической Республики Конго. В текстах выявлено стремление квалифицировать действия Бельгии исключительно как моральную ответственность.

Ключевые слова: Бельгия, политика памяти, колониальная амнезия, извинения, постколониализм

DOI: 10.31857/S0201708324020116

Колониальная амнезия в Евросоюзе

В современных международных отношениях наблюдается колониальная амнезия: международное право и институты, призванные его соблюдать, служат инструментом оправдания несправедливости и угнетения в прошлом и замалчивания последствий. В многочисленных работах по политике памяти европейских стран и в документах Евросоюза к наиболее спорным вопросам относят трагедию Холокоста и наследие коммунистической эпохи (преимущественно в странах Центральной и Восточной Европы). Существует консенсус, согласно которому некоторые государства, в частности Германия, успешно преодолели постыдное прошлое и могут считаться полноправными членами единой «европейской семьи». Однако в этих дискуссиях очень редко затрагивается колониальное измерение европейской политики, а бывшие метрополии неохотно обращаются к колониальной истории¹. Как показывает исследование А. Зирп из Маастрихтского университета, инициативы ЕС (выставки; дни поминовения; выступления европейских политиков; проекты, финансируемые Европейской комиссией, и т. д.) недостаточно отражают колониальное прошлое. Память о преступлениях рассматривается как помеха в установлении связей (прежде всего экономических) с государствами Африки [Sierp, 2020]. Некоторые европейские страны, например Люксембург, считают, что их репутация не запятнана прошлым². Вместе с тем современные исследования показывают, что иностранцы активно участвовали в завоеваниях. Белые европейцы служили в колониальных войсках, занимали различные управленческие должности, работали в частных компаниях, были врачами, инженерами, агрономами и т. д. [Rial, 2014; Bosma, Kolnberger, 2017].

В отчете Европейского парламента «Европейская историческая память: политика, преграды и перспективы» от 2015 г.³ наиболее часто употребляются слова: «европейский» (321), «память» (216), «историческая» (199), «прошлое» (124), «история» (108),

¹ Подробнее о дискуссии вокруг геноцида племен гереро и нама, совершенного Германией в 1904–1908 гг., см.: Ahmed K. Descendants of Namibia’s genocide victims call on Germany to “stop hiding”. The Guardian. 03.02.2023. URL: <https://www.theguardian.com/global-development/2023/feb/03/namibia-genocide-victims-herero-nama-germany-reparations> (дата обращения: 01.09.2023).

² Heindrichs T. Confronting Luxembourg’s colonial past. Delano. 02.03.2022. URL: <https://delano.lu/article/the-sore-spot-that-is-luxembou> (дата обращения: 27.06.2023).

³ European Historical Memory: Policies, Challenges and Perspectives. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/540364/IPOL_STU\(2015\)540364_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/540364/IPOL_STU(2015)540364_EN.pdf) (дата обращения: 27.06.2023).

и среди них слова: «Холокост» (44), «война» (27), «социализм» (28), «сталинизм» (25), «нацизм» (16), «расизм» (10), «коммунизм» (10), и на порядок меньше слов типа «колониализм» (4), «колониальное прошлое» (3), «предки-колонисты» (1), «колониальная держава» (1) «бывшая колония» (1). «Работоторговля» не встречается ни разу. Это показывает, что европейская историческая память подразумевает только меры, направленные на преодоление нацистского прошлого и коммунистической эпохи. Кроме того, отсутствие единства выражено в том, что память о прошлом становится объектом манипуляций и шантажа в политических целях [Sierp, 2020: 698].

Колониальная амнезия принимает формы не только отрицания или выборочной репрезентации фактов, но и целенаправленной стратегии СМИ, политиков, представителей академической элиты и других заинтересованных акторов в процессе создания нарративов о национальной идентичности. Дискурс строится вокруг мультикультурного настоящего, которое дает надежду на счастливое сосуществование будущих поколений. При этом травмы прошлого вытесняются как пройденный этап [Lotem, 2021: 28–29].

Постколониальные и деколониальные исследования европейской политики идентичности ставят под сомнение дискурс о нормативной силе Евросоюза [Manners, 2002]. Сегодня постколониальная теория зачастую воспринимается как универсальная оптика, которая позволяет не только критически осмыслить отношения стран – бывших колоний и метрополий, но и в целом увидеть небинарность моделей социальной и политической реальности в странах Запада [Tlostanova, 2021]. Несмотря на внутренние противоречия исследовательского направления, его значение возрастает и заставляет пересмотреть дискурс памяти о колониализме. Однако, если в отношении крупных империй, таких как Франция, Британия и Португалия, существует обширная библиография, например «Пропаганда и империя» Джона Маккензи (1984), малые страны, в частности страны Бенилюкс, остаются малоизученными.

Колониальное прошлое в памяти современных бельгийцев

Страны Бенилюкс недавно столкнулись с необходимостью переосмысления прошлого. После Второй мировой войны они позиционировали себя как жертвы германской агрессии и флагманы европейской интеграции. В 1950-е гг. Брюссель становится центром европейской политической жизни и штаб-квартирой региональных институтов. Однако до начала 1960-х гг. Бельгия продолжала оставаться колониальной державой. Как показывают исследователи П. Хансен и С. Джонсон, евроафриканский проект, появившийся в 1920-е гг. и направленный на эксплуатацию африканских ресурсов, был актуален в послевоенной Европе не меньше, чем «преодоление ужасов нацизма» [Hansen, Jonsson, 2014: 293]. Таким образом, страны-инициаторы проекта европейской интеграции стремились, с одной стороны, дистанцироваться от континентального национализма, породившего мировые войны, с другой – коллективно управлять колониальным миром [Nicolaidis, Sèbe, 2013].

История бельгийского владычества в Конго хорошо освещена в научной литературе. С 1885 по 1908 гг. Король Леопольд II владел территорией, в 76 раз превышавшей территорию Бельгии в качестве частного лица. В ходе безжалостной экс-

плуатации населения, по разным подсчетам, погибло от 10 до 15 млн человек. Из-за давления международного сообщества эта территория перешла от Леопольда II к Бельгии и стала называться Бельгийским Конго.

Критический взгляд на европейское колониальное прошлое начал формироваться в связи с осмыслением масштабов трагедии в Руанде 1994 г. Несмотря на то что дискурс об ответственности западных государств за геноцид на первый план выдвигает бездействие и неспособность международного сообщества защитить гражданское население, обсуждается вопрос, насколько колониальное правление создало ситуацию, при которой геноцид стал возможен [Mamdani, 2001]. Миграция в Европу из бывших колоний привела к необходимости решения многочисленных вопросов, например, связанных с предоставлением гражданства. Один из наиболее известных примеров – «поколение Виндраш» в Британии – мигранты из Вест-Индии, прибывшие в 1948–1971 гг. в страну в качестве рабочей силы для восстановления послевоенной экономики¹. Многочисленной была миграция белых поселенцев, что обострило социальные вопросы, связанные с трудоустройством, реинтеграцией, предоставлением льгот и пенсий. Количество возвращающихся в метрополию в некоторых случаях достигало миллиона человек [Kalter, 2022; Moumen, 2010]. Сегодня колониальное прошлое пересматривается на фоне усиливающихся антизападных настроений, требований прекратить патерналистскую политику вмешательства в экономическую и политическую жизнь африканских стран².

В Бельгии колониальное прошлое только в последние несколько лет стало предметом публичного обсуждения. Отчасти это связано с тем, что до 1960 г. в Конго проживало очень мало бельгийцев – не больше 90 тыс. – и события в этой части мира представлялись бельгийскому обывателю далекими и малозначительными. Немногочисленной по сравнению с другими странами была африканская община в Бельгии, т. к. колонистам запрещали привозить африканцев в страну, например, в качестве слуг. Туризм был незначительным: бельгийцы считали поездку в Африку дорогой и опасной. Бельгия также мало зависела экономически от колонии [Stanard, 2023]. Таким образом, только наиболее трагические эпизоды, такие как правление Леопольда II и насилие в ходе деколонизации в начале 1960-х гг., стали предметом публичного обсуждения, в то время как весь период бельгийского присутствия рассматривался с положительной стороны [Stanard, 2023: 82].

Ситуация изменилась после публикаций книг о колониальном прошлом Бельгии, например работы американского журналиста А. Хохшильда «Призрак короля Леопольда: история жадности, террора и героизма в колониальной Африке» (1998). Она вышла в условиях возрастающей критики в адрес бельгийцев из-за действий в Руанде. В 1997 г. пал режим Мобуту, а начавшаяся в 1998 г. Вторая конголезская

¹ Gentleman A. Windrush scandal caused by “30 years of racist immigration laws” – report. The Guardian. 29.05.2022. URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2022/may/29/windrush-scandal-caused-by-30-years-of-racist-immigration-laws-report> (дата обращения: 29.08.2023).

² Sezgin H.B. Macron's Africa Visit Highlights Growing Anti-Western Sentiment. Politics Today. 17.03.2023. URL: <https://politicstoday.org/macrons-africa-visit-anti-western-sentiment-china-russia/> (дата обращения: 16.08.2023).

война привлекла внимание к событиям в Центральной Африке и роли европейцев в африканских конфликтах. К концу 1990-х гг. произошла смена поколений, более доступными стали архивы, а опыт Второй мировой войны стал постепенно отходить на второй план [Stanard, 2023: 30].

Еще до появления движения «Родс должен пасть» (*Rhodes Must Fall*) в ЮАР активисты выдвигали требования о демонтаже памятников, связанных с колониальной эпохой. Фигура Леопольда II до сих пор остается спорным «местом памяти» в современном бельгийском обществе. В 2004 г. участники движения «Смелые Остендцы» (*De Stoeten Ostendenoare*), недовольные тем, что Бельгия не намерена признавать ответственность за события в Конго, осквернили памятник Леопольду II в Остенде и отпилили руку у статуи раба, т. к. отрубание рук было распространенной практикой в Конго¹. Памятники королю бельгийцев многократно подвергались нападениям в разных городах страны. В 2020 г. один из памятников после поджога был демонтирован и перенесен в музей в Антверпене². В 2010 г. разгорелся новый скандал: бывший министр иностранных дел Бельгии и член Европейского парламента Луи Мишель заявил, что Леопольд II был амбициозным деятелем, героем, который принес цивилизацию в Конго. Во время его правления «бельгийцы строили железные дороги, школы и больницы и стимулировали экономический рост в Конго»³. С появлением движения «Жизни черных имеют значение» (*Black Lives Matter*) и его распространением за пределы США бельгийские активисты возобновили публичные протесты. Под давлением общественности Королевский музей Центральной Африки в Тервюрене был переименован в Африканский музей, а его выставки и экспозиции пересмотрены [Hutchison, 2022].

В 2019 г. Рабочая группа экспертов ООН по проблемам лиц африканского происхождения посетила Бельгию и призвала страну принести извинения перед конголезцами, чтобы «закрыть эту позорную главу истории»⁴. Шарль Мишель, премьер-министр Бельгии (2014–2019), извинился за изъятие и вывоз детей смешанного

¹ Boffey D. Reappearance of statue's missing hand reignites colonial row. *The Guardian*. 22.02.2019. URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/feb/22/statue-missing-hand-colonial-belgium-leopold-congo> (дата обращения: 15.08.2023).

² Pronczuk M., Zaveri M. Statue of Leopold II, Belgian King Who Brutalized Congo, Is Removed in Antwerp. *The New York Times*. 09.06.2021. URL: <https://www.nytimes.com/2020/06/09/world/europe/king-leopold-statue-antwerp.html#:~:text=statue%2Dantwerp.html-,Statue%20of%20Leopold%20II%2C%20Belgian%20King%20Who%20Brutalized%20Congo%2C%20Is,would%20remain%20in%20a%20museum> (дата обращения: 27.06.2023).

³ “King Leopold II was a visionary hero”. *VRT News*. 22.06.2010. URL: https://www.vrt.be/vrtnws/en/2010/06/22/_king_leopold_iiwasavisionaryhero-1-808003/ (дата обращения: 27.06.2023).

⁴ Statement to the media by the United Nations Working Group of Experts on People of African Descent, on the conclusion of its official visit to Belgium, 4–11 February 2019. URL: <https://www.ohchr.org/en/statements/2019/02/statement-media-United-Nations-Working-Group-Experts-people-african-descent> (дата обращения: 27.06.2023).

происхождения в 1959–1962 гг. в Европу, где их размещали в приемных семьях и католических приходах.

Не менее болезненным вопросом выступает деколонизация Конго. Расследование убийства конголезского премьер-министра Патриса Лумумбы и роль бельгийцев в его похищении и пытках до сих пор не закончено. П. Лумумбу убили в 1961 г., а его тело уничтожили кислотой. Бельгиец Жерар Соете, один из участников преступления, оставил себе золотые зубы и кости пальцев в качестве трофеев. Бельгия долгое время отрицала причастность к убийству, однако в 1999 г. вышла книга бельгийского социолога Людо Де Витте «Убийство Лумумбы». Автор утверждал, что на основании документов, которые он обнаружил, приказ об убийстве отдали бельгийцы. Л. Де Витте также заявил, что Бодуэн I (1930–1993) знал о покушении и подготовкой занимались высшие чины бельгийского командования. Вскоре Ж. Соете признался в участии в преступлении и продемонстрировал останки тела П. Лумумбы, что вызвало скандал. Специально созданная комиссия пришла к заключению, что представители Бельгии замешаны в убийстве. Несмотря на это в отчете подчеркнуто, что «комиссии неизвестны документы, доказывающие, что бельгийское правительство отдало приказ физически уничтожить Лумумбу», и бельгийцы несут только моральную ответственность, т. к. не обеспечили безопасность премьер-министра¹.

В 2002 г. правительство выпустило заявление, в котором подчеркивало, что «некоторые члены правительства и некоторые бельгийские деятели того времени несут часть ответственности за события, приведшие к смерти Патриса Лумумбы», и объявляло о создании специального фонда для «продвижения демократии в Конго»². Таким образом, акцент сделан на противоправных действиях отдельных неназванных индивидов, а не на системе колониального правления, из-за которой подобные преступления происходили и оставались безнаказанными.

В июне 2022 г. золотой зуб П. Лумумбы был возвращен семье погибшего после того, как с таким требованием к королю Бельгии обратилась дочь П. Лумумбы – Юлиана³. Другие останки Ж. Соете якобы выкинул в Северное море, т. к. устал от назойливости журналистов [Verleeye, 2021].

В конце 2020 г. создана парламентская комиссия по расследованию колониального прошлого, однако из-за разногласий политических партий члены комиссии не смогли разработать общие выводы и рекомендации. Камнем преткновения стали

¹ Parliamentary Committee of enquiry in charge of determining the exact circumstances of the assassination of Patrice Lumumba and the possible involvement of Belgian politicians. Conclusions of the Enquiry Committee. URL: https://www.lachambre.be/kvvcr/pdf_sections/comm/lmb/conclusions.pdf (дата обращения: 27.06.2023).

² World Briefing Europe: Belgium: Apology for Lumumba Killing. The New York Times. 06.02.2002. URL: <https://www.nytimes.com/2002/02/06/world/world-briefing-europe-belgium-apology-for-lumumba-killing.html> (дата обращения: 27.06.2023).

³ Lettre ouverte de Juliana Lumumba au Roi. 24.07.2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=lcuZKZVOKkQ&t=4s> (дата обращения: 27.06.2023).

вопросы о необходимости извинения перед ДРК и возможных репарациях¹. Представительница либерального крыла Геделе Ликенс, выступавшая против репараций, объяснила позицию тем, что нельзя заставлять бельгийцев платить «за прошлое, которое они не выбирали» и должны быть взаимодействия с прошлым, например возвращение произведений искусства, похищенных из Африки².

Острые дискуссии ведутся о репрезентации колониального прошлого в школьных учебниках. Сравнительный анализ бельгийских и конголезских учебников истории, изданных с 1945 г., показывает, что колониальный и постколониальный период освещены недостаточно и односторонне. В частности, дискурс бельгийских учебников по-прежнему строится на оппозиции «Запад» и «все остальные», в которой первый представлен как носитель истины. Колониализм не восхваляется, но многие события, например беспорядки и хаос, сопровождавшие процесс деколонизации, рассмотрены исключительно с европейской позиции и не критикуют военную интервенцию [Bentrovato, Van Nieuwenhuysse, 2020].

Таким образом, процесс признания колониального прошлого, начавшийся в Бельгии в 1990-е гг., включает как формальные инициативы (публичные извинения представителей бельгийской правящей элиты), так и частные требования и петиции о необходимости переименования улиц, названных в честь Леопольда II, демонтажа памятников и др. Этот процесс направлен не на преодоление колониального прошлого путем признания вины и исправления последствий, а выступает способом порвать с прошлым и начать с чистого листа [Van Assche et al., 2021].

Извинения за колониальное прошлое

Цель исследования – изучить дискурс памяти европейских государств в контексте колониальной амнезии как последовательно выстраиваемой исторической политики в международных отношениях. Изучение исторического контекста в рамках критического подхода постколониальной теории позволяет увидеть отрицаемые или замалчиваемые события и, таким образом, выделить ключевые исторические фигуры и ситуации, которые дискурсивными средствами удаляются из памяти европейцев. Рассмотрение особенностей колониального правления Бельгии и мемориальных практик в виде извинений и заявлений о сожалении позволит расширить понимание роли страны в выстраивании общей наднациональной европейской политики памяти.

¹ Parliamentary committee on Belgium's colonial past ends in failure, liberal parties do not participate in final vote. VRT News. 19.12.2022. URL: <https://www.vrt.be/vrtnews/en/2022/12/19/parliamentary-committee-on-belgiums-colonial-past-ends-in-failur/> (дата обращения: 27.06.2023).

² Riffaud A. Belgium government coalition divided over colonial past response. EURACTIV. 18.10.2022. URL: https://www.euractiv.com/section/all/short_news/belgium-government-coalition-divided-over-colonial-past-response/ (дата обращения: 15.08.2023). Следует отметить, что в Бельгии принят закон, регулирующий возвращение колониальных артефактов. Подробнее см.: Passé colonial: la Chambre adopte le cadre juridique pour la restitution des biens. RTBF. 01.07.2022. URL: <https://www.rtbf.be/article/passe-colonial-la-chambre-adopte-le-cadre-juridique-pour-la-restitution-des-biens-11022973> (дата обращения: 15.08.2023).

Материал анализа – письменные и устные заявления о сожалении и извинения официальных представителей Бельгии правительству и народу ДРК с 2002 по 2022 гг. С помощью качественного контент-анализа по категориям памяти и прошлого [Fairclough, Wodak, 1997] и критического анализа дискурса [Van Dijk, 2000] получены ответы на вопросы, как выстраивается бельгийская политика прощения и забвения колониального прошлого на уровне дискурса извинения; что нуждается в забвении, а что в памяти; какие риторические средства и нарративы, легитимизирующие государственную бельгийскую политику памяти о колониальных преступлениях, используются.

Корпус извинений Бельгии за колониальное прошлое состоит из 5 текстов: извинение Бельгии за убийство Патриса Лумумбы (06.02.2002), зачитанное в парламенте Бельгии министром иностранных дел Луи Мишелем; извинение бельгийского правительства за похищение детей из Конго (04.04.2019); письмо короля Филиппа президенту ДРК, в котором осуждается жестокое колониальное правление Бельгии в Конго (08.06.2022); извинение короля Филиппа перед народом Конго (30.06.2020); речь премьер-министра Александра Де Кро на церемонии возвращения останков Патриса Лумумбы (20.06.2022)¹. Корпус включает 2707 словоупотреблений. После нормализации с использованием библиотеки *Python*, включающей токенизацию (разбиение на орфографические слова), лемматизацию (приведение словоформ к словарной форме) и удаление стоп-слов, корпус лемм составил 1106 токенов и 560 уникальных лемм.

Наиболее употребительные лексемы в текстах извинений Бельгии – «бельгийцы» («бельгийский»), «конголезцы» («конголезский»), «Конго», «Патрис Эмери Лумумба», «люди», «страна», «правительство», «Бельгия», «колониальный», «семья», «останки», «история», «акт», «африканский», «обстоятельства», «расизм». Лексемы «Конго», «конголезцы» более частотны, чем «Бельгия» и «бельгийцы», что свидетельствует об ориентации текста на адресата, т.е. бывшую колонию в Африке и африканцев. Это подтверждается обилием фраз и микроконтекстов, фокусирующихся на сотрудничестве двух стран: «бельгийско-конголезская дружба»; «искренние и неподдельные отношения»; «невывразимая словами, тесная связь»; «уважение и искренность». «Две страны и два народа, которые наконец-то могут перевернуть страницу своей истории и начать новую главу» (20.06.2022). Новая глава ис-

¹ Excuses historiques de la Belgique au peuple congolais. Le Monde. 05.02.2002. URL: https://www.lemonde.fr/archives/article/2002/02/05/excuses-historiques-de-la-belgique-au-peuple-congolais_261546_1819218.html; Déclaration solennelle et mémorielle du Gouvernement fédéral. 04.04.2019. URL: <https://archive.premier.be/fr/d%C3%A9claration-solennelle-et-m%C3%A9morielle-du-gouvernement-f%C3%A9d%C3%A9ral>; Brief met felicitaties ter gelegenheid van de 60ste verjaardag van de onafhankelijkheid van Congo. 30.06.2020. <https://www.monarchie.be/nl/agenda/brief-met-felicitaties-ter-gelegenheid-van-de-60ste-verjaardag-van-de-onafhankelijkheid-van>; Herlees de speech van koning Filip in Kinshasa. De Standaard. 08.06.2022. URL: https://www.standaard.be/cnt/dmf20220608_95189167; Toespraak Eerste Minister bij plechtigheid voor teruggave stoffelijk overschot Patrice Emery Lumumba. 20.06.2022. URL: <https://www.premier.be/nl/toespraak-eerste-minister-bij-plechtigheid-voor-teruggave-stoffelijk-overschot-patrice-emery-lumumba> (дата обращения: 31.07.2023).

тории – это будущее двух стран, концептуализируемое как надежда, открытость, сотрудничество и т. п. (Ср. коллокации: «надежда на то, что в будущем мы все станем посланниками уважительного и прочного союза между Европой и Африкой» и пр.).

Тексты извинений перешагивают границы жанра. С одной стороны, извинения не вполне являются извинениями, поскольку ключевые слова – термины извинения – составляют только 1,1% от всех словоформ корпуса. С другой – следует отметить нарочитую художественность и претенциозность языка извинений, что связано с эмоциональным накалом текста. В частности, таким является текст (20.06.2022), написанный в драматическом ключе. Он включает как эксплицитно выраженные репрезентанты (извинения, глубокое сожаление), так и скрытые. Скрытые извинения имплицитно чувствуются за содеянное и последующее раскаяние: «Кошунственно, что останки одного из отцов-основателей конголезской нации хранятся в течение шести десятилетий ... что в свете того, что нам известно, не вызывает у нас гордости. Это горькая и неприятная правда. Но ее надо высказать» (20.06.2022). Драматизм создается за счет таких риторических приемов, как амплификация и синтаксический параллелизм. Повтор синтаксических структур подчеркивает драматизм прошедших событий, возрастающих до мировой трагедии: «Они предпочли не видеть. Они предпочли не действовать. Человека убили за его политические убеждения, его слова, его идеал. Для демократа, которым я являюсь, это неоправданно, для либерала, каким я являюсь, это неприемлемо. А для человека, которым я являюсь, это одиозно» (20.06.2022). При чтении текста создается впечатление перформанса с главными актерами – королем Филиппом и премьер-министром Александром де Кро.

В тексте 2020 г. встречаются высказывания относительно «эффективного управления» конголезцами: «Мы хотим подчеркнуть, что Бельгия будет продолжать поддерживать все инициативы, которые способствуют благополучию вашей страны и предлагают конголезскому народу более эффективное управление (*governance*), процветание, здоровье, безопасность и справедливость» (30.06.2020). В тексте 2022 г. политически некорректное высказывание устранено, а система управления осуждается: «Бельгийское правительство безоговорочно осуждает колонизацию как систему управления (*governance*) и идеологию как в Конго, так и в Бурунди, Руанде и других местах. Эта система привела к серьезным нарушениям прав человека, разного рода дискриминации и совершенно неадекватному восприятию африканцев некоторыми бельгийцами» (20.06.2022).

Согласно качественному контент-анализу, в первой речи признание вины выстраивается вокруг категории моральной ответственности за безразличие и апатию некоторых членов бельгийского правительства. Далее вина расширяется до всего колониального, патерналистского правительства, однако одновременно появляются нарративы связи бельгийского и конголезского народов и положительной оценки их вклада в прошлое, настоящее и будущее. В извинении 2019 г. эта связь подчеркнута упоминанием «бельгийских» Африки, Конго, метисов и семей, которые усыновили детей, отнятых у африканских женщин. Смешение бельгийского и конголезского скрыто указывает на исторический факт существования Бельгийского Конго как неопровержимую историческую объективность. Таким образом, прошлое, как эмоционально, чувственно переживаемая трагическая история, часть

национальной истории Бельгии, сталкивается с темой будущего, которое в извинениях всегда выглядит оптимистично, связано с надеждами забвения и преодоления.

Последующие две речи – часть мемориальных празднований независимости ДРК 30 июня – превращаются в поздравления конголезскому народу. Перформативный акт меняет модус повествования с извинений на принесение похвалы. Такая метаморфоза снимает напряжение вины, а выраженное желание в будущем свободно, без напряжения говорить об общей истории подчеркивает скрытую цель – забвение без процедуры суда и наказания за вину. Встраивание в прошлое конголезцев, которое дискурсивно оказывается бельгийским (бельгийская Африка, бельгийское Конго, общее наследие), расширяется за счет резкого увеличения в тексте топонимов, имен собственных знаменитых граждан Конго, перечисления ресурсов и природных богатств страны. Список природных ресурсов вызывает стойкие коннотации с колониальной захватнической политикой. Эмоциональная речь Александра де Кро (20.06.2022), насыщенная повторами, переводит трагическое «наконец-то» как точку времени передачи останков Патриса Лумумбы семье в торжественное «наконец-то», знаменующее «обнуление» истории и моральной причастности к нему бельгийцев, которая лейтмотивом объединяет все пять текстов извинений.

Выводы

С 1990-х гг. Евросоюз принял большое количество нормативных документов, направленных на борьбу с расизмом и дискриминацией. Однако в отношении колониальных преступлений наблюдается амнезия – нежелание государств обращаться к этой странице прошлого. Амнезия присутствует как в политике бывших крупных империй (Франция, Британия) [Lotem, 2021], так и малых стран (страны Бенилюкс).

Дискурс вины в текстах извинений бельгийских официальных лиц конголезскому правительству и народу с 2002 по 2022 г. эмоционален, драматичен и масштабируем до патетического преувеличения, но специфицируется исключительно как моральная ответственность. «Они должны были предупредить, они должны были отказаться <...> Они предпочли не видеть. Они предпочли ничего не предпринимать». Прошлое в текстах извинений представлено как позорное и темное, которое необходимо забыть, а настоящее и будущее связаны с образом молодой Африки и инклюзивного общества современной Бельгии. Особенность дискурса памяти в извинениях официальных лиц Бельгии – высокая суггестивная сила: признание вины за преступления нейтрализуется торжественной мемориальной практикой поздравлений бывшей колонии. Обстоятельства, которые еще не выяснены и скрыты и которыми нельзя гордиться, должны быть преодолены.

Сталкиваясь с современными вызовами, Евросоюз нуждается в усилении идентичности с помощью единой политики памяти, поэтому политики демонстрируют единство в стремлении забыть колониальное прошлое и тем самым укрепляют колониальную амнезию. Анализ дискурсивных стратегий извинений официальных лиц Бельгии конголезскому народу показывает, что политика в отношении постколониального прошлого не изменилась: риторика вины и стыда вытесняет необходимость объективной оценки последствий преступлений и их влияния на бывшие колонии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Осколков П.В., Сивов Д.А. (2023) Трансформация восприятия колониального опыта в публичном дискурсе Бельгии. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. № 3. С. 166–174. DOI: 10.15211/vestnikieran32023166174

Bentrovato D., Van Nieuwenhuysse K. (2020) Confronting “dark” colonial pasts: a historical analysis of practices of representation in Belgian and Congolese schools, 1945–2015. *Paedagogica Historica*. No. 56(3). P. 293–320. DOI: 10.1080/00309230.2019.1572203

Bosma U., Kolnberger, T. (2017) Military Migrants: Luxembourgers in the Colonial Army of the Dutch East Indies. *Itinerario*. No. 41(3). P. 555–580. DOI: 10.1017/S0165115317000687

Fairclough N., Wodak R. (1997) Critical discourse analysis. *Discourse studies. A multidisciplinary introduction*. Ed. by T.A. van Dijk. SAGE Publications. P. 258–284.

Hansen P., Jonsson S. (2014) *Building Eurafrica: Reviving Colonialism through European Integration, 1920–1960*. Conference Proceedings. 36 p. URL: <http://aei.pitt.edu/52859/> (accessed: 31.07.2023).

Hutchison Y. (2022) Performative Challenges to Belgium’s Colonial Amnesia. Mobilising Archives and Resonant Spaces. *Unfinished Histories: Empire and Postcolonial Resonance in Central Africa and Belgium*. Ed. by P.-Ph. Fraiture. Leuven University Press, Leuven, Belgium. P. 121–138. DOI: 10.1353/book.103914

Kalter C. (2022). Building Nations After Empire: Post-Imperial Migrations to Portugal in a Western European Context. *Contemporary European History*. Vol. 33. Issue 1. P. 1–22. DOI: 10.1017/S0960777321000837

Lotem I. (2021) *The Memory of Colonialism in Britain and France. The Sins of Silence*. Palgrave Macmillan, London, UK. 428 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-63719-4>

Mamdani M. (2001) *When Victims Become Killers: Colonialism, Nativism, and the Genocide in Rwanda*. Princeton University Press. 392 p. DOI: <https://doi.org/10.1515/9780691193830>

Manners I. (2002) Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? *Journal of Common Market Studies*. No. 40(2). P. 235–258. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-5965.00353>

Moumen A. (2010) De l'Algérie à la France. Les conditions de départ et d'accueil des rapatriés, pieds-noirs et harkis en 1962. *Matériaux pour l'histoire de notre temps*. No. 99(3). P. 60–68. DOI: 10.3917/mate.099.0060

Nicolaïdis K., Sèbe B. (2014) *Echoes of Colonialism: The Present of Europe's Past*. Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Rial S. (2014) *De Nimègue à Java: Les soldats suisses au service de la Hollande XVIIe–XXe siècle*. Centre d'Histoire et de Prospective Militaires, Pully, Switzerland. 285 p.

Sierp A. (2020) EU Memory Politics and Europe’s Forgotten Colonial Past. *Interventions*. No. 22(6). P. 686–702. DOI: 10.1080/1369801X.2020.1749701

Stanard M. (2023) *The Leopard, the Lion, and the Cock: Colonial Memories and Monuments in Belgium*. Leuven University Press, Leuven, Belgium. 338 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctvtbzk3>

Tlostanova M. (2021) Beyond Conservatism and Radicalism? A Decolonial Glimpse into the Post-truth World. *Africa’s Radicalisms and Conservatisms*. Ed. by E. Etieyibo, O. Katsaura, M. Musemwa. Brill, Leiden, Netherlands. P. 11–30. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004445079_002

Van Assche J., Roets A., Haesevoets T., Noor M. (2021) “Sorry for Congo, let’s make amends”: Belgians’ ideological worldviews predict attitudes towards apology and reparation for its colonial past. *International Review of Social Psychology*. No. 34(1). DOI: <https://doi.org/10.5334/irsp.486>

Van Dijk T.A. (2000) *Ideology: a Multidisciplinary Approach*. SAGE Publications. 365 p. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781446217856>

Verleye Z. (2021) The Lumumba Commission (1999–2002): Shame, Guilt, and the Post-Imperial Self. *Millennium*. No. 50(1). P. 3–28. DOI: <https://doi.org/10.1177/03058298211050954>

Memory of Colonial Crimes in Belgium

A.A. Andreeva

Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor
 Tyumen State University. 6, Volodarsky str., Tyumen, Russia, 625003
E-mail: a.a.andreeva@utmn.ru

N.V. Drozhashchikh

Doctor of Sciences (Philology), Professor
 Tyumen State University. 6, Volodarsky str., Tyumen, Russia, 625003
E-mail: n.v.drozhashchikh@utmn.ru

G.A. Nelaeva

Candidate of Sciences (Politics), Professor
 Tyumen State University. 6, Volodarsky str., Tyumen, Russia, 625003
E-mail: g.a.nelaeva@utmn.ru

Abstract. The article explores Belgium as a case-study of the phenomenon of “colonial amnesia” in the EU. Contemporary discourse on European history includes the Holocaust and Communism as central and unifying themes, while colonialism is determined as a distinct phenomenon. Despite its official condemnation, European states attitude towards colonialism differ. The authors argue that European states tend to avoid responsibility for the colonial-era atrocities and even deny their involvement. At the same time, public discussions over the silencing of colonial crimes are fueled by research that implicates European states in (post)colonial violence and negatively impacts their reputation on the international arena. Concerns over their international image forces the European countries to publicly apologise for their past. In 2022 the subject-matter of public apologies in Belgium was colonial violence committed by Belgians against the Congolese, as well as the events of the early 1960s, which led to the murder of Congolese Prime-Minister Patrice Lumumba, allegedly condoned by the Belgian government. Under the public pressure, former colonial powers are forced to at least “turn over” the painful page of their past in order to normalize relations with the former colonies. Using critical discourse-analysis and qualitative and quantitative content-analysis, authors analyze the apologies addressed to the DRC by Belgium authorities in the period of 2002–2022. The article concludes that these statements are meant to frame Belgium’s responsibility exclusively in terms of morality by acknowledging the “wrong moral choices”.

Key words: Belgium, memory politics, colonial amnesia, state apology, post-colonialism

DOI: 10.31857/S0201708324020116

REFERENCES

Bentrovato D., Van Nieuwenhuysse K. (2020) Confronting “dark” colonial pasts: a historical analysis of practices of representation in Belgian and Congolese schools, 1945–2015, *Paedagogica Historica*, 56(3), pp. 293–320. DOI: 10.1080/00309230.2019.1572203

- Bosma U., Kolnberger, T. (2017) Military Migrants: Luxembourgers in the Colonial Army of the Dutch East Indies, *Itinerario*, 41(3), pp. 555–580. DOI: 10.1017/S0165115317000687
- Fairclough N., Wodak R. (1997) Critical discourse analysis, in van Dijk T.A. (ed.) *Discourse studies. A multidisciplinary introduction*, SAGE Publications, pp. 258–284.
- Hansen P., Jonsson S. (2014) *Building Eurafrika: Reviving Colonialism through European Integration, 1920–1960*, Conference Proceedings. URL: <http://aei.pitt.edu/52859/> (accessed: 31.07.2023).
- Hutchison Y. (2022) Performative Challenges to Belgium's Colonial Amnesia. Mobilising Archives and Resonant Spaces, in Fraiture P.-Ph. (ed.) *Unfinished Histories: Empire and Post-colonial Resonance in Central Africa and Belgium*, Leuven University Press, Leuven, Belgium, pp. 121–138. DOI: 10.1353/book.103914
- Kalter C. (2022). Building Nations After Empire: Post-Imperial Migrations to Portugal in a Western European Context, *Contemporary European History*, 33(1), pp. 1–22. DOI: 10.1017/S0960777321000837
- Lotem I. (2021) *The Memory of Colonialism in Britain and France. The Sins of Silence*, Palgrave Macmillan, London, UK.
- Mamdani M. (2001) *When Victims Become Killers: Colonialism, Nativism, and the Genocide in Rwanda*, Princeton University Press. DOI: <https://doi.org/10.1515/9780691193830>
- Manners I. (2002) Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? *Journal of Common Market Studies*, 40(2), pp. 235–258. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-5965.00353>
- Moumen A. (2010) De l'Algérie à la France. Les conditions de départ et d'accueil des rapatriés, pieds-noirs et harkis en 1962, *Matériaux pour l'histoire de notre temps*, 99(3), pp. 60–68. DOI: 10.3917/mate.099.0060
- Nicolaïdis K., Sèbe B. (2014) *Echoes of Colonialism: The Present of Europe's Past*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Oskolkov P.V., Sivov D.A. (2023) Transformacija vosprijatija kolonial'nogo opyta v publichnom diskurse Bel'gii [Transformation of Colonial Experience Perceptions in Belgian Public Discourse], *Nauchno-analitičeskij vestnik IE RAN*, 3, pp. 166–174. DOI: 10.15211/vestnikieran32023166174 (In Russian).
- Rial S. (2014) *De Nimègue à Java: Les soldats suisses au service de la Hollande XVIIe–XXe siècle*, Centre d'Histoire et de Prospective Militaires, Pully, Switzerland.
- Sierp A. (2020) EU Memory Politics and Europe's Forgotten Colonial Past, *Interventions*, 22(6), pp. 686–702. DOI: 10.1080/1369801X.2020.1749701
- Stanard M. (2023) *The Leopard, the Lion, and the Cock: Colonial Memories and Monuments in Belgium*, Leuven University Press, Leuven, Belgium. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctvbtzks3>
- Tlostanova M. (2021) Beyond Conservatism and Radicalism? A Decolonial Glimpse into the Post-truth World, in Etieyibo E., Katsaura O., Musemwa M. (ed.) *Africa's Radicalisms and Conservatisms*, Brill, Leiden, Netherlands, pp. 11–30. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004445079_002
- Van Assche J., Roets A., Haesevoets T., Noor M. (2021) “Sorry for Congo, let's make amends”: Belgians' ideological worldviews predict attitudes towards apology and reparation for its colonial past, *International Review of Social Psychology*, 34(1). DOI: <https://doi.org/10.5334/irsp.486>
- Van Dijk T.A. (2000) *Ideology: a Multidisciplinary Approach*, SAGE Publications. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781446217856>
- Verleye Z. (2021) The Lumumba Commission (1999–2002): Shame, Guilt, and the Post-Imperial Self, *Millennium*, 50(1), pp. 3–28. DOI: <https://doi.org/10.1177/03058298211050954>

УДК 327

СУЖЕНИЕ СЛАВЯНСКОГО КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОГО ПРОСТРАНСТВА НА ЮЖНЫХ БАЛКАНАХ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

© 2024 ТРЕТЬЯКОВА Мария Чедомировна

Кандидат исторических наук

*Учредитель Фонда содействия развитию русско-македонских отношений – «Фонд РМ»
141532, Россия, Москва, Краснопресненская наб. 12*

E-mail: marija@fondrm.com

Поступила в редакцию 18.10.2023

Принята к публикации 13.03.2024

Аннотация. В статье рассмотрены правовые обязанности, возложенные на Грецию Севрским договором о защите меньшинств 1920 г. Статьи 7, 8 и 9 регулировали права многочисленного славянского населения, проживающего на македонских землях, которые отошли Греции по итогам Балканских войн 1912–1913 гг. Афины ратифицировали договор 30 октября 1923 г., но его положения не были реализованы. Правительство Греции ввело перечень ограничительных мер, в результате которых под угрозой оказалось языковое, фольклорное и духовное культурное наследие македонских славян. Славянские фамилии и географические названия менялись на греческие, стирались славянские надписи в церквях и монастырях, вводился запрет на исполнение фольклорных песен и использование языка и т. д. В результате политики ассимиляции, проводимой греческим правительством после Первой и Второй мировых войн, а также демографических и миграционных сдвигов в регионе славянское культурно-языковое пространство в Греции практически исчезло. Схожие процессы в отношении славянского – сербского и македонского – населения происходили в других частях Южных Балкан и сегодня усиливаются в Северной Македонии и на юге Сербии, что приводит не только к усугублению проблемы с этнокультурной точки зрения, но и открывает возможность для трансформации политического пространства южнославянских стран в будущем.

Ключевые слова: эллинизм, славянство, Эгейская Македония, Севрский договор от 1920 г., Лига наций, македонское славянское население, права меньшинств

DOI: 10.31857/S0201708324020128

В XVIII в Турции началась борьба за усиление политического влияния Константинопольского патриарха, занимавшего место главы всего христианского миллета в Османской империи с момента падения Константинополя в 1453 г. Последующее духовное противостояние эллинизма и славянства на Балканах наиболее ярко проявилось в упразднении поместных церквей славянских народов Трновской и Печской патриархий и вслед за ними Охридской архиепископии в 1767 г. Эти церковные организации выступали источником духовного и политического лидерства балканских народов. Как подчеркивает американский историк профессор С. Батаден, «современная связь автокефальных церквей и суверенитета национальных государств присутствовала в сознании православных людей еще с середины XVII в.»¹. Это ознаменовало пик духовной гегемонии греческого священства и близких к ней представителей знати, использующих церковное влияние на православную славянскую паству для достижения политических целей. К началу XIX в. наднациональная Вселенская Церковь фактически трансформировалась в национальную греческую. Сложившийся вокруг Константинопольской патриархии центр эллинизма выступал за эллинизацию Османской империи. Эта цель позже нашла отражение в концепции греческой «Великой идеи», предполагающей восстановление территориально-политического величия Восточной Римской империи.

К концу XIX в. Османскую империю сотрясали народные волнения. В 1875 г. началось восстание в Герцеговине и Боснии, в 1876 г. – в Болгарии и Македонии². Берлинский конгресс 1878 г. изменил политическую карту Балкан. Под властью Турции из славянских земель осталась только территория Македонии. После жестокого подавления Илинденского восстания в 1903 г. социально-политическая ситуация резко ухудшилась. Политические споры о будущем македонских земель достигли пика во время Балканских войн 1912–1913 гг. Система Версальских мирных договоров закрепила итоги Второй Балканской войны и раздел территории Македонии. Таким образом страны-победительницы формально закрыли македонский вопрос. Дальнейшее урегулирование национальных вопросов различных этносов, в т. ч. македонского, проживающего на присоединенных к Королевству Греция, Болгарскому царству и Королевству сербов, хорватов и словенцев землях, было предусмотрено путем возложенных на государство международно-правовых обязательств³. В статье проанализирована проблема сужения славянского культурно-языкового пространства в начале XX вв. на Южных Балканах в неславянских государствах региона на примере Греции и правовые обязанности, возложенных на гре-

¹ Батаден С.К. Преиспитување на традицијата (Есеи за историјата на православието). Скопје. Култура. 1997. С. 188.

² Разловецкое восстание 1876 г. и Кресненское восстание 1878 г. ставили целью освобождение Македонии и объединение с вооруженным сопротивлением других балканских народов против османской власти. См: Поповски В. Државотворниот карактер на востанијата и превривањата во Македонија во Источната криза 1875–1881. Гласник 40/2. 1996. С. 7–26.

³ Полјански-Андонов Х. Велика Британија и Македонското прашање на Париската мировна конференција од 1919 година. Скопје. Архив на Македонија. 1973. С. 40.

ческое правительство международным сообществом, относительно национальных, религиозных и языковых меньшинств, включая македонское население.

Славянское население Македонии на рубеже XIX–XX вв.

Среди историков преобладает мнение, что наиболее точную численность населения Македонии в конце XIX – начале XX вв. приводит этнограф В. Кынчев, который сам объездил македонские земли и детально изучил состав населения по языковому признаку – языку, используемому в семье. Согласно данным В. Кынчева, в начале XX в. (1900 г.) в Македонии проживало 2 258 224 чел. Численность македонских славян составляла 1 181 336 чел. (52,31%), турков – 499 304 (22,14%), греков – 228 702 (10,13%)¹, албанцев – 128 711 (5,7%), валахов – 80 767 (3,58%), евреев и других незначительных этнических групп – 67 840 (3%) [Кынчов: 1900: 289]. В соответствии с болгарской политикой того периода В. Кынчев определяет македонское славянское население как этнически болгарское, а македонское мусульманское – как болгар-мусульман, или помаков. Однако в книге «Орохидрография Македонии», опубликованной после смерти этнографа Болгарской академией наук в 1911 г., в введении указано, что при определении границ Македонии авторы издания руководствовались «в основном общим мнением местного населения, а также мнениями, которые высказывали самые опытные новые путешественники». В частности, ученые писали: «Местные болгары и куцовалахи, которые проживают в границах Македонии, сами называют себя македонцами. И соседние народы называют их так». Далее было указано: «турки и арнауты же (албанцы – прим. М.Т.) не называют себя македонцами, но на вопрос, откуда они, отвечают: “из Македонии”. Арнауты из северной и северо-западных краев области, которые называют свою родину “Арнаутлык” (Албания – прим. М.Т.), также как и греки, которые проживают в южных областях, не определяют себя как македонцы, поэтому и границы этих мест согласно народному воззрению определены неточно» [Кынчов, 1911: 1]. В данном случае болгарские ученые в понятие «македонцы» вносили географический, а не этнический смысл. В издании 1945 г. «Македония как природное и хозяйственное целое» Македонского научного института в Софии, над которым работал болгарский этнограф и географ Д. Яронов, статистические данные относительно этнического состава населения Македонии взяты у В. Кынчева. Однако в этой работе болгарские ученые впервые определили македонский народ как македонцев и исламизированных македонцев².

¹ Согласно Кынчеву, греческое население проживало в самых южных прибрежных областях Македонии: в Анаселичхой (94%), Кассандре (88), Гребенской (65), Берской (40), Кожанской (35), Серской (25), Лагадинской (22) и Солунской (20%).

² Яронов Д. Македония като природно и стопанско цяло. София. Художникъ. 1945. Цит. по: Леровски Вамбаковски Д. Развојот на македонската револуционерна организација во Костурско во прединденскиот период: појава, ширење и резултати. Историја. L/LI. Скопје. 2015/2016. С. 192–193.

Изучив и сравнив донесения российского дипломата А.А. Ростовского, английского Дж.Э. Бланта и французского консула М. Щублие о составе населения историко-географической Македонии, которые основывались на официальных турецких источниках, македонский историк К. Битовский сделал вывод, что в начале XX в. в Македонии проживало 2 101 тыс. человек, из которых – 997 тыс. македонские славяне (македонцы по К. Битовскому – прим. М.Т.), 542 тыс. – турки, 272 тыс. – греки, 152 тыс. – албанцы, 75,5 тыс. – валахи, 56 тыс. – евреи и 7 тыс. – цыгане. Исследователь подчеркнул, что численность населения, как и македонских славян, в «консульской статистике» по сравнению с данными Кинчева занижена примерно на 180 тыс. чел. Тем не менее эти сведения наиболее близкие к составу населения Македонии того периода¹. Иностранные консулы, стараясь быть беспристрастными в споре балканских монархий по македонскому вопросу, сделали значимую попытку определить численность и национальный состав Македонии. Они выделили македонское население в отдельную группу – македонские славяне. Балканская статистика конца XIX – начала XX вв., как отмечал русский ученый Н.П. Кондаков, опиралась на фантастические карты, составители которых закрашивали Македонию в ту национальную краску, которая им была ближе [Кондаков, 2019: 31].

Афины традиционно определяли македонское славянское население, которое проживало на землях, отошедших Греции в 1913 г., как македонославов или славянофонов. Согласно переписи населения 1928 г., проведенной в Греции по религиозному и языковому признаку, численность жителей, говорящих на «македонском славянском» (*macédonoslave* – в переводе с греч. на франц., как указано в документе) составляла 81 984, а на болгарском – 16 775². В переписи 1951 г. македонское славянское население в Греции составляло 41 017 человек. Их язык греческие власти определили как «славянский» (*slave* – франц.)³.

Правовые обязательства по защите меньшинств, возложенных на Грецию по итогам Первой мировой войны

По итогам Парижской мирной конференции 1919 г. была сформирована Лига наций. В Статут Лиги Наций не вошли положения о защите национальных меньшинств⁴. Они были включены в качестве условия подписания мирных договоров стран Балкан с Турцией и Австро-Венгрией. При подписании Севрского договора от 10 августа 1920 г. стран-союзников Антанты с Турцией в тот же день был заключен отдельный договор стран Антанты и Греции, который касался защиты

¹ Битовски К. Прилог кон прашањето за бројот и националниот состав на населението во Македонија во почетокот на XX в. ИНИ XXVI/1. 1982. С. 181–203.

² Résultats statistique du recensement de la population de la Grèce du 15–16 mai 1928. Athènes. 1935.

³ Résultats du recensement de la population effectué du 7 Avril 1951. P. 184.

⁴ Статут Лиги Наций. 28 июля 1919 года. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/138737-ctatut-ligi-natsiy-28-iyulya-1919-goda#mode/inspect/page/4/zoom/4> (дата обращения: 18.09.2023).

меньшинств¹. Подобные специальные договоры о меньшинствах были ранее заключены с Польшей (1919), Чехословакией (1919), Сербо-Хорватско-Словенским государством (1919) и Румынией (1919). Образцом стал договор, заключенный с Польшей 28 июня 1919 г. [Валиуллина, 2019]

Греческий парламент ратифицировал договор о защите меньшинств 30 октября 1923 г.² В договоре упомянуты «турки, албанцы, евреи, валахи Пинда и болгары»³. Статьи 7, 8 и 9 определяли положение меньшинств, проживающих на присоединенных к Греции территориях с января 1913 г. и августа 1914 г. Под положения этих статей попадало македонское славянское население на землях, завоеванных Грецией по итогам Балканских войн. Афины были обязаны гарантировать равную свободу и защиту для всех независимо от национальности, языка, расы, религии (ст. 7). Провозглашался принцип равноправия при допуске к государственным должностям, функциям, почетным званиям, профессиям (ст. 7). Запрещалось введение каких-либо ограничений на свободное использование любым гражданином Греции любого языка не только в частной жизни, но и публичной, а именно: в личных отношениях, торговле, религии, прессе или публикациях любого рода, на публичных собраниях (ст. 7). Гражданам Греции, не говорящим на греческом языке, должны были предоставить соответствующие возможности для использования своего языка в устной или письменной формах в судах (ст. 7). Национальным, религиозным или языковым меньшинствам предоставлялось право создавать, управлять и контролировать благотворительные, религиозные и социальные учреждения, школы и другие образовательные учреждения с правом использовать родной язык и свободно исповедовать на нем религию (ст. 8). Кроме того, Греция взяла обязательство ввести в систему государственного образования в городах и районах, где проживает значительная доля греческих граждан, говорящих на другом языке, обучение в начальных школах на родном языке (ст. 9). Эта статья относилась только к территориям, переданным Греции 1 января 1913 г., т. е. речь шла о Македонии и ее населении. Более того, Афины должны были предоставить национальным, религиозным и языковым меньшинствам справедливую долю из государственных фондов, муниципальных и других бюджетов на образовательные, религиозные или благотворительные цели (ст. 9). Это положение также распространялось только на территории, переданные 1 января 1913 г.

В конце договора указано, что положения вышеупомянутых статей, которые затрагивали «лиц, принадлежащих к национальным, религиозным или языковым меньшинствам, представляли собой обязательства, вызывающие озабоченность

¹ Treaty concerning the protection of minorities in Greece signed at Sevres. 10.08.1920. URL: <http://www.forost.ungarisches-institut.de/pdf/19200810-2.pdf> (дата обращения: 18.09.2023).

² Government Gazette: FEK 311.

³ Под «болгарами» подразумевалось в числе других этносов славянское население Македонии, что облегчало процесс обмена в соответствии с конвенцией о защите меньшинств и обмене населением, подписанной в Женеве министрами иностранных дел Греции и Болгарии Н. Политисом и Х. Калфовым в сентябре 1924 г.

международного сообщества, и подлежали гарантии Лиги Наций». Они не могли быть изменены без согласия большинства в Совете Лиги Наций.

Следовательно, Севрский договор о защите прав меньшинств фактически предусматривал предоставление национально-культурной автономии национальным, языковым и религиозным меньшинствам, чья история происхождения связана с присоединенными к Греции территориями. Эти меры должны были способствовать сохранению самобытности, развитию языка и национальной культуры многочисленных граждан негреческого этнического происхождения, а органы государственной власти и местного самоуправления – обеспечить материально-техническую и финансовую поддержку.

Греческие власти первое время частично соблюдали международные обязательства из-за необходимости предоставить отчет об их выполнении мандатной комиссии Лиги Наций в 1925 г. Например, в этом году специальная комиссия греческого правительства опубликовала букварь на македонском славянском наречии «Абце-дар» для первоклассников¹. Однако он не использовался в школах, т. к. заведения для обучения македонских детей на родном языке не были открыты. Копия букваря была депонирована в Женеве и сегодня свидетельствует о том, что в 1925 г. в Греции проживали дети, говорящие на македонском славянском наречии.

Этнодемографические изменения в Эгейской Македонии по итогам Лозаннского договора 1923 г.

После Первой мировой войны греческая Македония претерпела серьезные этнодемографические сдвиги в результате как добровольной, так и вынужденной миграции. На основании Нейского договора 1919 г., 86 572 македонских славян, составляющих большинство в Эгейской части Македонии, были выселены в Болгарию [Киселиновски, 2004: 34]. Согласно Лозаннскому договору 1923 г., из греческой Македонии было выдворено 350 тыс. чел., разнородных по этническому и религиозному составу. Среди них – 40 802 помаков, или македонских славян мусульманского вероисповедания, которые до сих пор живут в Турции, сохраняя свои родные обычаи и язык.

К переселенному населению из Болгарии переезжало многочисленное христианское греческое население из Малой Азии и других регионов. Согласно законодательному декрету «О наделении землей безземельных крестьян» от 15 февраля 1923 г., возвращающемуся греческому населению в ходе масштабной политики по репатриации соотечественников выделили 500 тыс. га земли, а также 93 549 домов [Киселиновски, 2004: 66; Никитина, Петрунина, 2014]. Государственных земельных угодий (в т. ч. конфискованных у вынужденных переселенцев) было недостаточно,

¹ Букварь составлен на леринском народном говоре со специально адаптированным латинским алфавитом и ярко выраженным фонетическим написанием. Леринский говор входит в прилепско-битольский диалект, который относится к подгруппе центральных диалектов западной ареальной группы македонского языка. Подробнее см.: [Ристовски, 2009: 4; Усикова, 2005; Michailidis, 1996].

поэтому был принят план реквизиции и конфискации земли у частных лиц. По мнению историков Т.В. Никитиной и О.Е. Петруниной, с помощью этих мер правительство стремилось ускорить интеграцию новых территорий [Никитина, Петрунина, 2014: 191]. Например, из 1 159 311 этнических греков из Малой Азии, прибывших в Грецию с 1923 по 1928 гг., 565 143 чел. поселились в Эгейской Македонии. В итоге в 1913–1928 гг. с учетом переселенного греческого населения внутри страны было перемещено всего 618 199 греков¹.

После миграций и территориальных приобретений, согласно переписи 1928 г., 93% граждан Греции были греками. 445 тыс. граждан принадлежали к другим этносам. В числе греческих подданных оказались фракийские турки (свыше 85 тыс. чел.), родопские помаки, македонские славяне (свыше 80 тыс. чел.), аромуны и еврей-сефарды (63 тыс. чел.), эпирские албанцы-мусульмане и др. [Никитина, Петрунина, 2014].

Демографические сдвиги вместе с курсом Афин на политическую ассимиляцию и культурно-языковую эллинизацию [Kofos, 1993: 255] сильно отразились на славянской культурной специфике македонских земель.

Курс на ассимиляцию славянского населения вопреки международным обязательствам

После гуманитарной катастрофы Греции необходимо было принять меры по экономической и социальной гомогенизации населения страны. Однако их большая часть, в частности в отношении Македонии, противоречила международным обязательствам.

В сентябре 1926 г. правительство Э. Венизелоса приняло указ № 332 об изменении названий сел, городов и поселений, опубликованных в правительственном вестнике «Ефимерис тис кибернисеос» 21 ноября 1926 г. В результате с 1926 по 1929 г. в Эгейской Македонии были переименованы 1 497 населенных пунктов². На основании указов № 6429 от 1935 г. и № 1418 от 1938 г. изменены географические названия еще 39 мест³. Например, Воден, Хрупишта, Валовишта и Ларигово стали Эдессой, Аргос Орестико, Сидирокастро и Арная соответственно. Реки Вардар и Быстрица превратились в Аксиос и Алиакмон. Гора Каракамен стала Вермио, поселок Кутлеш – Вергиной. Закон № 87 от 1936 г. был направлен на изменение славянских имен и фамилий, заканчивающихся на «-ов», «-ец» и т. д.⁴ Многие жители Македонии взяли греческие фамилии критского происхождения, оканчивающиеся на «-акис».

¹ Résultats statistique du recensement de la population de la Grèce du 15–16 mai 1928. Athènes. 1935. P. 12.

² Government Gazettes: FEK 413/1926, FEK 401/1926, FEK 55/1926, FEK 7/1927, FEK 76/1927, FEK 179/1927, FEK 156/1928, FEK 40/1929.

³ Полное название измененной топонимики см: [Мойсов, 1989: 247–256].

⁴ Human Rights Watch Report: Denying Ethnic Identity. The Macedonians of Greece. 01.04.1994. URL: <https://www.hrw.org/report/1994/04/01/denying-ethnic-identity/macedonians-greece>. (дата обращения: 12.10.21).

В 1936 г. генерал-губернатор Македонии издал декрет № 122770 «О восстановлении единого языка», запрещающий использование македонского славянского наречья не только в государственных институтах, но и в частной жизни. В связи с широким распространением славянских македонских наречий на севере Греции открывались вечерние школы для изучения греческого языка. Под угрозой оказалось славянское фольклорное культурное наследие. Ссылаясь на выполнение упомянутого декрета, местные власти в греческой Македонии ввели ограничение на исполнение народных песен с текстовым сопровождением¹.

В 1937 г. Святой Синод греческой Церкви принял решение, согласно которому священству запрещалось давать славянские имена при крещении. Для выполнения постановления Святой Синод потребовал от министерства религии «поступить соответствующим образом и обеспечить священникам соответствующую помощь со стороны местных властей и полиции»². Славянские надписи в церквях, а также богослужение на славянском языке в храмах также подверглись запрету. Декрет «О восстановлении единого языка» напрямую не запрещал кириллицу и богослужение на церковнославянском языке, однако выступал нормативно-правовым обоснованием для принятия соответствующих ограничений. В итоге славянские надписи на иконах поствизантийского периода, которые в сельской местности греческой Македонии (за исключением прибрежных областей) были выполнены кириллицей, сохранилась в немногих церквях. В большинстве их заменили греческим алфавитом, а значительная часть деревянных икон, которые свидетельствовали о славянском духовном наследии, была уничтожена. Кроме того, негласно запрещалось строительство храмов по типу многонефной базилики, чем отличалась славянская духовно-церковная архитектура в греческой Македонии.

В 1920–1930-е гг. в Македонии активно распространяются националистические и праворадикальные настроения, действуют экстремистские организации. «Коренное греческое население “новых земель” зачастую относилось к беженцам настороженно, а к этническим меньшинствам попросту враждебно». Кроме того, пресса, например салоникская газета «Македония», в конце 1920-х – начале 1930-х гг. подогревала нетерпимость читателей к «чужакам» – славянам, мусульманам и евреям [Никитина, Петрунина, 2014: 192].

Иммиграция 1923–1928 гг. не была последней. Следующий этап миграционных сдвигов наступил из-за страха политических репрессий и последовал за греческой гражданской войной 1946–1949 гг. На стороне проигравшей в 1949 г. Демократической Армии Греции (ДАГ) воевали местные македонцы³. Среди беженцев оказались

¹ Karatsareas P. Greece's Macedonian Slavic heritage was wiped out by linguistic oppression. The Conversation. 19.04.2018. URL: <https://theconversation.com/greeces-macedonian-slavic-heritage-was-wiped-out-by-linguistic-oppression-heres-how-94675> (дата обращения: 23.02.2022).

² Запрет славянских имен при крещении от 20 мая 1937 г. № 1219/1150.

³ По оценкам главы британской военной миссии полковник С.М. Вудхауса, осенью 1947 г. они составляли три четверти состава ДАГ, а к середине 1949 г. – 14 тыс. чел. из 20 тыс. греческих борцов – коммунистов [Rossos, 1991: 210].

десятки тысяч детей в возрасте от двух до четырнадцати лет, в основном дети славянских партизан¹.

В 1947 г. издан указ № LZ/1947, согласно которому греческие власти лишали гражданства тех, кто боролся против правительства в гражданской войне и бежал из Греции. В 1948 г. в соответствии с указом № M/1948, N/1948, а также законом № 2536/1953 покинувшие Грецию в период гражданской войны 1946–1949 гг. и не вернувшиеся в течение последующих трех лет лишались собственности². Среди пострадавших от конфискации имущества было большое количество славян.

В 1982 г. принят закон № 115/1982, который разрешил политическим беженцам времен гражданской войны вернуться в свои дома. Они получили помилование за уголовные преступления и могли возвратить конфискованное имущество³. Тем не менее совместным решением министерства общественного порядка и министерства внутренних дел № 106841 / 29-12-1982 вернуться на родину было разрешено только этническим грекам, т. е. «грекам по роду».

В начале 1982 г. отделение национальной безопасности в Салониках издало конфиденциальный приказ – Меморандум № 16/2/1982 (рег. № 6502 / 7-50428), – в котором руководство службы рекомендовало начальникам местных подразделений «не нанимать на госслужбу, особенно в школах, “славянофонов”»⁴. Речь шла об этнических македонцах, которых греческие власти называли «славяноговорящими», чтобы не признавать их национальную идентичность. Использование македонских говоров на севере Греции было ограничено до 1980-х гг. [Усикова, 2005; Friedman, 2001: 6]. Сегодня запреты сняты, но Афины по-прежнему не признают существование македонского языка, как и македонского меньшинства, несмотря на многочисленные призывы Совета Европы и Европейского суда о правах человека.

Заключение

Забота о языковом разнообразии и культурном наследии – обязанность каждой страны, проистекающая из международного права, а сохранение исторической памяти – одна из задач, стоящая перед историками. Греческие власти не выполнили обязательства, возложенные международным сообществом.

Южные Балканы пережили как серьезные политические, этнические, демографические, так и культурно-языковые и религиозно-цивилизационные изменения, которые до сих пор влияют на политическую ситуацию в регионе. В результате в межвоенный период и после Второй мировой войны этнический состав

¹ Denying Ethnic Identity. The Macedonians of Greece. Human Rights Watch Report. 01.04.1994. URL: <https://www.hrw.org/report/1994/04/01/denying-ethnic-identity/macedonians-greece>. (дата обращения: 12.10.21).

² Там же.

³ Government Gazette: FEK 115/1982.

⁴ Partly or Fully Unrecognized National Minorities. Statement to the UN Working Group on Minorities. 7th session. Geneva. 14–18.05.2001. URL: www.greekhelsinki.gr. (дата обращения: 14.10.2021).

населения греческой части Македонии резко изменился, а славянское культурно-языковое пространство практически исчезло. Схожие процессы в отношении славянского сербского и македонского населения происходили в Косово и Метохии и Албании, соответственно, а сегодня усиливаются в Северной Македонии и Южной Сербии, что приводит не только к усугублению проблемы с этнокультурной точки зрения, но и к возможности трансформации политического пространства южнославянских стран.

В 2009 г. исполнилось сто лет со дня выхода в России книги «Македония. Археологическое путешествие», которая подвела итоги экспедиции Императорской Российской академии наук в Македонию в 1900 г. Согласно выводам главы экспедиции академика Н.П. Кондакова, население Македонии, вопреки утверждениям западных путешественников и публицистов о его «этнической пестроте», было преимущественно славянским, совершенно цельным, единым и вполне своеобразным [Кондаков, 2019: 30–31]. Несмотря на то что Македонии, которую описывали русские ученые в XIX–XX вв., больше не существует, этнографические и культурно-языковые изменения до сих пор имеют большое значение для более точной постановки исторических, филологических и этнографических научных вопросов в современной славистике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Валиуллина И.Ф. (2019) Международная защита языковых прав меньшинств в XIX – первой половине XX в. *Российский юридический журнал*. № 5. С. 22–28. DOI: 10.34076/2219–6838-2019-5-22-28

Киселиновски С. (2004) *Малцинствата на Балканот: (XX век)*. Институт за национална историја, Скопје, Македонија. 236 p.

Кондаков Н.П. (2019) Македония. Археологическое путешествие. Индрик, Москва, Россия. 648 с.

Кънчов В. (1900) *Македония. Етнография и Статистика*. София, България. 341 с.

Кънчов В. (1911) *Орохрография на Македония*. Печатница Хр. Г. Данов, Пловдив, България. 221 p.

Мојсов Л. (1989) *Македонците во Егејска Македонија. Околу прашањето на македонското национално малцинство во Грција*. Мисла, Скопје, Македонија. 392 p.

Никитина Т. В., Петрунина О. Е. (2014). Этноконфессиональный фактор в политической жизни Греции в годы Второй мировой (1940–1944) и гражданской (1946–1949) войн: к постановке проблемы. *Исторические исследования*. № 1. С. 184–201.

Ристовски Б. (ред.) (2009) Македонска Енциклопедија. МАНУ, Скопје, Македонија. 812 p.

Усикова Р.П. (2005) Македонский язык. *Языки мира. Славянские языки*. Под ред. А.М. Молдована, С.С. Скорвида, А.А. Кибрика, Н.В. Роговой, Е.И. Якушкина, А.Ф. Журавлева, С.М. Толстой. Academia, Москва. С. 102–139.

Friedman V. (2001) *Macedonian. Sociolinguistic and Geolinguistic Situation*. Slavic and Eurasian Language Resource Center, Duke University, Durham, USA. 78 p. URL: <http://www.seelrc.org:8080/grammar/mainframe.jsp?nLanguageID=3> (accessed: 23.02.2022).

Kofos E. (1993) *Nationalism and Communism in Macedonia: Civil Conflict, Politics of Mutation, National Identity*. Aristide D. Caratzas, New Rochelle, USA. 336 p.

Michailidis I. (1996) Minority Rights and Educational Problems in Greek Interwar Macedonia: The Case of the Primer “Abecedar”. *Journal of Modern Greek Studies*. Vol. 14. No. 2. P. 329–343.

Rossos A. (1991) The Macedonians of Aegean Macedonia: A British Officer’s Report. 1944. *Slavonic and East European Review (London)*. Vol. 69. No. 2. P. 282–309.

The Shrinking of the Slavic Cultural and Linguistic Space in the Southern Balkans (1st half of XX c.)

M.Ch. Tretyakova

Candidate of Sciences (History)

*Foundation for the Promotion of Russian-Macedonian Relations, Founder
12, Krasnopresnenskaya nab. Moscow, Russia, 141532*

E-mail: marija@fondrm.com

Abstract. The article refers on the legal obligations imposed by the international community on the Greek government by the Treaty concerning the protection of minorities in Greece signed at Sevres on August 10, 1920. The provisions of Articles 7, 8, 9 regulated the rights of the numerous Macedonian Slavic population living in Macedonian lands ceded to Greece as a result of the Balkan wars of 1912–1913. The treaty was ratified by the Greek government on the 30th of October 1923 but has never been implemented. The Greek authorities introduced a whole list of restrictive measures. The Slavic surnames of local Macedonian population were changed to Greek as well as geographic names. Slavic inscriptions in churches and monasteries were erased, a ban was introduced on the performance of folk songs and the use of the Macedonian language even in the private life of citizens of Greek Macedonia etc. As a result of the Greek government assimilation policy and demographic and migration shift in the Aegean Macedonia in accordance with the Treaty of Neuilly from 1919 and Treaty of Lausanne from 1923, the Slavic cultural and linguistic space in Greece in fact has been erased. Similar processes in relation to the Slavic – Serbian and Macedonian population previously occurred in other parts of the Southern Balkans, in Kosovo and Metohia, are currently intensifying in North Macedonia and southern Serbia. This leads not only to aggravation of the problem from an ethno-cultural point of view, but also opens the path to transforming the political space of the South Slavic countries in the future.

Key words: Hellenism, Slavism, Treaty of Sevres from 1920, League of nations, Macedonian Slavic population, Aegean Macedonia, minority rights

DOI: 10.31857/S0201708324020128

REFERENCES

Friedman V. (2001) *Macedonian. Sociolinguistic and Geolinguistic Situation*, Slavic and Eurasian Language Resource Center, Duke University, Durham, USA. URL: <http://www.seelrc.org:8080/grammar/mainframe.jsp?nLanguageID=3> (accessed: 23.02.2022).

- Kanchov V. (1900) *Makedoniya. Etnografiya i Statistika* [Macedonia. Ethnography and Statistics], Sofiya, Bulgaria. (In Bulgarian).
- Kanchov V. (1911) *Orokhidrografiya na Makedoniya* [Orohydrography of Macedonia], Pechatnitsa Khr. G. Danov, Plovdiv, Bulgaria. (In Bulgarian).
- Kiselinovski S. (2004) *Maltsinstvata na Balkanot: (XX vek)* [Minorities in the Balkans: (XX century)], Institut za natsionalna istorija, Skopje, Makedonija. (In Macedonian).
- Kofos E. (1993) *Nationalism and Communism in Macedonia: Civil Conflict, Politics of Mutation, National Identity*, Aristide D. Caratzas, New Rochelle, USA.
- Kondakov N.P. (2019) *Makedoniya. Arkheologicheskoe puteshestvie* [Macedonia. Archaeological expedition], Indrik, Moscow, Russia. (In Russian).
- Michailidis I. (1996) Minority Rights and Educational Problems in Greek Interwar Macedonia: The Case of the Primer “Abecedar”, *Journal of Modern Greek Studies*, 14(2), pp. 329–343.
- Mojsov L. (1989) *Makedontsite vo Egejska Makedonija. Okolu prashaneto na makedonskoto natsionalno maltsinstvo vo Grtsija* [Macedonians in Aegean Macedonia. About the Macedonian national minority in Greece], Mislja, Skopje, Македонија. (In Macedonian).
- Nikitina T.V., Petrunina O.E. (2014). Ehtnokonfessional'nyi faktor v politicheskoi zhizni Gretsii v gody Vtoroi mirovoi (1940–1944) i grazhdanskoj (1946–1949) vojn: k postanovke problemy [The ethno-confessional factor in the political life of Greece during the Second World War (1940–1944) and the Civil War (1946–1949): towards the formulation of the problem], *Istoricheskie issledovaniya*, 1, pp. 184–201. (In Russian).
- Ristovski B. (ed.) (2009) *Makedonska Entsiklopedija* [Macedonian Encyclopedia], MANU, Skopje, Macedonia.
- Rossos A. (1991) The Macedonians of Aegean Macedonia: A British Officer’s Report. 1944, *Slavonic and East European Review (London)*, 69(2), pp. 282–309.
- Usikova R.P. (2005) *Makedonskii yazyk* [Macedonian language], in Moldovan A.M., Skorvid S.S., Kibrik A.A., Rogovaya N.V., Yakushkin E.I., Zhuravlev A.F., Tolstaya S.M. (ed.) *Yazyki mira. Slavyanskije yazyki* [Languages of the world. Slavic languages], Academia, Moscow, Russia, pp. 102–139.
- Valiullina I.F. (2019) *Mezhdunarodnaya zashchita yazykovykh prav men'shinstv v XIX – pervoi polovine XX v.* [International protection of linguistic minority rights], *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, 5, pp. 22–28. DOI: 10.34076/2219-6838-2019-5-22-28 (In Russian).

УДК 327

ЗНАЧЕНИЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПОДХОДА ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

© 2024 **ЩИПКОВ Александр Владимирович**

Доктор политических наук

Ректор Российского православного университета святого Иоанна Богослова

127051, г. Москва, Крапивенский переулок, дом 4

E-mail: mail@shchipkov.ru

Поступила в редакцию 10.10.2023

Принята к публикации 13.03.2024

Аннотация. Современный уровень политической науки требует учитывать влияние традиций, культурно-исторических особенностей общества на политические процессы и системы разных стран. В этих условиях идентичность и традиция вновь получают право на прямое политическое высказывание. Концепции, объясняющие состояние общества с точки зрения культурно-исторических факторов, принято называть цивилизационными теориями. Задачи статьи – описать основания русско-византийского культурно-исторического типа и его отношения с западноевропейским и показать возможность реактуализации культурно-исторического подхода в современной социальной и политической мысли. Выявлены научные методы в раскрытии логики взаимодействия культурно-исторических и политико-экономических факторов, а также предложен метод мир-системного анализа в качестве дополнения к ним. Сделан практический вывод, что устойчивые политические институты в России всегда формировались под влиянием глубинных культурно-исторических процессов. В те периоды, когда эта закономерность уступала место механическому выбору политических институциональных форм, в обществе нарастали кризисные процессы. В XX в. это привело к возникновению феномена «разделенного народа» и кризису национальной идентичности. Далеко зашедшие последствия этого кризиса общество сегодня вынуждено преодолевать в формате военной операции.

Ключевые слова: цивилизационные теории, либеральный эволюционизм, неоколониалистское мышление, политико-идеологическая парадигма, русско-византийский культурно-исторический тип, мир-системный анализ

DOI: 10.31857/S020170832402013X

Политическая жизнь общества культурспецифична. Она испытывает воздействие меняющихся экономических и геополитических процессов и одновременно зависит от неизменных локальных особенностей конкретной страны и народа. Двойная зависимость порождает проблему соотношения внешних и имманентных (национально-культурных) факторов в политике.

Современный уровень политической науки требует учитывать влияние традиций, культурно-исторических особенностей общества на политические процессы и системы разных стран. Такой взгляд особенно важен сегодня, когда глобализация обнаруживает собственные пределы. В результате локальный уровень политических процессов начинает преобладать над глобальным, а цивилизационные, национальные и религиозные общности вновь становятся главными акторами истории.

В этих условиях идентичность и традиция получают право на прямое политическое высказывание. Как в XVIII–XIX вв., этот внутренний ресурс определяет уровень политического суверенитета государства и общества. Он действует как мощное средство политической мобилизации масс и политических элит. В политическом споре выигрывает тот, чья идентичность более прочна и устойчива, а кризис идентичности ведет к утрате политических позиций. Некоторые политические субъекты, прежде всего США и их союзники, используют пассионарный заряд чужой идентичности в собственных целях, например в Сирии, на Украине и в ряде других стран Европы.

По мере ослабления и утраты суверенитета снижается уровень политического самосознания общества. Например, на Украине в связи с перспективой затяжного военного конфликта растет разочарование населения, падает доверие к центральной власти, на первый план выходят вопросы эмиграции. В частности, в Харькове такие настроения подогревает неофициальная информация о массовой продаже жилой площади сотрудниками силовых структур (одна из наиболее осведомленных социальных групп). В данном случае культурно-исторический аспект социального развития страдает от утраты политического суверенитета, но эта аномальная ситуация не свидетельствует о приоритете политических факторов в долгосрочной исторической перспективе, а только указывает на наличие связи культурно-исторических факторов и актуальных политических процессов.

Задача статьи – показать факт присутствия культурно-исторической логики в политико-экономической и социальной мысли и, как следствие, в современном политическом сознании. Это присутствие в зависимости от конкретных исторических и политических обстоятельств может быть как имплицитным, так и эксплицитным, вызывать притяжение и отталкивание.

Концепции, объясняющие состояние общества в первую очередь с точки зрения культурно-исторических факторов, принято называть цивилизационными теориями. В работах известного русского ученого Николая Яковлевича Данилевского этот подход изложен в рамках теории культурно-исторических типов [Данилевский, 1995]. С современной точки зрения, культурно-историческом тип предполагает базовые компоненты идентичности, выраженные в картине мира народа, нации или цивилизации в разные исторические периоды в числе прочего в сфере политики.

Вопреки распространенному стереотипу, культурно-исторические, или цивилизационные, концепции в политической науке – не продукт почвеннического сознания, а результат культурного обмена. Русский вариант этого направления подобен западным аналогам, которые берут начало в работах О. Шпенглера («Закат Европы») и А. Тойнби («Постижение истории») и развиваются вплоть до «Столкновения цивилизаций» С. Хантингтона. Особенно важную роль в европейской науке сыграла концепция М. Вебера, который определил культурно-религиозные основания западного сознания как сочетание «протестантской этики и духа капитализма» [Вебер, 2002].

Для научного анализа и объяснения политических процессов культурно-исторический метод начал использоваться в XIX в. Одновременно родилась его критика. Отдельный интерес в этом контексте представляет реферат философа Владимира Сергеевича Соловьева «Об упадке средневекового миросозерцания» [Соловьев, 1990]. В работе можно выделить идею о социальной и политически преобразующей роли христианства, которая формально скорее объединяет философа с оппонентами в лице Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева и их единомышленников. В качестве инструмента решения этой задачи В.С. Соловьев видел всемирное теократическое государство, т. е. заимствовал идеи не из русско-византийской, а из романо-католической культурной парадигмы, чем походил на своего предшественника П.Я. Чаадаева.

В.С. Соловьев был склонен принимать один из существующих культурно-исторических типов за универсальный. Философ видел в нем нормативные свойства цивилизации и прогресса. В сущности, это была идея культурно-цивилизационного превосходства. С этой позиции В.С. Соловьев подверг критике идеи Н.Я. Данилевского. Взгляд философа позднее подхватила западническая критика, в частности П.Н. Милюков, а в советское время – М.Н. Покровский. Последний увидел в книге «Россия и Европа» не исторический прагматизм и реализм, а «кодекс славянофильства». Покровский назвал Н.Я. Данилевского «славянофилом, превратившимся в германофоба, возведшим в закон истории вражду России и Европы» [Покровский, 1923].

В XX в. культурно-исторический подход подвергся критике с позиций либерального эволюционизма. Американский исследователь-советолог Р. Мак-Мастер в 1960-е гг. выпустил книгу под названием: «Данилевский – русский тоталитарный мыслитель». В отечественной научной среде критика культурно-исторического подхода активно развивалась в 1990–2000-е гг. Если в советской России было принято обвинять культурно-исторический подход в реакционности,

то в постсоветской – в соответствии с западным стандартом – в тоталитарности. При различии этих идеологических векторов очевидна их общая задача.

Для либерального эволюционизма характерно понимание истории как последовательной и стадиальной смены универсальных для всех народов политико-экономических формаций. Этот взгляд основан на праве одних наций развиваться за счет других, которое утверждается ради абсолютных истин социального прогресса. Данная позиция, как правило, сопровождает политику гегемонизма, глобализма, практику вывоза капитала и финансово-экономической экспансии и лежит в основе неоколониалистского мышления. Усиление этих явлений на рубеже XX–XXI в. привели к радикализации неолиберальной идеологии в части ее противостояния культурно-историческому подходу. Развивались новые формы соперничества, прежде всего радикальный конструктивизм – концепция, направленная против любого дискурса, который содержит идеи исторической преемственности, традиции и культурного наследования. Среди соответствующих работ можно выделить труды Б. Андерсона «Воображаемые сообщества» (1983), сборник «Изобретение традиции» под редакцией Э. Хобсбаума и Т. Рейнджера (1983) и монографию Э. Хобсбаума «Нации и национализм после 1780 года» (1990) [Андерсон, 2001; Хобсбаум, 1998; Hobsbaum, Ranger, 1983].

Историк А.Н. Севастьянов описывает это направление мысли следующим образом: «В 1980–1990-е гг. на Западе сложилось целое направление под названием “конструктивизм”, которое вообще отрицает реальность таких феноменов, как раса, этнос или нация, но полагает их некими “воображаемыми сообществами”, своего рода виртуальной реальностью, существующей лишь в нашем сознании в качестве сотворенных “конструктов”, а не в реальной жизни. Конструктивизм пользуется колоссальной политической поддержкой, всемерно пропагандируется и распространяется по всему миру, а с 1990-х гг. и в России. Причина проста: это опорная теоретическая база для наступления на идейные основы национального суверенитета, национальной государственности, на саму идею наций и национализма, в чем кровно заинтересованы влиятельные международные силы, за которыми стоит транснациональный капитал» [Севастьянов, 2012]. В качестве спроектированных интеллектуальных конструктов – «проектных явлений» – в работах представителей конструктивизма описываются культурные, социогуманитарные феномены и традиция в широком смысле [Hobsbaum, Ranger, 1983].

Политические процессы минувшего столетия позволяют констатировать, что XX в. доказал правоту Н.Я. Данилевского, а не В.С. Соловьева. В конце XX – начале XXI вв. мир стал свидетелем возвращения к идеологемам XVIII–XIX вв., т. е. от идеи «всемирности» в виде либерального универсализма – к идеям «конфликта цивилизаций», «глобального Севера и глобального Юга», «правильной и неправильной сторон истории», к новым разделительным линиям в мировых политических процессах, которые почти всегда проходят по прежним культурно-историческим границам. Пересмотр взглядов на современную политику постепенно происходит среди эволюционистов. Например, известный финансист Джордж Сорос в поздних работах допускает, что «западная форма представительной демократии может являться отнюдь не единственной формой правления, совместимой с Открытым обществом» [Сорос, 1999: 84].

Иными словами, современный мир вступил в переходный период постепенного ослабления старой политико-идеологической парадигмы. Сегодня реакция на стресс и перенапряжение внутри мировой политической системы определяют трансформацию политических институтов и коллективного политического сознания. Описываемая ситуация, называемая кризисом модерна, – закономерный итог развития культурно-исторических оснований поздних институтов протестантского мира, в частности экономики ссудного процента и концепции культурно-цивилизационного неравенства, поддержанной протестантской религиозной идеей «избранности ко спасению».

Многие ученые уже в конце XX в. учитывали существенную роль культурно-исторических констант в современном мире и подчеркивали применительно к России, что «...русско-византийский (и русско-балканский) диалог, стоящие у истоков русской культуры, перестают быть эпизодами, существенными для изучения далеко прошедших эпох, а входят в число долгодействующих структурных факторов истории русской культуры» [Лотман, 1989: 235].

Исходя из внешней формы веберовского определения западноевропейского мира русско-византийский культурно-исторический тип можно определить как сочетание православной этики и духа общинной солидарности. К этим базовым принципам относится вытекающая из общинности стихийная эгалитарность. Яркое проявление устойчивости этой культурно-исторической особенности связано с восприятием русским крестьянством событий 1917 г. Революцию поддержала беднейшая и самая многочисленная часть крестьян. Они понимали революцию как «всеобщее поравнение» перед Богом, «репетицию Страшного суда», строительство подобия Рая на земле. Все это – не каноническое православие, а сектантское, еретическое, хилиастическое. Большую роль в его формировании сыграли последствия раскола и синодального периода в истории Церкви, когда она бюрократизировалась и упускала паству.

Пример устойчивости русско-византийских культурно-исторических форм в их влиянии на политику связан с «симфонией властей» – ролью Церкви в решении социальных проблем совместно с государством. После отделения Церкви от государства, интеллигенция стремится сотрудничать с государством и оппонировать ему, а также быть «духовным наставником» народу, учить и окормлять. Социальный институт временно перестал действовать, но культурный архетип продолжает генерировать подобия в новых исторических условиях.

Исследователи относят к основам русско-византийской цивилизации «модель пластичного универсализма», получившую отражение в идеях «всечеловечности» и политических проекциях идеи соборности, а также континуальность – способность вписывать в единый ценностный контекст разные национальные культуры. Именно эта сторона византийской цивилизации сделала ее в свое время библиотекой христианского наследия и обеспечила инклюзивные возможности. Отдельно следует упомянуть иконичность, т. е. восприятие мира земного как прообраз высшей реальности – икону. Этот принцип воплощен в иконописи и крестово-купольной стилистике храмового зодчества («образ неба на земле», пространство

храма как «икона» Рая в отличие от бесконечной устремленности к нему готических соборов).

Партиципативность и избегание дихотомического рационализма в русско-византийской ментальности – результат преобладания платоновского, а не аристотелевского наследия в рамках христианского платонизма, как основы восточного богословия. В основе христианского гуманизма лежит принцип нравственного права, а не формального естественного права, автономного по отношению к категориям морали и справедливости. Отсюда русское убеждение в том, что справедливость важнее писаного закона.

Другой признак русско-византийского культурно-исторического типа – особая роль государства (необязательно монарха), от которого народ ждет защиты от диктаторов (в византийской терминологии), т. е. дворянства, олигархии, бюрократии, партийной номенклатуры. Принцип народоначальия и демократии большинства, который государство обязано защищать от притязаний диктаторов, сочетается с централизмом. Отсюда проистекают специфика византийской монархии – не династической, а наполовину выборной и принцип социальных групп, а не партийности в парламентаризме [Щипков, 2017]. После рассмотрения оснований русско-византийского культурно-исторического типа в социально-политической плоскости необходимо проанализировать развитие его отношений с соседним западноевропейским (романо-германским и англосаксонским).

Россия стала вызовом для западноевропейского мира в XVI в., когда ей начинают приписывать варварские черты. Франсуа Рабле упоминал в качестве варваров «московитов, индейцев, персов и троглодитов». Причины заключаются в том, что европейская идентичность начинает конструироваться как нехристианская и антитрадиционалистская, отказывается от привычных социальных установок, тогда как Россия сохраняет внутреннюю целостность, самотождественность, эссенциалистское, партиципативное сознание вместо номиналистско-конструктивистского.

Русско-византийский диалог, начатый Крещением Руси, предопределил развитие отношений с западноевропейской цивилизацией, которая постепенно переставала быть христианским миром. По этим причинам культурное воздействие на западном направлении не могло достичь диалогического формата. Оно вело к расщеплению русской идентичности, поскольку накопленная энергия византийского влияния в отсутствие первоисточника не находила выхода и уходила в разлом элиты и народа. Из этого появились представление о «двух Россиях» и знаменитое определение О. Шпенглера, который писал в «Закате Европы» о русской культуре как о псевдоморфозе.

Поверхностное влечение к Западу на уровне политических элит, а не широких слоев общества вело к глубинному отталкиванию от западноевропейского мира (одного или нескольких культурно-исторических типов в разных классификациях) со стороны социального большинства. Отталкивание проявилось, в частности, в осознании того, что в 1941–1945 гг. России, как в Крымской войне и в Первой мировой, противостояла не одна страна, а большая часть Европы. Это выразилось в подходе к взаимоотношениям с Европой в период Гражданской войны, когда обсуждался вопрос о компенсации за интервенцию. Характерно, что при возврате царских долгов западнические элиты конца 1980-х – начала 1990-х гг. не рассматривали эту проблему.

Ученые в рамках культурных исследований неоднократно подчеркивали, что «именно в тот момент, когда русская культура стала подчеркнута противопоставлять себя Западу, она приобрела в глазах Запада интерес» [Лотман, 1989: 235]. Отталкивание и конкурентное отношение со стороны одного культурно-исторического актора может сформировать более продуктивную модель взаимоотношений (и возможность диалога), чем искусственная комплементарность. Примеры китайской и японской культур показывают, что самоизоляция и автаркия в терминологии либерального эволюционизма нередко освобождают от глобальной зависимости и могут быть накоплением энергии роста, ведущей к культурному взрыву. В таком случае страна берет на себя функцию осуществления разметки не только своего, но и окружающего культурного пространства, его структурирования. У России этот шанс появился в 2014 г.: культурно-историческая память, связанная с Византией, получила огромный толчок посредством возвращения Крыма и, в частности, Херсонеса-Корсуни. Накопление энергии для следующего рывка продолжается.

Культурно-исторический подход к социально-политическим вопросам предполагает отказ от мифа о единой «столбовой дороге цивилизации». При восприятии всех цивилизаций как уникальных вступает в силу закон несравнимости и несоизмеримости – принцип «культурно-ценностного плюрализма», о котором писал, например, Дж. Грей в книге «Поминки по Просвещению», оспаривая универсалистские претензии современного неолиберализма [Грей, 2003]. Однако отрицание тезиса об уникальности культур приводит к ситуации, когда кто-то присваивает право на метапозицию по отношению к другим, право говорить от имени общего, от имени единых стандартов, которые в любом случае будут опосредованы определенной традицией. В итоге эта позиция формирует доктрину глобального доминирования, наследующую колониальной политике, которая начиналась с признания территории нехристианских народов «ничейной землей» (*terra nullius*).

Понять логику взаимодействия культурно-исторических и ситуативных политических (политико-экономических) факторов позволяет системный подход в политологии и социологии, который связан, в частности, с именем американского политолога Дэвида Истона. Этот подход предполагает «рассмотрение политики как целостного, саморегулирующегося механизма, находящегося в непрерывном взаимодействии с окружающей средой через вход и выход системы» [Истон, 1997: 630–642]. В рамках социально-кибернетической модели политической системы Д. Истона ее вход (*input*) и выход (*output*) в условиях равновесия согласованы друг с другом по принципу обратной связи (*feedback loop*). Это означает среди прочего тесную взаимообусловленность влияния культурно-исторических причин на действия политических акторов. Яркий пример – зависимость процессов социальной архаизации современного общества и ультраправого сдвига политико-идеологического дискурса.

Системный подход в политологии позволяет учесть весь набор связей политики, экономики, религии и информационной сферы. Особенно важна систематизация разных факторов для анализа политико-идеологических процессов в условиях

мирового кризиса, который характерен для периода позднего модерна или второго модерна (Ульрих Бек), постмодерна и т. д.

Концепция культурно-исторической обусловленности поведения политических субъектов, к которым относятся нации, народы, государства, отдельные политические группы влияния, не должна абсолютизироваться. Имманентные факторы политического процесса уравновешены влиянием конкретных политико-экономических обстоятельств и общим состоянием мировой политико-экономической системы. Эта закономерность требует дополнительного учета влияния внешних факторов по отношению к национальным, культурно-историческим.

В большинстве случаев первый и второй ряд факторов противопоставлены друг другу: их векторы силы направлены противоположным образом. Например, действующие в мире формы политической и экономической зависимости, мировое разделение труда, социальное неравенство в одних случаях ускоряют (в странах экономического центра, «золотого миллиарда», или «глобального Севера»), а в других – тормозят (в странах мировой периферии) национально-культурное развитие, как в колониальную эпоху. В ряде случаев это ставит под вопрос историческую субъектность целых наций и народов (Сирия, Ирак, Украина и др.).

Внешний и внутренний ряды факторов диалектически взаимосвязаны. Например, обретение национального суверенитета может начинаться с изменения политико-экономического курса или национально-культурного подъема, или эти процессы идут параллельно. Для того чтобы культурно-исторический подход к политике мог претендовать на универсальность, он должен быть дополнен методологией, описывающей действие в политике системных факторов общемирового значения. Таким дополнением могут служить русская школа А.С. Панарина [Панарин, 1999] и школа мир-системного анализа (МСА) И. Валлерстайна и его последователей. [Валлерстайн, 2008]. Кроме того, системное культурно-историческое направление мысли развивают последователи социал-традиционализма [Щипков, 2017].

Комплексный подход, с одной стороны, согласуется с концепцией Н.Я. Данилевского, который подчеркивал: «Дабы цивилизация, свойственная самобытному культурно-историческому типу, могла зародиться и развиваться, необходимо, чтобы народы, к нему принадлежащие, пользовались политической независимостью» [Данилевский, 1995], с другой – соответствует методологическим требованиям современной науки.

Сегодня теоретические выводы все чаще подтверждает политическая практика. Например, идея принесения себя в жертву ради укрепления атлантических ценностей и продления англо-американской гегемонии ведет европейцев к утрате прежних позиций в мировой экономике, переживанию бессилия фиктивной демократии и размыванию гражданской идентичности.

Аналогичная закономерность прослеживается применительно к России. Устойчивые политические институты в стране всегда формировались под влиянием глубинных культурно-исторических процессов. В периоды, когда эта закономерность уступала место механическому выбору политических институциональных форм, в обществе нарастали кризисные процессы. В XX в. эта ситуация при-

вела к возникновению феномена «разделенного народа» (по определению В.В. Путина) и кризису национальной идентичности. Общество вынуждено преодолевать далеко зашедшие последствия этого кризиса в формате военной операции. Адекватная оценка культурно-цивилизационных факторов развития общества должна помочь избежать подобных кризисов в будущем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андерсон Б. (2001) *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. КА-НОН-пресс-Ц; Кучково поле, Москва. 288 с.
- Валлерстайн И. (2008) *Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация*. Товарищество научных изданий КМК, Москва. 176 с.
- Вебер М. (2002) *Протестантская этика и дух капитализма*. Ист-Вью, Москва. 352 с.
- Грей Дж. (2003) *Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности*. Праксис, Москва. 368 с.
- Данилевский Н.Я. (1995) *Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому*. Издательство С.-Петербургского университета; Издательство «Глаголь», Санкт-Петербург. 552 с.
- Истон Д. (1997) Категории системного анализа политики. *Антология мировой политической мысли: в 5 т. Т. 2*. Отв. ред. Т.А. Алексеева. Мысль, Москва. С. 630–642.
- Лотман Ю.М. (1989) Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении. *Византия и Русь (памяти Веры Дмитриевны Лихачевой. 1937–1981)*. Сост. Т.Б. Князевская. Наука, Москва. С. 227–236.
- Панарин А.С. (1999) *Россия в циклах мировой истории*. Изд-во МГУ, Москва. 288 с.
- Покровский М.Н. (1923) Восточный вопрос (От Парижского мира до Берлинского конгресса). *Дипломатия и войны царской России в XIX столетии*. Под ред. М.Н. Покровского. Красная Новь, Москва. С. 230–301.
- Севастьянов А. (2012) Идолы конструктивизма. *Вопросы национализма*. № 10. С. 191–233.
- Соловьев В.С. (1990) Об упадке средневекового миросозерцания. Реферат, читанный в заседании Московского Психологического общества 19 октября 1891 года. *Сочинения в 2 т. Том 2*. Общ. ред. и сост. А.В. Гулыги, А.Ф. Лосева. Мысль, Москва. С. 339–350.
- Сорос Дж. (1999) *Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности*. ИНФРА-М, Москва. 262 с.
- Хобсбаум Э. (1998) *Нации и национализм после 1780 года*. Алетейя, Санкт-Петербург. 308 с.
- Щипков А.В. (ред.) (2017) *Социал-традиция*. АСТ-ПРЕСС КНИГА, Москва. 320 с.
- Щипков А.В. (сост.) (2017) *По-другому: Сборник статей о традиции и смене идеологического дискурса*. Абрис, Москва. 384 с.
- Hobsbaum E., Ranger T. (eds.) (1983) *The Invention of Tradition*. Cambridge. 320 p.

Significance of Cultural-Historical Approach for Modern Political Consciousness

A.V. Shchipkov

*Doctor of Sciences (Political), Professor
Russian Orthodox University of St. John the Theologian, Rector
4, Krapivensky lane, Moscow, Russia, 127051*

E-mail: mail@shchipkov.ru

Abstract. The modern political science requires taking into account the influence of traditions, cultural and historical characteristics of society on political processes and political systems of different countries. Under these conditions, identity and tradition get back the right to direct political expression. Concepts that explain the state of society primarily from the point of view of cultural and historical factors are usually called civilization theories. The article aims at describing the foundations of the Russian-Byzantine cultural-historical type and its relationship with the Western European one. Scientific approaches to revealing the logic of interaction between cultural-historical and political-economic factors have been identified, and a method of world-system analysis has been proposed complementarily. It is concluded that stable political institutions in Russia have always been shaped under the influence of deep cultural and historical processes. During those periods when this pattern gave way to a mechanical choice of political institutional forms, crisis processes grew in society. In the twentieth century, a similar situation led to the emergence of the phenomenon of a “divided people” and a crisis of national identity. Society today is forced to overcome the far-reaching consequences of this crisis in the format of the special military operation.

Key words: cultural specificity, civilizational theories, liberal evolutionism, neo-colonialist thinking, political-ideological paradigm, Russian-Byzantine cultural-historical type, spontaneous egalitarianism, continuity, iconicity, participatory nature, world-system analysis

DOI: 10.31857/S020170832402013X

REFERENCES

- Anderson B (2001) *Voobrazaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokah i rasprostraneniі nacionalizma* [Imagined Communities. Reflections on the origins and spread of nationalism], KA-NON-press-TS; Kuchkovo pole, Moscow, Russia. (In Russian).
- Danilevsky N.Ya. (1995) *Rossiya i Evropa. Vzgl'yad na kul'turnye i politicheskie otno-sheniya Slavyanskogo mira k Germano-Romanskomu* [Russia and Europe. A look at the cultural and political relations of the Slavic world to the German-Roman world], Izdatel'stvo S.-Peterburgskogo universiteta; Izdatel'stvo «Glagol'», Saint Petersburg, Russia. (In Russian).
- Easton D. (1997) Kategorii sistemnogo analiza politiki [Categories of systems policy analysis], in Alekseeva T.A. (ed.) *Antologiya mirovoj politicheskoy mysli* [Anthology of world political thought], in 5 vol., 2, Mysl', Moscow, Russia. (In Russian).
- Gray J. (2003) *Pominki po Prosveshcheniyu: Politika i kul'tura na zakate sovremen-nosti* [Wake of the Enlightenment: Politics and Culture in the Decline of Modernity], Praxis, Moscow, Russia. (In Russian).
- Hobsbaum E (1998) *Nacii i nacionalizm posle 1780 goda* [Nations and nationalism after 1780], Aleteiya, Saint Petersburg, Russia. (In Russian).
- Hobsbaum E., Ranger T. (es.) (1983) *The Invention of Tradition*. Cambridge.
- Lotman Yu.M. (1989) Problema vizantiiskogo vliyaniya na russkuyu kul'turu v tipologicheskom osveshchenii, in Knyazevskaya T.B. (ed.) *Vizantiya i Rus' (pamyati Very Dmitrievny Likhachevoj. 1937–1981)* [Byzantium and Rus' (in memory of Vera Dmitrievna Likhacheva. 1937–1981)], Nauka, Moscow, Russia, pp. 227–236 (In Russian).

- Panarin A.S. (1999) *Rossiya v ciklah mirovoj istorii* [Russia in the cycles of world history], Izd-vo MGU, Moscow, Russia. (In Russian).
- Pokrovsky M.N. (1923) Vostochnyj vopros (Ot Parizhskogo mira do Berlinskogo kon-gressa) [The Eastern Question (From the Peace of Paris to the Berlin Congress)], in Pokrovsky M.N. (ed.) *Diplomatiya i vojny carskoj Rossii v XIX stoletii*, Krasnaya Nov', Moscow, Russia, pp. 230–301. (In Russian).
- Sevastyanov A. (2012) Idoly konstruktivizma [Idols of constructivism], *Voprosy nacionalizma*, 10, pp. 191–233. (In Russian).
- Shchipkov A.V. (2017) *Social-tradiciya* [Social tradition], AST-PRESS KNIGA, Moscow, Russia. (In Russian).
- Shchipkov A.V. (ed.) (2017) *Po-drugomu: Sbornik statej o tradicii i smene ideologicheskogo diskursa* [In a different way: Collection of articles on tradition and change in ideological discourse], Abris, Moscow, Russia. (In Russian).
- Soloviev V.S. (1990) Ob upadke srednevekovogo mirosozercaniya [On the decline of the medieval worldview]. Referat, chitannyj v zasedanii Moskovskogo Psihologicheskogo obshchestva 19 oktyabrya 1891 goda, in Gulygi A.V., Loseva A.F. (ed.) *Sochineniya v 2 t.*, 2, Mysl', Moscow, Russia, pp. 339–350. (In Russian).
- Soros J. (1999) *Krizis mirovogo kapitalizma. Otkrytoe obshchestvo v opasnosti* [The Crisis of Global Capitalism. The open society is in danger], INFRA-M, Moscow, Russia. (In Russian).
- Wallerstein I. (2008) *Istoricheskij kapitalizm. Kapitalisticheskaya civilizaciya* [Historical capitalism. Capitalist civilization], Tovarishchestvo nauchnyh izdaniy KMK, Moscow, Russia. (In Russian).
- Weber, M. (2002) *Protestantskaya etika i duh kapitalizma* [Protestant ethics and the spirit of capitalism], East View, Moscow, Russia. (In Russian).
-

УДК 323.1

КОНСТРУКТИВНЫЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ КОНСТРУИРУЕМОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

© 2024 **ФАДЕЕВА Любовь Александровна**

Доктор исторических наук, профессор

*Кафедра политических наук историко-политологического факультета
Пермский государственный национальный исследовательский университет
6149900, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15*

E-mail: lafadeeva2007@yandex.ru

Поступила в редакцию 03.02.2024

Принята к публикации 13.03.2024

Аннотация. В статье охарактеризованы направления и результаты исследований идентичности, расширение исследовательского поля и понятийного ряда. Автор считает важным междисциплинарный и полидисциплинарный подход, который утвердился в идентитарных исследованиях. Выстраивая общую канву и определяя сравнительный контекст анализа идентичности в целом и политической идентичности в частности, в центр внимания автор статьи помещает коллективные монографии «Интеграционный и дезинтеграционный потенциал идентичности в истории и современности» и «Идентичность. Личность, общество политика. Новые контуры исследовательского поля». Междисциплинарный труд томских ученых структурирован на три части, соответствующие авторской методологии. Это дает возможность описать ключевые позиции авторов каждой части и сопоставить их с наработанными методами в социогуманитарных науках. Научная актуальность и политическая релевантность характеризуют каждое из выбранных авторами монографии измерений, что определяет высокую дискуссионность предлагаемых сюжетов и оценок. Коллективная монография под редакцией члена-корреспондента РАН И.С. Семененко состоит из 44 разделов, написанных коллективом из 32 авторов. В статье содержится обзор ключевых разделов и направления поисков исследователей, отмечена роль ответственного редактора – одного из лидеров идентитарных исследований в современной России. Рассмотренная работа нацелена на продвижение проблематики идентичности не только в научных дискуссиях, но и в публичном пространстве, поскольку авторы рассматривают идентичность как важный ресурс развития. Коллективные монографии объединяет выведение идентичности в мейнстрим социогуманитарной и политиче-

ской науки, определение потенциала идентичности как ресурса общественного развития, интеграции (или дезинтеграции) общества. Анализ проведенных исследований дает основания отнести их к успешному поиску самостоятельного вектора отечественной науки.

Ключевые слова: идентичность, политическая наука, междисциплинарный подход, политическая идентичность, исследовательское поле, идентитарные исследования

DOI: 10.31857/S0201708324020141

Осмыслить переплетение векторов идентичности

Несколько лет назад уже можно было говорить об укоренении идентитарных исследований в российской политической науке [Фадеева, Назукина, 2020: 201]. Сегодня не является преувеличением тезис о том, что идентичность оказалась «в мейнстриме политической науки и в фокусе публичной политики» [Семененко, 2023: 9]. Одна за другой выходят монографии и научные статьи по политической идентичности и сопряженным понятиям [Cristensen, 2020; Миллер, Ефременко, 2020; Мчедлова, Казаринова, 2020; Stockemer, 2022], появились первые учебники и учебные пособия по политике идентичности [Капицын, 2018; Фадеева, 2023]. Задачи статьи – провести анализ исследований идентичности на примере вышедших в 2023 г. коллективных монографий «Интеграционный и дезинтеграционный потенциал идентичности в истории и современности» и «Идентичность. Личность, общество политика. Новые контуры исследовательского поля» и определить конструктивность предлагаемых подходов.

Авторы монографии «Интеграционный и дезинтеграционный потенциал идентичности в истории и современности», опубликованной издательством Томского государственного университета, в аннотации заявили, что цель работы – «осмысление взаимосвязи и сложных переплетений векторов идентичности в различных географических рамках» [Харусь, 2023]. Монография – результат многолетнего междисциплинарного проекта, объединившего историков и политологов ТГУ, что объясняет сосредоточенность авторов на конкретно-исторической обусловленности процессов конструирования идентичности. Три вектора идентичности в монографии определяют выбор измерений идентичности, представленных как территориальная/региональная, общенациональная/государственная и межгосударственная/европейская [Харусь, 2023: 12]. Этому соответствует структура монографии.

Первая глава «Проблема национальной идентичности в русской общественно-политической мысли второй половины XIX века», написанная историком В.Н. Кудряшовым, продолжает проблематику его докторской диссертации. Автор переходит от характеристики национального вопроса к анализу национальной идентичности. Заявленная тема обрела в последние годы особую актуальность, а проявленная автором основательность и опора на широкий круг источников позволяют избежать конъюнктуры и ответить на острые вопросы о русском национальном дискурсе. В главе представлен широкий спектр общественно-политической мысли,

включая отношение к польской проблеме и к украинофильству, которые оценивались как препятствие для идеи большой русской нации [Харусь, 2023: 38]. В.Н. Кудряшов определяет рефлексивность общественно-политической мысли, вариативность предлагаемых проектов национальной политики и развития национального самосознания, обрусения населения Западного края.

Автор доказывает, что при всех различиях в политических взглядах у славянофилов и имперцев «сложились устойчивые и универсальные ... взгляды на “польский вопрос”». Либералы тоже не видели альтернативы пребыванию Польши в составе России [Харусь, 2023: 53, 59]. Для социалистов национальный вопрос мог быть решен только в совокупности с социальным. Радикально настроенный А.И. Герцен, «обличая соглашательство русской интеллигенции, продолжал настаивать на “двух Россиях” и резко реагировал на несправедливость общественного мнения Европы (и поляков), возлагавшего солидарную вину и на русских в целом» [Харусь, 2023: 79].

На страницах главы звучат голоса М.Н. Каткова, М.А. Бакунина, Л.А. Тихомирова, Н.Г. Чернышевского и многих других, что придает тексту живость и эмоциональность, демонстрирует столкновение позиций и суждений. Польский вопрос и выделившийся из него малороссийский были факторами определения российской национальной идентичности. Автор убедительно демонстрирует, что мыслители «не готовы были к восприятию украинцев как сформировавшейся отдельной от русских нации, воспринимая эту идею как происки поляков и немцев, стремившихся к расколу единой русской народности. Либералы и народники-реформаторы готовы были признать украинцев состоявшейся нацией, но без претензий на политическую самостоятельность» [Харусь, 2023: 103]. Вероятно, было бы целесообразно упомянуть формировавшийся в то время подход В.И. Ленина к национальному вопросу, по которому он ясно высказался уже в 1903 г. [Ленин, 1967: 233–242]. Материал главы и аналитические оценки автора представляют значительный интерес, и результаты его работы востребованы исследователями [Фадеева, Плотноков, 2022: 508].

Междисциплинарный характер исследований идентичности

Проблематика второй главы выглядит обоснованной междисциплинарным характером коллективной монографии. В этой части работы рассмотрена сибирская идентичность, т. к. региональная и локальная идентичности представляют важное основание идентичности и ресурс территориального развития. Поскольку манифестация территориальной идентичности не носит очевидного характера, а процесс ее формирования (конструирования) в значительной мере стихийен, перед авторами стояла сложная задача. Опираясь на наработанные областниками интерпретации форм и способов репрезентации региональной идентичности («сибирства»), И.В. Нам, О.А. Харусь, В.В. Шевцов показывают ее «вариативность в различных исторических обстоятельствах» [Харусь, 2023: 114].

Зеркалом сибирской идентичности для авторов выступают региональная периодика второй половины XIX в., которая конструировала образ «сибирства», матери-

алы общественных и политических организаций, собраний земства начала XX в., выступления депутатов от Енисейской губернии на заседаниях Государственной думы, съездов Томского губернского собрания, а после революции 1917 г. – томских областных съездов. Советский строй положил конец идеям областничества, а с концом советского государства произошел ренессанс «сибирства». В новой ситуации интерпретационные версии сибирской идентичности, как показано в главе, разрабатываются общественными организациями, Партией независимости Сибири, не имевшей официальной регистрации, а также на страницах «Сибирской газеты» и в интернет-пространстве. В главе подробно описаны «номенклатурный регионализм», перипетии акции «Мы – сибиряки», особенно в период Всероссийской переписи населения 2010 г. Авторы считают, что существует инвариантное ядро региональной (точнее – субрегиональной) идентичности – устойчивые конструкты представлений о Сибири как особой территориальной общности.

Работа вносит вклад в региональные исследования и анализ территориальной идентичности, однако авторы не обращают свой взгляд на Восток. Вместе с тем актуальная проблема для России и российской идентичности – «осмыслить судьбу русской Азии как важнейшую часть судьбы страны» (Л. Бляхер)¹. Исследование могло бы продвинуть понимание евразийского фактора российской идентичности.

Третья часть коллективной монографии посвящена формированию и эволюции европейской идентичности с 1992 по 2016 гг. Л.В. Дериглазова, Г.В. Грошева, Д.С. Коньков закономерно помещают проблему конструирования европейской идентичности в контекст европейской интеграции. Глава логически выстроена, авторы выбирают кейс наднационального уровня и национальный кейс на примере Германии, специальное место отводится такому инструменту политики идентичности, как политика памяти, через интерпретацию европейского наследия на примере истории Древнего Рима в школьных программах Британии. Внимание авторов сосредоточено на деятельности политических элит и наднациональных институтов ЕС по формированию европейской гражданской идентичности, а массовый уровень представлен результатами опросов общественного мнения. Важный сюжет – отношение граждан России к Европе и Евросоюзу, однако в оценочных суждениях преобладают либеральные интерпретации, несмотря на то что исследования российских социологических центров уже в начале 2000-х гг. показывали доминирование антизападных настроений и определение западных стран, в т. ч. европейских, как извечного недоброжелателя и даже врага России.

Описание в третьей главе кризиса национальной идентичности немцев закономерно, но утверждение о банкротстве идей немецкой нации преувеличено. Преодоление прошлого характеризуется пунктирно. К сожалению, историки не сочли нужным задействовать многолетние труды историка А.И. Борозняка [Борозняк,

¹ Падерина С. Да, евразийцы мы? Поворот России к Востоку за национальной идентичностью. 5.02.2019. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/postsoviet/davraziytsy-my-povorot-rossii-k-vostoku-za-natsionalnoy-identichnostyu/?sphrase_id=130475685 (дата обращения: 31.01.2024).

2014], который представил убедительные доказательства, что тезис об исключительном успехе политики памяти в ФРГ пошатнулся после воссоединения страны и попыток перенести основную ответственность за преступное прошлое на ГДР. Не кажутся актуальными утверждения, что национальное самосознание немцев находится «под строгим контролем мировой общественности» и подвергается целенаправленному давлению [Харусь, 2023: 225, 229]. Обширные и детальные данные относительно настроений молодого поколения ФРГ дают возможность оценить основания его еврооптимизма.

Обращение к анализу курсов истории в Британии на примере преподавания Древнего Рима позволяет использовать цивилизационный подход в исследовании идентичности. Выводы в главе сформулированы четко и убедительно. Возникает вопрос, почему авторы остановились в использовании литературы, характеристике степени изученности проблематики европейской идентичности на обозначенных в названии хронологических рамках. Публикации последующих лет существенно расширили анализ этой проблематики [Семененко, 2018; Семененко, 2020; Younge, 2020; Agarín, 2022]. Не использовано энциклопедическое издание «Идентичность. Личность, общество, политика», в котором специальные главы посвящены европейской идентичности [Котта, 2017].

Определение новых контуров исследовательского поля идентичности

В 2023 г. под редакцией члена-корреспондента РАН И.С. Семененко вышла коллективная монография «Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля» [Семененко, 2023]. Задачи авторов облегчало наличие фундаментального энциклопедического издания. Новое издание почти в два раза менее объемное по числу страниц, но не по объему поставленных задач. Расширены дискурсивное и концептуальное поле, понятийный ряд измерений идентичности. Монография начинается с определения концептуального пространства, которое включает такие понятия, как сложное общество, разделенные общества, полицентричный мир. Второй раздел помещает дискурсы идентичности в мир-политический ракурс – глобализационный, постколониальный, геополитический, этнокультурный и цивилизационный.

Вызовы политизации характеризуются через трансформацию представлений о социальной справедливости и социальной солидарности, национализма и регионализма, идентизма как поиска новой идеологии. Стресс, дискриминация, дискредитация создают нерв нарративов идентичности. Расширение понятийного ряда включает глобальную, инклюзивную, экологическую, сельскую, мигрантскую идентичности.

Идентичность представлена как динамичная и изменчивая. Заключительный раздел обозначен через борьбу за идентичность и борьбу идентичностей, включая войны памяти и культурные войны, балканизацию и культуру отмены. Постправда и постсовременность завершают раздел. Достоинство этого издания – наличие резюме в каждом разделе, которое намечает контуры новых исследований.

Коллектив авторов состоит из 32 исследователей из ведущих российских академических и университетских центров. Ядро формируют ученые из ИМЭМО (И.С. Семенов, В.И. Пантин, И.Л. Прохоренко, В.В. Лапкин и др.). Широко представлен Кубанский госуниверситет (Е.В. Морозова, И.В. Мирошниченко, И.В. Самаркина и др.) В трактовках и определениях авторов есть единство замысла, но нет однообразия. Можно заметить различия в суждениях и оценках. По каждому из рассматриваемых в монографии понятию и сюжету существует широкая палитра мнений, которая в основном отражена в исследовании в соответствии с представлениями и предпочтениями авторов. Некоторые сюжеты, напротив, недостаточно проработаны (например, рынок идентичностей). Библиографический список составлен скорее по принципу цитируемости публикаций авторами монографии, а не охвата полноты библиографии.

В целом, И.С. Семенов подобно опытному дирижеру искусно управляет симфонией смыслов и интерпретаций. Ответственный редактор четко выдерживает общую линию монографии, начиная с постановки вопроса об идентичности как ресурсе общественного развития и завершая определением научных перспектив и российских приоритетов. Важен нравственный камертон, который призван, по мнению И.С. Семенова, внести в идентитарные исследования позитивные жизненные смыслы, идеи и ценности.

Заключение

Современные исследования идентичности характеризуются многозадачностью и многовекторностью. Историческая обусловленность разных измерений идентичности выводит авторов на политически релевантные сюжеты и проблемы. Идентичность в научных публикациях пересекается с публичным дискурсом. В обоих дискурсах проявляется высокая степень состязательности подходов и оценок. Это свойственно как для международного, так и для внутристранового измерений. Политическая идентичность в условиях острой борьбы влечет принципиально разные варианты политики идентичности. В современных условиях объектом секьюритизации выступают не только коллективные идентичности, но и проводимые курсы по утверждению политики идентичности.

Наработанный исследовательский инструментарий способствует дальнейшему развитию предметного поля. В то же время некоторые устоявшиеся категории анализа, такие как политика идентичности, требуют трансформации с учетом как научных, так и вненаучных (общественных, политических) факторов.

Рассмотренные коллективные монографии отвечают запросам на самостоятельность отечественной политической науки, которая ориентируется на достижения ученых разных стран и научных направлений, но в то же время предлагает собственные решения научных проблем и определение исследовательских перспектив. Выстроенные в конструктивистской научной парадигме, рассмотренные работы демонстрируют конструктивный подход к исследованию идентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Борозняк А.И. (2014) *Жестокая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и начала XXI века*. РОССПЭН, Москва. 351 с.
- Капицын В. С. (2018) *Теория и политика идентичности*. НИЦ Инфра-М, Москва. 219 с.
- Котта М. (2017) *Европейская идентичность: вызовы современности*. Идентичность. Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. Отв. ред. И.С. Семененко. ИМЭМО РАН; Весь Мир, Москва. С.184–192.
- Ленин В.И. (1967) Национальный вопрос в нашей программе. *Полное собрание сочинений: в 55 т.* Т. 7. Сентябрь 1902 ~ сентябрь 1903. Гос. изд-во полит. лит., Москва. С. 233–242.
- Миллер А.И., Ефременко Д.В. (ред.) (2020) *Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Актеры, институты, нарративы*. Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург. 632 с.
- Мчедлова М.М., Казаринова Д.Б. (2020) Политика идентичности: конкуренция новых теоретических смыслов и политических стратегий. *Политическая наука*. № 4. С. 13–35. DOI: 10.31249/poln/2020.04.01
- Семененко И.С. (отв. ред.) (2017) *Идентичность. Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание*. ИМЭМО РАН; Весь Мир, Москва. 992 с.
- Семененко И.С. (2018) Национализм, сепаратизм, демократия... Метаморфозы национальной идентичности в «старой» Европе. *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 70–87. DOI: 10.17976/jpps/2018.05.07
- Семененко И.С. (2020) Новые ракурсы политики идентичности: трудная память в музеях истории XX века. *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 64. № 5. С. 16–32.
- Семененко И.С. (отв. ред.) (2023) *Идентичность. Личность, общество политика. Новые контуры исследовательского поля*. ИМЭМО РАН; Издательство «Весь Мир», Москва. 512 с.
- Фадеева Л.А. (отв. ред.) (2023) *Политика идентичности: понятия, смыслы, практики*. ИЦ «Титул»; ФГБОУ ВО «ПГНИУ», Пермь. 320 с.
- Фадеева Л.А., Назукина М.В. (2020) Институционализация политической науки в России: факторы, уровни, результаты (на примере идентитарных исследований). *Политическая наука*. № 1. С. 201–220. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.08>
- Фадеева Л.А., Плотников Д.С. (2022) Украинский фактор трансформации российской идентичности. *Вестн. Удм. Ун-та. Социология. Политология. Международные отношения*. Т. 6, вып. 4. С. 506–519. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2022-6-4-506-519>
- Харусь О.А. (ред.) (2023) *Интеграционный и дезинтеграционный потенциал идентичности в истории и современности*. Изд-во Томского ун-та, Томск. 272 с.
- Agarin T. (2022) *The Not So Suprising Longevity of Identity Politics. Contemporary Challenges of the State-Society Compact in Central Eastern Europe*. Routledge. 336 p.
- Cristensen N.N. (ed.) (2020) *Political Identity and Democratic Citizenship in Turbulent Times*. IGI Global Publisher of Timely Knowledge, University of Aalborg, Aalborg, Denmark. 331 p.
- Stockemer D. (2022) *Muslims in the Western World. Sense of Belonging and Political Identity*. Springer. 151 p.
- Younge G. (2020) *Who are We? How Identity Politics Took Over the World*. Penguin. 256 p.

Constructive Approaches to Analysis of Constructed Identity

L.A. Fadeeva

Doctor of Sciences (History)

*Professor of the Department of Political Sciences of the Historical
and Political Science Faculty, Perm State National Research University*

15, Street Bukirev, Perm, Russia, 6149900.

E-mail: lafadeeva2007@yandex.ru

Abstract. The article deals with the main directions and outcomes of identity research along with the expansion of the research field as a whole and concept list. The author explores an interdisciplinary and multidisciplinary approach well established in identitarian research. By building a general outline and defining the comparative context of the analysis of identity in general and political identity in particular, the article explores collective monographs “Integration and disintegration potential of identity in history and modernity” and “Identity. Personality, society politics. New contours of the research field”. The interdisciplinary work of Tomsk scientists is structured into three parts, corresponding to the author’s methodology. This approach enables to characterize the key positions of the authors of each part, comparing them with the arsenal developed in the social and humanities. Scientific and political relevance characterize each of the dimensions chosen by the authors of the monograph, which also determines the high disputability of the proposed topics and assessments. The collective monograph edited by Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences I.S. Semenenko has 44 sections written by a team of 32 authors. The article contains an overview of key sections and directions of research, and notes the role of the executive editor, who is one of the leaders of identitarian research in modern Russia. The collective monograph is aimed at promoting the issue of identity not only in scientific discussions, but also in the public space, since identity is considered as an important development resource. Despite all the differences in format, structure, objectives and approaches, these works are united by bringing identity into the mainstream of socio-humanitarian and political science, determining the potential of identity as a resource for social development, integration (or disintegration) of the society. Analysis of the research conducted gives grounds to attribute them to the successful search for an independent vector of domestic science.

Key words: identity, political science, political identity, interdisciplinary approach, research field, identitarian studies

DOI: 10.31857/S0201708324020141

REFERENCES

Agarin T. (ed.) (2022) *The Not So Suprising Longevity of Identity Politics. Contemporary Challenges of the State-Society Compact in Central Eastern Europe*, Routledge.

Boroznyak A.I. (2014) *Zhestokaya pamyat'. Natsistskii reikh v vospriyatii nemtsev vtoroi poloviny XX I nachala XXI veka* [Cruel memory. The Nazi Reich as perceived by Germans in the second half of the 20th and early 21st centuries], ROSSPEN, Moscow, Russia. (In Russian).

Cotta M. (2017) Evropeiskaya identochnost': vyzovy sovremennosti [European identity: challenges of our time], in Semenenko I.S. (ed.) *Identity. Personality, society, politics. Encyclopedic edition*, IMEMO RAS; Ves Mir, Moscow, Russia, pp. 184–192. (In Russian).

Cristensen N.N. (2020) *Political Identity and Democratic Citizenship in Turbulent Times*, IGI Global Publisher of Timely Knowledge, University of Aalborg, Aalborg, Denmark.

Fadeeva L.A. (2023) *Politika identichnosti: ponyatiya, smysly, kontsepty* (2023) [Identity politics: concepts, meanings, practices], IC “Titul”, FSBEI HE “PGNIU”, Perm, Russia. (In Russian).

Fadeeva L.A., Nazukina M.V. (2020) *Institutsionalizatsia politicheskoi nauki v Rossii: factory, urovni, resul'taty (na primere identitarnykh issledovanii)* [Institutionalization of political science in Russia: factors, levels, results (on the example of identitarian research)], *Political science*, 1, pp. 201–220. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.08> (In Russian).

Fadeeva L.A., Plotnikov D.S. (2022) *Ukrainskii factor transformatsii rossiiskoi identochnosti* [Ukrainian factor of transformation of Russian identity], *Vestn. Udm. unta. Sociology. Political science. International relationships*, 6(4), pp. 506–519. DOI: <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2022-6-4-506-519> (In Russian).

Kapitsyn V.S. (2018) *Teoriya i politika identichnosti*. [Theory and politics of identity]. NIC Infra-M, Moscow, Russia. (In Russian).

Kharus O.A. (2023) *Integratsionnyi I desintegratsionnyi potentsial identichnosti v istorii i sovremennosti* [Integration and disintegration potential of identity in history and modernity], Tomsk University Publishing House, Tomsk, Russia. (In Russian).

Lenin V.I. (1967) *Natsional'nyi vopros* [The national question in our program], Complete works: in 55 vol, 7, September 1902 ~ September 1903, State. political publishing house lit., Moscow, Russia, pp. 233–242. (In Russian).

Mchedlova M.M., Kazarinova D.B. (2020) *Politika identichnosti: konkurentsia novykh teoreticheskikh smyslov I politicheskikh strategii* [Identity politics: competition of new theoretical meanings and political strategies], *Political science*, 4, pp. 13–35. DOI: 10.31249/poln/2020.04.01 (In Russian).

Miller A.I., Efremenko D.V. (ed.) (2020) *Politika pamyati v sovremennoi Rossii I stranakh Vostochnoi Evropy. Aktory, instituty, narrativy* [The politics of memory in modern Russia and the countries of Eastern Europe. Actors, institutions, narratives], Publishing house of the European University in St. Petersburg, St. Petersburg, Russia. (In Russian).

Semenenko I.S. (2018) *Natsionalizm, separatizm, demokratiya... Metamorfozy nacional'noj identichnosti v «staroj» Evrope* [Nationalism, separatism, democracy... Metamorphoses of national identity in “old” Europe], *Polis. Political studies*, 5, pp. 70–87. DOI: 10.17976/jpps/2018.05.07. (In Russian).

Semenenko I.S. (2020) *Novye rakursy politiki identichnosti: trudnaya pamyat' v muzeyah istorii XX veka* [New perspectives on identity politics: difficult memory in museums of history of the twentieth century], *World Economy and International Relations*, 64(5), pp. 16–32. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-5-16-32 (In Russian).

Semenenko I.S. (ed.) (2017) *Identichnost'. Lichnost'. Obschestvo. Politika. Entsiklopedicheskoe izdanie* [Identity. Personality, society, politics. Encyclopedic edition], IMEMO RAS; Ves Mir, Moscow, Russia. (In Russian).

Semenenko I.S. (ed.) (2023) *Identichnost'. Lichnost'. Obschestvo. Politika. Novye kontury issledovatel'skogo polya* [Identity. Personality. Society. Politics. New contours of the research field], IMEMO RAS; Ves Mir, Moscow, Russia. (In Russian).

Stockemer D. (2022) *Muslims in the Western World. Sense of Belonging and Political Identity*, Springer.

Young G. (2020) *Who are We? How Identity Politics Took Over the World*, Penguin.

УДК 321.8, 323.225, 329.052, 339.924

ЕВРОСКЕПТИЦИЗМ В СРЕДЕ РУССКОЯЗЫЧНОГО СООБЩЕСТВА ЭСТОНИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

© 2024 ТАМБИ Сергей Александрович

Соискатель

*Кафедра интеграционных процессов, МГИМО МИД России
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, д. 76*

E-mail: sergey.tambi@gmail.com

Поступила в редакцию 09.10.2023

Принята к публикации 13.03.2024

Аннотация. Отношение проживающих в Эстонской Республике (ЭР) русскоязычных к процессам евроинтеграции с 1991 г. претерпело трансформацию. Для значительной части представителей национальных меньшинств свойственно широкое распространение евроскептицизма. В статье комплексно проанализированы особенности евроскептических взглядов среди русскоязычного сообщества ЭР, а также оценена степень распространения евроскептических идей. Показан типичный портрет евроскептического русскоязычного избирателя. Определен круг евроскептических партий ЭР, которые оказывали или оказывают воздействие на отношение русскоязычных жителей к ЕС. Раскрыто содержание евроскептических убеждений русскоязычного избирателя. Установлены причины традиционной популярности евроскептических идей среди русскоязычного населения. Сделан вывод, что еврооптимистическая или нейтральная позиция русскоязычных в 1990-х гг., связанная с надеждами на улучшение положения после вступления Эстонии в Евросоюз, трансформировалась в евроскептическую. Для евроскептицизма русскоязычного населения ЭР характерен тренд на относительную стабилизацию евроскептических настроений избирателей. Приведен прогноз относительно развития в среднесрочной перспективе евроскептического потенциала русскоязычных ЭР. В исследовании использован институциональный метод, а также метод дискурс-анализа.

Ключевые слова: русская община, соотечественники, Европейский союз, евроскептицизм, европейская интеграция, Эстония

DOI: 10.31857/S0201708324020153

Научные исследования по эстонской проблематике часто рассматривают этнический конфликт эстонцев и русскоязычных. Дополнительную линию раскола можно провести в разном отношении титульной нации и русскоязычных к процессам евроинтеграции. Значительная часть русскоязычных жителей Эстонской Республики (ЭР) – страны, чьи еврооптимистические политические элиты поддерживают углубление евроинтеграции как вширь, так и вглубь [Wrang, Bengtsson, 2019: 449], – имеют укорененные евроскептические настроения. Нахождение русскоязычных в трудном экономическом положении, недостаточная развитость регионов, где они проживают (например, уезд Ида-Вирумаа), – все это способствует сохранению и поддержанию евроскептического дискурса. Значительная часть русскоязычных ЭР не имеет прочной связи со страной своего проживания, а их доверие как к государственным институтам, так и к институтам Евросоюза находится на низком уровне.

Современный евроскептик в Эстонии – это житель среднего или пенсионного возраста, родной язык которого – русский, получивший базовый уровень образования, не имеющий постоянной работы, с низким уровнем дохода, проживающий в Таллине или в отдаленных регионах [Austers, Nikišins, 2017: 161]. Русскоязычные относятся к Евросоюзу значительно более скептически, чем носители эстонского языка (использующие русский язык в семье склонны рассматривать членство ЭР в ЕС в более пессимистическом свете, чем говорящие на эстонском) [Denisa-Lierpiese, 2017: 69, 72]. Среди русскоязычных респондентов больше распространен ответ «затрудняюсь ответить» (т. н. серая зона) в отношении привлекательности Евросоюза, чем среди этнических эстонцев.

Истоки евроскептицизма среди русскоязычного населения

В 1990-е гг. сильные евроскептические настроения сформировались и укоренились в преимущественно русскоязычных регионах Эстонии [Vetik, 2003: 257], что было обусловлено высоким уровнем безработицы, материальными различиями представителей титульной нации и национального меньшинства, нахождением значительной части русскоязычных в информационном пространстве России. Кроме того, на отношение к Евросоюзу повлияли неприятие внешней политики Таллина, симпатии к советскому прошлому, историческая память [Gorelov, 2020: 55], стремление защитить языковой, культурный и геополитический выбор и продолжить комфортное общение с родственниками и друзьями в России. Важными факторами выступают желание сохранить пространство русского языка, поддержка российских властей и наличие Москвы как альтернативного центра влияния в прибалтийском регионе. Значительная часть русскоязычных воспринимает членство Эстонии в Евросоюзе как фактор, произвольно отталкивающий их (как и ЭР) от России.

До вступления Эстонии в ЕС часть русскоязычного населения относилась позитивно к ЕС (что подкреплялось редкими случаями оказания нажима Брюсселя на Таллин с целью интенсификации процесса натурализации русскоязычных и проведения более дружелюбной политики по защите национальных меньшинств). К началу 2000-х гг. поддержка Евросоюза среди русскоязычного населения резко упала. В 2000 г. большинство жителей региона Вирумаа в качестве «самого важного приоритета» для будущего государства выбрали сотрудничество с РФ (45,7%), интеграцию в мировую экономику (35,7%) и независимое и суверенное государство (31,2%). Вступление в ЕС заняло только 4-е место¹.

Негражданам (преимущественно представителям русскоязычного населения ЭР; в 2003 г. – примерно 12% населения) не было предоставлено права голоса на референдуме по вступлению в ЕС. Обнародованные результаты показали, что доля противников ЕС составила 33,17%. Более 40% жителей Нарва-Йыэсуу, Силламяэ, Палдиски, Маарду, Кохтла-Ярве и Нарвы выступило против евроинтеграционного курса. В Муствеэ этот показатель составил больше половины голосов, а в Калласте – более 60%².

Значительное число русскоязычных в ЭР подвержены евроскептическим идеям в сильно выраженной форме: они усматривают в членстве в ЕС создание препятствий для социальной сплоченности в Эстонии. Многие русскоязычные пенсионеры резко критикуют ЕС в особенности из-за получения небольших пенсионных выплат. Проведенный в сентябре 2018 г. опрос³ пенсионеров из Нарвы показал их недовольство неблагоустроенностью в городе, неразвитостью местной инфраструктуры, высокой стоимостью коммунальных услуг, длительным отсутствием индексации пенсии. Они отмечали, что после вступления в ЕС ситуация стала намного хуже.

Идейно-политические выразители евроскептических настроений русскоязычных

Эстонский евроскептицизм не институционализирован и слабо консолидирован в рамках партийной системы [Воротников, 2017: 138]. Однако политические партии часто используют евроскептические настроения русскоязычных в преддверии муниципальных и парламентских выборов, а также выборов в Европарламент. Из числа т. н. русских партий (утративших к 2003 г. представительство в Рийгикогу) евроскептицизм в ЭР исповедовали завершившие деятельность Объединенная народ-

¹ Eesti elanikud ja Euroopa Liit: portreed 1998-2000. ELIS. URL: <http://www.elis.ee/data/up/1virumaa.pdf> (дата обращения: 29.09.2023).

² Hääletamistulemus. Rahvahääletus 14.09.2003. Vabariigi Valimiskomisjon. URL: <http://www.vvk.ee/varasemad/?v=rh03> (дата обращения: 27.09.2023).

³ Пенсионерка из Нарвы жестко отчитала власти и Евросоюз. You-Tube канал “Narva Effect #ESTexitEU”. 15.11.2018. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=OAJ8kOhhcRo> (дата обращения: 20.09.2023).

ная партия Эстонии (ОНПЭ), Русская партия Эстонии (РПЭ), Русская партия единства, Русско-Балтийская партия Эстонии и «Единство Эстонии».

Многие из этих политических сил выступали за смягчение языковой политики и дискриминационных требований для получения гражданства. Они полагали, что Брюссель наделен наднациональными законодательными полномочиями по регулированию этой чувствительной для Таллина сферы. Предлагался «третий путь» – интеграция в европейское экономическое и культурное пространство в качестве независимого национального государства вместе с точечной кооперацией через механизмы сотрудничества ЕС и Европейской ассоциации свободной торговли. Партии призывали предоставить до проведения референдума о членстве в ЕС гражданство всем родившимся в стране обладателям паспорта иностранца, имеющим постоянный вид на жительство, и выступали за создание русской культурной автономии. Другими словами, евроскептические политические силы напрямую увязывали вопрос членства в Евросоюзе с успешным решением проблем русскоязычных. Однако Брюссель переложил ответственность на власти Эстонии. К концу 2003 г. Евросоюз оценил законодательство ЭР по отношению к меньшинствам как «соответствующее европейским нормам». После этого многие русскоязычные пересмотрели позицию касательно поддержки евроинтеграции. После вступления в ЕС в 2004 г. Таллин утратил стимул для корректировки национального законодательства с целью расширения участия неграждан в политике [Ланко, Ланцова, 2020: 27].

Деятельность русских партий сопровождалась внутрипартийными конфликтами. Например, РПЭ активно соперничала с ОНПЭ. Партии неохотно объединялись друг с другом, и постепенно их члены и сторонники пополняли ряды Центристской партии Эстонии (ЦПЭ), которую можно причислить к условно русской партии. К этому типу также относятся Объединенная левая партия Эстонии (ОЛПЭ) (она и ее предшественники не поддерживали ликвидацию русскоязычных общеобразовательных школ), а также новая партия «Организация *Koos* указывает на суверенитет». В ЦПЭ имеется заметное русское (во многом евроскептическое) крыло. Партия активно защищала интересы русскоязычных, однако в последнее время стремится изменить укрепившийся образ «русской партии» [Осколков, 2023: 103].

Евроскептический элемент в стратегии КНПЭ по отношению к русскоязычным

Не только русские партии ЭР, но и некоторые правые евроскептические и этнические партии с 1990-х гг. пытались заигрывать с русскоязычным электоратом. Этническая правая Республиканская партия, существовавшая до 2012 г. и исповедующая жесткий евроскептицизм, была убеждена, что Эстонии следует не воспитывать русских эстонцев, а только помочь им обрести национальное чувство. Партия подчеркивала, что русский в ЭР должен гордиться своей национальностью, а для этого необходимо развивать культуру малочисленных народов, сохра-

нить среднее образование на русском языке, разрабатывать позитивную повестку по отношению к РФ¹.

Консервативная народная партия Эстонии (КНПЭ) воспользовалась эрозией статуса ЦПЭ как «всеохватной» партии и уязвимостью русскоязычных избирателей для евроскептической риторики и попыталась в 2021 г. привлечь их (попытки были и раньше, но довольно слабые). КНПЭ эксплуатировала потенциальную угрозу наплыва мигрантов в страну (антииммигрантская платформа), которая объединила этнических эстонцев с русскоязычными. Партия апеллировала к необходимости защиты традиционной семьи и блокированию «тлетворного влияния», исходящего из Брюсселя

Однако многие русскоязычные не забыли жесткую антироссийскую риторику со стороны КНПЭ. Несмотря на то что к сентябрю 2021 г. популярность партии на северо-востоке ЭР достигла 41%², месяцем позже, в связи с нехваткой известных персон в избирательных списках партии в Ида-Вирумаа, Консервативная народная партия неудачно выступила на муниципальных выборах в Нарве.

Современная борьба за голоса русскоязычных евроскептиков

После начала специальной военной операции на Украине в феврале 2022 г. и нового этапа конфронтации России и Запада [Khudoley, 2022: 571] последовал частичный возврат КНПЭ к старой тактике по отношению к русскоязычным: зазвучали требования о закрытии в стране русских школ, сносе советских памятников, установлении ограничений на участие в муниципальных выборах проживающих в ЭР граждан РФ и неграждан. Большинство русскоязычных жителей разочаровалось в Консервативной народной партии, но она продолжает рассчитывать на их поддержку, до последнего цепляясь за этот сегмент электората. Например, заместитель председателя партии М. Хельме сделал резонансное заявление, что КНПЭ выступает не за РФ или Украину, а за мир³.

В марте 2023 г. в Эстонии состоялись парламентские выборы в XV состав Рийгикогу. Победу одержала еврооптимистическая правящая партия премьер-министра К. Каллас – Партия реформ Эстонии, получившая 31,2% голосов (37 мест). На втором месте оказались жесткие евроскептики: КНПЭ получила 97 966 голосов (16,1%) и 17 мест. Левые евроскептики из ОЛПЭ (вместе с движением «Koos – Вместе») показали результат в 2,4%.

¹ Programm. Vabariiklik Partei. URL: <http://vabariiklikpartei.ee/programmest.htm> (дата обращения: 03.09.2023).

² Отс М. Самост: EKRE отличается от центристов 2000-х гг. наличием идеологии. Rus.ERR.ee. 20.09.2021. URL: <https://rus.err.ee/1608344522> (дата обращения: 22.09.2023).

³ Алас Б.М. Март Хельме заговорил по-русски. Rus.Postimees.ee. 26.10.2022. URL: <https://rus.postimees.ee/7634935> (дата обращения: 23.09.2023).

Заключение

Политические элиты Эстонии воспринимают русскоязычное население как препятствие для развития страны и успешной евроинтеграции [Якобсон и др., 2010: 174]. Вступление ЭР в ЕС в 2004 г. не улучшило положение ущемляемого в правах русскоязычного меньшинства. Однако Брюссель все же скептически относится к ассимиляционной практике, к чему Таллину приходится прислушиваться [Тэвдой-Бурмули, 2018: 194].

Русскоязычные в Эстонии не единая монолитная группа. Они различаются по социально-экономическому положению и статусу [Lawrence, 2023: 27]. Часть русскоязычного населения все больше ориентируется на двуязычие, а многие евроскептически настроенные жители пополняют ряды еврооптимистов. Они все меньше ощущают себя чужими в ЭР, их привлекает возможность пользоваться благами членства в ЕС. На это повлияли прекращение в 2022–2023 гг. российско-го телевидения в ЭР, усиление еврооптимистической обработки национальных меньшинств, продолжающийся процесс расщепления лояльности среди русскоязычных и причисление их к представителям эстонской этногражданской нации [Oskolkov, 2023].

С годами возрастает число этнических русских в ЭР (еврорусских [Симонян, 2004: 60–65]), которые соотносят себя с Европой, а не с РФ. Происходит постепенная переориентация русскоязычной молодежи с нарративов российских СМИ на еврооптимистический нарратив большинства эстонских. В этой ситуации русскоязычные потребляют евроскептические нарративы в основном в Интернете [Vihalemm, Juzefovičs, 2021: 253]). В 2022 г. русскоязычные значительно меньше поддерживают членство Эстонии в ЕС по сравнению с этническими эстонцами (74 и 92% соответственно)¹.

В среднесрочной перспективе в ЭР будет сохраняться значительное количество евроскептически настроенных русскоязычных [Bekišas, 2017: 83]. Лозунги евроскептических политических партий продолжают привлекать внимание значительной части русскоязычных избирателей. Вступление Эстонии в ЕС и пребывание в интеграционном объединении отрицательно сказалось на положении национального меньшинства. Многие продолжают считать себя пострадавшими и проигравшими. Значительное число требований русскоязычных до сих пор не выполнено: русская культурная автономия не учреждена, отношения ЭР с РФ переживают кризис, для русскоязычных сохраняется «стеклянный потолок». Продолжает функционировать институт неграждан: на 1 января 2023 г. число апатридов в Эстонии составляло 64 297 чел., или 4,7%. Препятствия для получения гражданства – незнание или плохое знание государственного (эстонского) языка, идеологические связи с Россией, которые усиливаются благодаря безвизовому въезду неграждан из ЭР в РФ, – выступают основой для евроскептицизма. В связи с наличием

¹ Suhtumine Euroopa Liitu 2022. Riigikantselei. URL: <https://riigikantselei.ee/media/2204/download> (дата обращения: 18.09.2023).

ем в Эстонии исторического региона Вирумса со значительным числом русскоязычных евроскептицизм еще в течение длительного времени будет обладать силой и политическим потенциалом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Воротников В.В. (2017) Страны Балтии в условиях Brexit: еврооптимизм vs евроскептицизм. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 10. № 1. С. 122–140. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-01-122-140
- Ланко Д.А., Ланцова И.С. (2020) Национализация партийной системы Эстонии в 2005–2019 гг. *Балтийский регион*. Т. 12. № 1. С. 16–31. DOI: 10.5922/2079-8555-2020-1-2
- Симонян Р.Х. (2004) Новый Балтийский субэтнос – «Еврорусские». *Социология власти*. № 2. С. 59–76.
- Тэвдой-Бурмули А.И. (2018) *Этнополитическая динамика Европейского союза*. Издательство «Аспект Пресс», Москва. 224 с.
- Осколков П.В. (ред.) (2023) *Этническая политика: конфликтные, миграционные и электротальные аспекты*. Ин-т Европы РАН, Москва. 124 с. DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report62023_403.
- Якобсон В., Харро-Лойт Х., Угур К., Вейденбаум К. (2010) Гражданская идентичность эстонской и русской молодежи Эстонии через призму теленостей. *Мир России. Социология. Этнология*. Т. 19. № 1. С. 163–179.
- Austers A. Nīkišins J. (2017) General trends and sociodemographic profiling of EU oppositionists in the Baltic States. *Eurocepticism in the Baltic States: Uncovering Issues, People and Stereotypes*. Ed. by A. Austers, K. Bukovskis. Zinātnē, Latvian Institute of International Affairs, Riga, Latvia. P. 149–193.
- Bekišas T. (2017) Party positions on the European Union in the Baltic States: do they compete? Do they mirror voters' positions? *Baltic Journal of Political Science*. No. 6. P. 75–93.
- Denisa-Liepniece S. (2017) A case of Eurocepticism: Russian speakers in Latvian and Estonian politics. *Eurocepticism in the Baltic States: uncovering issues, people and stereotypes*. Ed. by A. Austers, K. Bukovskis. Zinātnē, Latvian Institute of International Affairs, Riga, Latvia. P. 69–87.
- Gorelov D. (2020) The Role of 9 May Commemorations in the Discursive Construction of Russophone Identity in Estonia. *Europe-Asia Studies*. Vol. 72. Issue 1. P. 55–79. DOI: 10.1080/09668136.2019.1680608
- Khudoley K. (2022) New Russia-West Confrontation: War of Attrition or Escalation? *Strategic Analysis*. Vol. 46. Issue 6. P. 571–584. DOI: 10.1080/09700161.2022.2149980
- Lawrence T. (2023) Estonia: Size Matters. *PRISM*. Vol. 10. No. 2. P. 18–37.
- Oskolkov P. (2023) Estonianness in the Making: Transformations of Ethnic Democracy Model and Nationalism in Estonia. *Ethnopolitics*. DOI: 10.1080/17449057.2023.2216981
- Vetik R. (2003) E'lite vs. People? Euroceptic Public Opinion in Estonia. *Cambridge Review of International Affairs*. Vol. 16. Issue 2. P. 257–271. DOI: 10.1080/0955757030202046
- Vihalemm T., Juzefovičs J. (2021) Sense-making of conflicting political news among Baltic Russian-speaking audiences. *National Identities*. Vol. 23. Issue 3. P. 253–275. DOI: 10.1080/14608944.2020.1723512
- Wrangé J., Bengtsson R. (2019) Internal and external perceptions of small state security: the case of Estonia. *European Security*. Vol. 28. Issue 4. P. 449–472. DOI: 10.1080/09662839.2019.1665517

Euroscepticism in the Russian-Speaking Community of Estonia: Modern Trends and Prospects

S.A. Tambi

Candidate for a degree

Department for Integration Studies, MGIMO University

76, Vernadski prospect, Moscow, Russia, 119454

E-mail: *sergey.tambi@gmail.com*

Abstract. The attitude of Russian-speaking people living in the Republic of Estonia towards the processes of European integration has undergone some transformation since the restoration of Estonia's independence in 1991 to the present day. A significant part of the representatives of national minorities in this state governed by Euro-optimistic political elites is attributed to a quite widespread Euroscepticism. This article is an attempt to analyze the features of Eurosceptic views among the modern large Russian-speaking community of Estonia, as well as to assess the extent of the spread of Eurosceptic ideas there. A typical portrait of a Eurosceptic Russian-speaking voter in Estonia is addressed, especially one who lives in areas of compact settlement of Russian speakers in this state. A circle of Eurosceptic parties in Estonia has been identified that have influenced the attitude of Russian-speaking residents of Estonia towards the EU. The content of the Eurosceptic beliefs of the Russian-speaking voter is revealed. The reasons for the traditional popularity of Eurosceptic ideas among the Russian-speaking population are determined, as well as the extent of anti-EU sentiment in the Russian-speaking community of Estonia. A number of factors have been identified that traditionally influence the sustainability of Euroscepticism in regions of Estonia with a significant Russian-speaking population. It is concluded that if in the 1990s an impressive part of the Russian-speaking residents experienced neutral or even Euro-optimistic sentiments (largely due to their unfulfilled hopes for a qualitative improvement in their discriminatory situation after Estonia joined the EU), then while they gradually discovered that no radical transformations were expected (largely due to Brussels' reluctance to put appropriate pressure on Tallinn), their generally pro-EU position transformed into Euroscepticism. The paper concludes that currently the Euroscepticism of the Russian-speaking population of Estonia is characterized by a trend towards a relative stabilization of the Eurosceptic sentiments of voters. The author using institutional and discursive methods makes a forecast on the future development of Eurosceptic sentiments among Russian-speaking residents in the medium term.

Key words: Russian community, compatriots, European Union, Euroscepticism, European integration, Estonia

DOI: 10.31857/S0201708324020153

REFERENCES

Vorotnikov V.V. (2017) Strany Baltii v usloviyah Brexit: evrooptimizm vs evroskepticizm [The Baltic States in the Context of Brexit: Euro-optimism vs Euroscepticism], *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo*, 10(1), pp. 122–140. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-01-122-140 (In Russian).

Lanko D.A., Lancova I.S. (2020) Nacionalizaciya partijnoj sistemy Estonii v 2005–2019 godah [Nationalization of the Estonian party system in 2005–2019], *Baltijskij region*, 12(1), pp. 16–31. DOI: 10.5922/2079-8555-2020-1-2 (In Russian).

Simonyan R.H. (2004) Novyj Baltijskij subetnos – “Evroruskie” [New Baltic subethnic group – “Euro-Russians”], *Sociologiya vlasti*, 2, pp. 59–76. (In Russian).

Tevdoj-Burmuli A.I. (2018) *Etnopoliticheskaya dinamika Evropejskogo soyuza: Ucheb. posobie dlya studentov vuzov* [Ethnopolitical dynamics of the European Union: A textbook for university students], Publishing house “Aspect Press”, Moscow, Russia. (In Russian).

Oskolkov P.V. (ed.) (2023) *Etnicheskaya politika: konfliktnye, migracionnye i elektoral'nye aspekty* [Ethnic politics: conflict, migration and electoral aspects], Institute of Europe RAS, Moscow, Russia. DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report62023_403 (In Russian).

Yakobson V., Harro-Lojt H., Ugur K., Vejdenbaum K. (2010) Grazhdanskaya identichnost' estonskoj i ruskoj molodezhi Estonii cherez prizmu telenovostej [Civic identity of Estonian and Russian youth in Estonia through the prism of television news], *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya*, 19(1), pp. 163–179. (In Russian).

Austers A., Ņikišins J. (2017) General trends and sociodemographic profiling of EU oppositionists in the Baltic States, in Austers A., Bukovskis K. (ed.) *Euroscpticism in the Baltic States: Uncovering Issues, People and Stereotypes*, Zināne, Latvian Institute of International Affairs, Riga, Latvia, pp. 149–193.

Bekišas T. (2017) Party positions on the European Union in the Baltic States: do they compete? Do they mirror voters' positions? *Baltic Journal of Political Science*, 6, pp. 75–93.

Denisa-Liepniece S. (2017) A case of Euroscpticism: Russian speakers in Latvian and Estonian politics, in Austers A., Bukovskis K. (ed.) *Euroscpticism in the Baltic States: uncovering issues, people and stereotypes*, Zināne, Latvian Institute of International Affairs, Riga, Latvia, pp. 69–87.

Gorelov D. (2020) The Role of 9 May Commemorations in the Discursive Construction of Russophone Identity in Estonia, *Europe-Asia Studies*, 72(1), pp. 55–79. DOI: 10.1080/09668136.2019.1680608

Khudoley K. (2022) New Russia-West Confrontation: War of Attrition or Escalation?, *Strategic Analysis*, 46(6), pp. 571–584. DOI: 10.1080/09700161.2022.2149980

Lawrence T. (2023) Estonia: Size Matters. *PRISM*, 10(2), pp. 18–37.

Oskolkov P. (2023) Estonianness in the Making: Transformations of Ethnic Democracy Model and Nationalism in Estonia, *Ethnopolitics*. DOI: 10.1080/17449057.2023.2216981

Vetik R. (2003) E'lite vs. People? Euroscptic Public Opinion in Estonia, *Cambridge Review of International Affairs*, 16(2), pp. 257–271. DOI: 10.1080/09557570302046

Vihalemm T., Juzefovičs J. (2021) Sense-making of conflicting political news among Baltic Russian-speaking audiences, *National Identities*, 23(3), pp. 253–275. DOI: 10.1080/14608944.2020.1723512

Wrange J., Bengtsson R. (2019) Internal and external perceptions of small state security: the case of Estonia, *European Security*, 28(4), pp. 449–472. DOI: 10.1080/09662839.2019.1665517

=====

**КОНКУРС МОЛОДЫХ МЕЖДУНАРОДНИКОВ СНГ
им. А.А. ГРОМЫКО**

УДК 341.17

**СОЮЗНОЕ ГОСУДАРСТВО В УСЛОВИЯХ
ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ**

© 2024 **МАРКЕВИЧ Дарья Сергеевна**

*Научный сотрудник центра инновационной и инвестиционной политики ГНУ
«Институт экономики НАН Беларуси»
220072, Республика Беларусь, Минск, Сурганова ул., 1-2
E-mail: dasha.markevich@gmail.com*

Поступила в редакцию 01.12.2023

Принята к публикации 13.03.2024

Аннотация. В условиях регионализации, деглобализации и обострения системных противоречий в мировой экономической системе актуальными становятся пересмотр существующих хозяйственных связей государств и защита национальных интересов в условиях геоэкономического и геополитического противостояния. Санкционная политика недружественных государств в отношении России и Беларуси показала необходимость углубления интеграционных процессов в рамках существующих объединений. Цель исследования – определить перспективные направления развития Союзного государства в условиях цифровой трансформации экономики. В статье использован инструментарий мир-системного анализа для определения тенденций и перспектив сотрудничества Беларуси и России в рамках Союзного государства в сфере цифровой экономики. Методологию составил комплекс общефилософских и общенаучных методов, которые были дополнены сравнительно-правовым, формально-юридическим методами и методом правового моделирования. Сформулирован перечень наиболее актуальных для России и Беларуси вызовов и угроз в рамках цифровой трансформации экономики. Разработан комплекс рекомендаций, направленных на их минимизацию. Определены меры по обеспечению государственного контроля над информационно-коммуникационной инфраструктурой. Обосновано предложение о необходимости разработки и принятия модельного закона Союзного государства «Об основах регулирования цифровой экономики», а также представлены особенности его содержания.

Ключевые слова: цифровая экономика, научно-технический прогресс, гармонизация правового регулирования, цифровое право, интеграционное право, правовое обеспечение инноваций

DOI: 10.31857/S0201708324020165

Феномен цифровой экономики, описываемый в современных гуманитарных исследованиях как закономерный этап технико-экономического развития, сопровождается формированием целого комплекса вызовов и угроз. Наиболее упоминаемые проблемы – компании с нулевыми предельными издержками; централизация капитала и перетекание его в финансовый сектор (цифровые технологии усиливают эту тенденцию); деиндустриализация и сервисизация экономики; появление новых форм высокотехнологичной деструкции; ограничение экономической свободы (например, в форме прекаризации трудовых отношений); приватизация таких сфер социальной жизни, как образование и здравоохранение. Непрерывное стимулирование потребления (в т. ч. феномен виртуального потребления), информационный шум, информационная перегрузка, информационный прессинг, дезинформация и фейковые новости негативно влияют на человека и социальные отношения. К возрастающим киберрискам относятся новые способы мошенничества и иные формы противоправного поведения, угрозы политическим институтам и доверию к ним.

Основной параметр политэкономического измерения цифровой экономики – усиление геополитизации цифровых технологий. Это проявляется в размывании американской гегемонии в области производства и использования цифровых технологий, становлении новых лидеров и применении геополитических инструментов для получения технологических преимуществ (например, проведение санкционной политики в высокотехнологичных отраслях экономики), реализации политики технационализма и неотехнационализма, секьюритизации цифровой повестки, а также «инновационном меркантилизме» [Данилин, 2021: 31–33].

В этих условиях происходят реформирование механизмов кооперации и поиск новых средств и форм защиты национальных интересов. Возможности участия отдельных национальных государств в этих процессах зависят от модели экономического развития общества, состояния материально-технической базы, кадрового потенциала, места в мировой экономической системе и т. д. В зависимости от удаленности от гегемона и характера экономических связей государства будут сталкиваться с последствиями блокированного развития [Amin, 1976: 188–189] и ловушки технологических заимствований, когда при ограниченности ресурсов страны вынуждены развивать и использовать устаревшие и менее эффективные технологии, что мешает им перейти на новый технологический уровень [Балацкий, 2012: 57], а также с проблемой цифрового разрыва, актуальность и опасность которого признаны на международном уровне¹.

¹ Доклад Межправительственной группы экспертов по электронной торговле и цифровой экономике о работе ее третьей сессии. 05.04.2019. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tdb_e3d3_ru.pdf (дата обращения: 03.03.2023).

«Цифровая перезагрузка» Союзного государства Беларуси и России

Национальные экономики России и Беларуси на основе мир-системного анализа относятся к полупериферии, страны которой выступают рынком сырья и дешевой рабочей силы, а также потребителями товаров с высокой добавленной стоимостью [Валлерстайн, 2006: 85–117]. Государствам полупериферии навязывается концепция либертарианства, требующая приватизации государственных функций. Следовательно, при внедрении цифровых технологий основным принципом должно стать обеспечение свободы, что означает минимизацию или полное исключение государственного вмешательства в силу того, что безопасность процессов в сети оптимально обеспечивают ее архитектура, законы рынка и правила интернет-сообщества. В качестве наиболее эффективных экономических мер предлагаются корпоративные методы и модели, преимущественно обслуживающие централизацию мирового капитала [Кулагин и др., 2019; Санникова и др., 2019: 481–494; Oxford economics, 2011; Česnauskė, 2019: 80–90] и включающие инструменты стимулирования инвестиций в сектор информационных технологий (ИТ-сектор), увеличение производства и потребления продуктов и услуг в сфере информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), политику дерегулирования и создания наиболее благоприятных регуляторных режимов и др. Государство берет на себя основные риски, сохраняя за собой право считаться комфортной экосистемой для развития инноваций и получая финансовые выгоды.

Однако в условиях санкционной политики недружественных стран, которая значительно повлияла на сектор ИКТ [Хватов, Деревянкин, 2023; Русаков, 2023], реализация корпоративных мер невозможна, поскольку она означает утрату экономического суверенитета России и Беларуси.

Союзное государство – локомотив интеграционных процессов на постсоветском пространстве, а нормы договора «О создании Союзного государства» 1999 г. и других актов позволяют осуществлять широкий перечень мер. Анализ стратегических и программных документов обоих государств позволил установить, что цифровая экономика признана стратегическим приоритетом как в России, так и в Беларуси. В рамках Союзного государства формируется единое научно-технологическое пространство, а в перспективе возможен переход к интеграции производств на основе объединения научно-технического и ресурсного промышленного потенциала [Лепеш, 2022: 5]. Для обоих государств характерны высокий уровень развития человеческого капитала и наличие технической и математической базы. По уровню технологичности национальные экономики Беларуси и России приближаются к четвертому технологическому укладу, обладая показателями 3,5 и 3,7 соответственно [Байнев, 2022: 22]. Реализуются инициативы о совместном развитии микроэлектроники. Кроме того, президент РБ А.Г. Лукашенко предложил создать постоянный белорусско-российский орган для координации совместной работы в этой области¹.

¹ Совещание о состоянии и развитии микроэлектроники. 14.06.2022. URL: <https://president.gov.by/ru/events/soveshchanie-o-sostoyanii-i-razvitii-mikroelektroniki> (дата обращения: 29.11.2023).

Предполагается сформировать единые принципы функционирования общего рынка связи и информатизации. К 2023 г. организации Национальной академии наук Беларуси успешно завершили 19 программ Союзного государства, 7 – в области космических исследований и информационно-космических технологий¹. К 2024 г. предполагается принять Совместную концепцию безопасности Союзного государства России и Беларуси². Направления развития интеграционного объединения на 2024–2026 гг. – обеспечение технологической независимости, построение единого цифрового пространства Союзного государства и снятие оставшихся барьеров и изъятий³.

Основой единого цифрового пространства Союзного государства должна стать предлагаемая В.Ф. Байневым инициатива по цифровой индустриализации, которая определяется как «программа масштабного создания технологического оборудования с числовым программным управлением и необходимой элементной базой, а также аппаратно-программных средств его дистанционного взаимодействия друг с другом с целью массового оснащения таким оборудованием производственных предприятий и создания на этой основе сетевых (цифровых) корпораций» [Байнев, 2019: 13]. Кроме того, необходимо создать условия для государственного контроля над информационно-коммуникационной инфраструктурой, реализуемого посредством обеспечения функционирования суверенного Интернета и независимости от поставщиков критических технологий из недружественных стран, стимулирования развития собственной материально-технической базы, в первую очередь, в таких отраслях как микроэлектроника, телекоммуникации и др., надлежащего правового обеспечения указанных процессов.

Последнее направление особенно актуально, т. к. различия в правовом регулировании могут тормозить развитие других инициатив. Например, в Беларуси развивается сервисная модель цифровой экономики, а проекты поддерживаются преимущественно за счет средств бюджета, в то время как в России внимание уделяется развитию собственной компонентной базы, а в качестве организационной основы выступают государственные корпорации, использующие целевые фонды финансирования [Дудин, Усманов, 2022: 582]. Анализ участия Беларуси и России в международных рейтингах цифрового развития показывает значимые отличия государственной политики в ключевых областях, таких как кибербезопасность и цифровизация государственного управления. Кроме того, расхождения вызваны отраслевыми барьерами в

¹ Сотрудничество ученых Беларуси и России – основа технологического суверенитета Союзного государства. 10.11.2023. URL: <https://minsknews.by/sotrudnichestvo-uchenyh-belarusi-i-rossii-osnova-tehnologicheskogo-suvereniteta-soyuznogo-gosudarstva/> (дата обращения: 29.11.2023).

² Мезенцев: совместная концепция безопасности РФ и РБ будет представлена в 2024 году. 09.10.2023. URL: <https://soyuz.by/novosti-soyuznogo-gosudarstva/mezencev-sovmestnaya-konceptsiya-bezopasnosti-rf-i-rb-budet-predstavlena-v-2024-godu> (дата обращения: 29.11.2023).

³ Снопков назвал важнейшие направления развития Союзного государства на 2024-2026 годы. 28.06.2023. URL: <https://www.belta.by/economics/view/snopkov-nazval-vazhnejshie-napravlenija-razvitija-sojuznogo-gosudarstva-na-2024-2026-gody-574223-2023/> (дата обращения: 29.11.2023).

области законодательного обеспечения цифровой экономики: гражданского законодательства (регулирование цифровых прав, защита прав потребителей); финансового законодательства (оборот цифровых финансовых активов, регулирование использования которых в Беларуси осуществляется в рамках специального правового режима Парка высоких технологий); антимонопольного законодательства (регулирование цифровых платформ); информационного законодательства (защита данных).

Модельное законодательство – перспективный вектор сотрудничества

С учетом особенностей национальных правовых систем России и Беларуси целесообразна разработка базового закона, направленного на правовое обеспечение развития цифровой экономики на основе общих целей, принципов и механизмов. В условиях регионализации и необходимости защиты технологического суверенитета и экономической безопасности модельное законодательство станет решением проблемы координации действий по минимизации негативных последствий санкционной политики недружественных государств. Модельный закон «Об основах регулирования цифровой экономики» выступит гарантией защиты национальных интересов. Существует возможность его масштабирования на Евразийский экономический союз.

В Союзном государстве уже существует правовая основа для принятия модельного закона. В ст. 17 договора «О создании Союзного государства» формирование правовых основ общего рынка отнесено к исключительному ведению Союзного государства, при этом построение единого экономического пространства будет реализовано через унификацию, а затем построение единой системы законодательства, регулирующего хозяйственную деятельность. Ст. 30 предусматривает взаимозвязанные системы связи и телекоммуникаций.

В модельном законе предлагается сформировать подходы к регулированию хозяйственных отношений, возникающих по поводу производства, распределения, обмена и потребления экономических благ, которые прошли цифровую трансформацию. Под ней понимается процесс, который предполагает оперирование не просто данными или информацией, а знанием в цифровой форме, обеспечивающим принятие решений и последующие действия социальных агентов. Знание в цифровой форме является источником создания ценности и фактором, обеспечивающим структурные преобразования в процессах управления и т. д.

С точки зрения технологического подхода, в предмет правового регулирования будут входить общественные отношения в области использования искусственного интеллекта и киберфизических систем, блокчейна, смарт-контрактов, больших данных, Интернета вещей, облачных технологий и др. Перечень технологий остается открытым, а в основе их объединения лежат следующие признаки: высокая степень конвергенции; омниканальный, сквозной и гибкий характер большинства современных технологий; интеллектуализация; виртуализация; сетевая логика, задаваемая цифровыми технологиями.

Предпосылки законодательного обеспечения цифровой экономики могут быть обнаружены на международном, региональном и национальных уровнях. В Программе развития ООН по цифровизации на 2022–2025 гг. указана проблема фрагментарности национальной политики и нормативного правового регулирования, которое формируется в качестве ответа на определенные события. Подход ПРООН, нацеленный на удовлетворение потребностей всех членов общества, предусматривает в качестве основных направлений регулирования общественных отношений установление этических стандартов, обеспечение кибербезопасности, регламентацию электронной торговли, закрепление универсальных стандартов и правил защиты данных¹. Необходимость создания рамочных основ регулирования отношений в рамках цифровизации и информатизации подчеркнута в справочнике по цифровому регулированию Международного союза электросвязи и докладе о цифровой экономике 2021 г. Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), а также рассматривалась на Всемирной встрече на высшем уровне по вопросам информационного общества.

О приоритетном развитии законодательства в рассматриваемой области можно судить на основе анализа национальных стратегий, программ и дорожных карт, которые приняли свыше 80 государств. Помимо отраслевых нормативных правовых актов и регулирования отдельных технологий с учетом национальных приоритетов, следует отметить основополагающие законодательные акты в цифровой экономике, например: закон Франции от 7 октября 2016 г. № 2016-1321 «О цифровой республике», закон Великобритании от 27 апреля 2017 г. «О цифровой экономике» (*Digital Economy Act*); закон ЕС от 14 сентября 2022 г. «О цифровых рынках» (*Digital Markets Act, DMA*); цифровую хартию Канады, включающую закон «О защите конфиденциальности потребителей», закон «О Трибунале по защите личной информации и данных», закон «Об искусственном интеллекте и данных»; закон Мальты от 15 июля 2018 г. «О цифровых инновациях» и др.

Кроме того, модельное законодательство развивается в рамках СНГ. Например, прошли обсуждение следующие модельные законы: «О цифровом пространстве, его инфраструктуре и регулировании в государствах – участниках СНГ», «О цифровой трансформации отраслей промышленности государств – участников СНГ», «О цифровой трансформации сферы услуг государств – участников СНГ», «О цифровых финансовых активах», «О цифровых правах», «О цифровом здравоохранении», рекомендации по нормативному регулированию использования искусственного интеллекта, включая этические стандарты для исследований и разработок². Положения этих актов должны быть учтены при разработке модельного закона Союзного государства.

¹ Цифровая стратегия на 2022–2025 годы. URL: https://digitalstrategy.undp.org/documents/Digital-Strategy-2022-2025-Full-Documents_RU_Interactive.pdf (дата обращения: 03.03.2023).

² Состоялось пятьдесят пятое пленарное заседание МПА СНГ. 17.04.2023. URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2023/april/73910/> (дата обращения: 09.10.2023).

Законодательное обеспечение регулирования цифровой экономики можно обнаружить на национальном уровне. Например, на основе распоряжения премьер-министра Кыргызской Республики от 17 марта 2021 г. № 183 образована межведомственная рабочая группа по разработке проекта цифрового кодекса. В то же время в Республике Казахстан необходимость принятия цифрового кодекса отсутствует. На основе анализа доктринальных источников, казахстанского законодательства и международных актов С.К. Идрышева приходит к выводу об актуальности разработки единого рамочного законодательного акта, в развитие которого должны быть приняты отдельные законы, посвященные институтам цифрового законодательства [Идрышева, 2022: 86–87].

В Республике Беларусь и Российской Федерации активно развивается нормотворчество в области регулирования цифровой экономики, однако требуется унификация и координация инициатив на основе общих целей, принципов и механизмов правового регулирования. В Беларуси президент, конституционный суд и ученые-юристы неоднократно указывали на актуальность разработки специального акта [Сатолина и др., 2019: 144; Абламейко, Шакель, 2022: 24–25].

Таким образом, по мере развития общественных отношений в сфере цифровой экономики государства последовательно признают необходимость регулирования данной сферы, как правило, на уровне закона. В модельном законе Союзного государства следует закрепить цель, систему задач и принципов государственного регулирования цифровой экономики; определить предмет и пределы нормативной правовой регламентации; закрепить общие положения, которые устанавливают особенности оборота объектов общественных отношений; закрепить права субъектов правоотношений и гарантии их реализации; установить систему средств государственного стимулирования цифровой трансформации национальной экономики; предусмотреть особенности нормативного правового обеспечения цифровой трансформации промышленности, торговли, финансов; определить основные начала ответственности участников общественных отношений.

Выводы

Цифровая трансформация предполагает учет геополитических и геоэкономических процессов для решения проблемы целеполагания государственной политики в данной области, выработки механизмов согласования интересов участников цифрового взаимодействия, обеспечения экономической, информационной и безопасности, а также государственного суверенитета. Навязываемые периферии и полупериферии корпоративные методы и модели регулирования неспособны решить основные проблемы и подчиняют государства логике развития капиталистической мир-системы. Это актуализирует проблему перенастройки механизмов сотрудничества в рамках различных интеграционных образований, в т. ч. Союзного государства Беларуси и России, в сфере цифровой экономики. Модельный закон «Об основах регулирования цифровой экономики» станет гарантией защиты прав и законных интересов граждан Беларуси и России, а также эффективным инструментом для противодействия вызовам и угрозам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абламейко М.С., Шакель Н.В. (2022) Цифровые права человека и перспективы их введения в законодательство. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* № 2. С. 19–26.

Байнев В.Ф. (2022) О необходимости возобновления политико-экономических исследований фундаментальных проблем научно-технического прогресса: оценка уровня технологичности экономических систем. *Теоретическая экономика.* № 9. С.14–27.

Байнев В.Ф. (2019) Новая (цифровая) индустриализация Союзного государства Беларуси и России как главное условие их национальной безопасности в XXI веке. *Национальная безопасность и стратегическое планирование.* № 3(27). С. 5–15.

Балацкий Е. В. (2012) Институциональные и технологические ловушки. *Журнал экономической теории.* № 2. С. 48–63.

Валлерстайн И. (2006) *Миросистемный анализ: введение.* Издательский дом «Территория будущего», Москва. 248 с.

Данилин И. В. (2021) Американо-китайская технологическая война через призму технонационализма. *Пути к миру и безопасности.* № 1(60). С. 29-43. DOI: 10.20542/2307-1494-2021-1-29-43

Дудин М.Н., Усманов Д.И. (2022) Неравенство в цифровизации экономик стран-участниц ЕАЭС как препятствие для формирования Большого Евразийского партнерства. *Экономические отношения.* Т. 12. № 3. С. 569–598.

Идрышева С.К. (2022) О Цифровом кодексе Казахстана. *Право и государство.* № 3(96). С. 72–87.

Кулагин В., Сухаревски А., Мефферт Ю. (2019) *Digital@Scale: Настольная книга по цифровизации бизнеса.* Интеллектуальная Литература, Москва. 296 с.

Лепеш Г.В. (2022) Интеграция российских и белорусских промышленных предприятий в условиях реиндустриализации национальной экономики и санкционного давления запада. *Технико-технологические проблемы сервиса.* № 3(61). С. 3–11.

Русаков Р.А. (2023) Развитие экспорта ИТ-отрасли Беларуси в условиях санкций. *Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость: материалы XVI Международной научно-практической конференции, Минск, 19 мая 2023 г.* Отв. ред. А.В. Егоров. ГУ «БелИСА», Минск, Беларусь. С. 43-44.

Санникова Т. Д., Богомолова А. В., Жигалова В. Н. (2019) Зарубежные модели цифровой трансформации и перспективы их использования в российской практике. *Экономические отношения.* Т. 9. № 2. С. 481–494.

Сатолина М.Н., Маркевич Д.С., Кочерга О.Р. (2019) Комплексное правовое обеспечение формирования и развития электронного государства. *Становление и развитие цифровой трансформации и информационного общества (ИТ-страны) в Республике Беларусь.* Под ред. В.Г. Гусакова. Белорусская наука, Минск, Беларусь. С. 143–166.

Хватов А.А., Деревянкин А.Ю. (2023) Влияние санкций на развитие информационных технологий в России. *Вестник Евразийской науки.* Т 15. № 1. URL: <https://esj.today/PDF/60FAVN123.pdf> (accessed: 29.11.2023).

Amin S. (1976) *Unequal development: an essay on the social formations of peripheral capitalism.* Monthly Review Press, New York, USA. 440 p.

Česnauskė J. (2019) Digital economy and society: Baltic states in the EU Context. *Economics and culture.* No. 16(1). P. 80–90.

Oxford Economics (2011) *The New Digital Economy. How it will transform business.* 31 p. URL: <https://www.pwc.com/cl/es/publicaciones/assets/the-new-digital-economy.pdf> (accessed: 3.03.2023).

The Union State in the Conditions of Digital Transformation

D.S. Markevich

*Researcher at the Center for Innovation and Investment Policy of State Scientific Institution
“Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus”*

1-2, Surganova street, Minsk, Republic of Belarus, 220072

E-mail: dasha.markevich@gmail.com

Abstract. In the context of the regionalisation, deglobalisation and exacerbation of systemic contradictions in the world economic system, the revision of existing economic ties between states, the protection of national interests in the context of geoeconomics and geopolitical confrontation are becoming especially relevant. Recent events related to the sanctions policy aimed at Belarus and Russia have shown the need to deepen integration processes within existing associations. The purpose of this study is to identify promising areas for the development of the Union State of Belarus and Russia in the face of challenges and threats generated by the digital transformation of the economy. The study significantly contributes to the world-system analysis as enabling tools to determine trends and prospects for cooperation between Belarus and Russia within the framework of the Union State in the digital economy. The set of general philosophical and general scientific methods are supplemented by comparative, formal and legal modeling methods. The author formulated the list of challenges and threats formed by the digital transformation of the economy. The recommendations aimed at minimizing them are developed, namely, measures for ensuring state control over the information and communication infrastructure. Moreover, the proposal on the need to develop and adopt a model law of the Union State “On the basics of regulating the digital economy” is scientifically substantiated.

Keywords: digital economy, scientific and technological progress, harmonisation of legal regulation, Union State of Belarus and Russia, integration law, legal support for innovations

DOI: 10.31857/S0201708324020165

REFERENCES

- Ablameiko M.S., Shakel N.V. (2022) Tsifrovyye prava cheloveka i perspektivy ikh vvedeniya v zakonodatel'stvo [Digital human rights and prospects for their introduction into legislation], *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*, 2, pp. 19–26. (In Russian).
- Amin S. (1976) *Unequal development: an essay on the social formations of peripheral capitalism*, Monthly Review Press, New York, USA.
- Balatsky E.V. (2012) Institutsional'nyye i tekhnologicheskiye lovushki [Institutional and technological traps], *Zhurnal ekonomicheskoy teorii*, 2, pp. 48–63. (In Russian).
- Baynev V.F. (2019) Novaya (tsifrovaya) industrializatsiya Soyuznogo gosudarstva Belarusi i Rossii kak glavnoye usloviye ikh natsional'noy bezopasnosti v XXI veke [New (digital) industrialization of the Union State of Belarus and Russia as the main condition for their national security in the 21st century], *Natsional'naya bezopasnost' i strategicheskoye planirovaniye*, 3(27), pp. 5–15. (In Russian).
- Baynev V.F. (2022) O neobkhodimosti vozobnovleniya politiko-ekonomicheskikh issledovaniy fundamental'nykh problem nauchno-tekhnicheskogo progressa: otsenka urovnya tekhnologichnosti ekonomicheskikh system [On the need to renew political and economic research on fun-

damental problems of scientific and technological progress: assessing the level of manufacturability of economic systems], *Teoreticheskaya ekonomika*, 9, pp. 14–27. (In Russian).

Betelin V.B. (2019) O vygodopriobretatelyakh tsifrovoy ekonomiki [On the beneficiaries of the digital economy], *Nauchnyye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*, 6, pp. 130–143. (In Russian).

Česnauskė J. (2019) Digital economy and society: Baltic states in the EU Context. *Economics and culture*, 16(1), pp. 80–90.

Danilin I. V. (2021) Amerikano-kitayskaya tekhnologicheskaya voyna cherez prizmu tekhnionatsionalizma [The U.S.-China technological war through the prism of techno-nationalism]. *Puti k miru i bezopasnosti*, 1(60), pp. 29–43. DOI: 10.20542/2307-1494-2021-1-29-43 (In Russian).

Dudin M.N., Usmanov D.I. (2022) Neravenstvo v tsifrovizatsii ekonomik stran-uchastnits YEAEs kak prep'yatstviye dlya formirovaniya Bol'shogo Yevraziyskogo partnerstva [Inequality in the digitalization of the economies of the EAEU member countries as an obstacle to the formation of the Greater Eurasian Partnership], *Ekonomicheskiye otnosheniya*, 12(3), pp. 569–598. (In Russian).

Idrysheva S. K. (2022) O Tsifrovom kodekse Kazakhstana [On the Digital Code of Kazakhstan], *Pravo i gosudarstvo*, 3(96), pp. 72–87. (In Russian).

Khvatov A.A., Derevyankin A.Yu. (2023) Vliyaniye sanktsiy na razvitiye informatsionnykh tekhnologiy v Rossii [The impact of sanctions on the development of information technology in Russia], *Vestnik Yevraziyskoy nauki*, 15(1). URL: <https://esj.today/PDF/60FAVN123.pdf> (accessed: 29.11.2023). (In Russian).

Kulagin V., Sukharevski A., Meffert Y. (2019) *Digital@Scale: Handbook on business digitalization*, Intellectual Literature, Moscow. (In Russian).

Lepesh G.V. (2022) Integratsiya rossiyskikh i belorusskikh promyshlennykh predpriyatiy v usloviyakh reindustrializatsii natsional'noy ekonomiki i sanktsionnogo davleniya zapada [Integration of Russian and Belarusian industrial enterprises in the conditions of reindustrialization of the national economy and sanctions pressure from the West], *Tekhniko-tekhnologicheskkiye problemy servisa*, 3(61), pp. 3–11. (In Russian).

Oxford Economics (2011) *The New Digital Economy. How it will transform business*. URL: <https://www.pwc.com/cl/es/publicaciones/assets/the-new-digital-economy.pdf> (accessed: 03.03.2023).

Rusakov R.A. (2023) Razvitiye eksporta IT-otrasli Belarusi v usloviyakh sanktsiy [Development of exports of the IT industry of Belarus under sanctions], in Egorov A.V. (ed.) *Ehkonomicheskii rost Respubliki Belarus': globalizatsiya, innovatsionnost', ustoichi-vost': materialy XVI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferen-tsii*, Minsk, 19 maya 2023 g., GU «BelISA», Minsk, Belarus, pp. 43–44. (In Russian).

Sannikova T. D., Bogomolova A. V., Zhigalova V. N. (2019) Zarubezhnyye modeli tsifrovoy transformatsii i perspektivy ikh ispol'zovaniya v rossiyskoy praktike [Foreign models of digital transformation and prospects for their use in Russian practice], *Economic Relations*, 9(2), pp. 481–494. (In Russian).

Satolina M.N., Markevich D.S., Kocherga O.R. (2019) Kompleksnoye pravovoye obespecheniye formirovaniya i razvitiya elektronnoy gosudarstva [Comprehensive legal support for the formation and development of the electronic state], in Gusakova V.G. (ed.) *Formation and development of digital transformation and the information society (IT countries) in the Republic of Belarus*, Belaruskaya Navuka, Minsk, Belarus, pp.143–166 (In Russian).

Wallerstein I. (2006) *Mirosistemnyy analiz: vvedeniye* [World-system analysis: an introduction], Publishing House “Territory of the Future”, Moscow, Russia. (In Russian).

УДК 327.7

ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВ–УЧАСТНИКОВ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

© 2024 **РЫПНЕВСКАЯ** Анита Сергеевна

Консультант

Исполнительный комитет СНГ

Департамент экономического сотрудничества

115035, Россия, Москва, Софийская набережная, 34с1

E-mail: rypnevskaja@yandex.ru

Поступила в редакцию 24.10.2023

Принята к публикации 13.03.2024

Аннотация. Современный кризис значительно повлиял на Содружество независимых государств (СНГ). Западная санкционная политика направлена против России и Беларуси и косвенно против остальных стран–партнеров. Подобные вызовы способны сплотить государства–участников СНГ и придать импульс более тесному сотрудничеству. Таким образом, международная напряженность может стать основой активизации интеграционных процессов в СНГ и формирования нового качества межгосударственного сотрудничества. Задачи статьи – определить современное состояние отношений государств–участников СНГ, оценить сильные и слабые стороны международной организации и спрогнозировать возможные перспективы развития отношений в интеграционном объединении. В статье рассмотрены актуальные тенденции деятельности СНГ. Выявлены проблемы сотрудничества в рамках интеграционного объединения, а также их причины, в том числе затронуты внутренние противоречия и распространение и усиление внешнего влияния. Предложены три сценария дальнейшей эволюции взаимодействия стран Содружества.

Ключевые слова: интеграция, СНГ, Россия, США, ЕС, Турция, Китай

DOI: 10.31857/S0201708324020177

Сотрудничество государств–участников Содружества независимых государств (СНГ) на сегодняшний день развивается не так, как это было запланировано при создании организации. В адрес СНГ регулярно звучат комментарии, предрекающие его скорый закат, однако Содружество продолжает функционировать и приспособ-

ливаться к быстроменяющимся условиям. В 2022 г. на Петербургском международном экономическом форуме генеральный секретарь СНГ С.Н. Лебедев обратил внимание на то, что на заседаниях высших органов руководители государств постоянно выступают с инициативами по повышению эффективности работы Содружества, а исполнительные органы адаптируют деятельность интеграционного объединения под современную ситуацию. Например, в ответ на введение странами Запада санкций в отношении России и Беларуси рабочая группа из представителей государств-участников СНГ, органов отраслевого сотрудничества и Исполнительного комитета в течение двух месяцев подготовила перечень совместных мер реагирования, охватывающий основные направления взаимодействия: взаимная торговля и инвестиции, транспорт, сельское хозяйство, экология, промышленная кооперация, энергетика. В перечне представлены конкретные меры, направленные на преодоление и предотвращение негативного влияния санкций на экономику стран Содружества¹.

Несмотря на то что сегодня в общественном дискурсе преобладает тезис о кризисе доверия и углубляющемся расколе в международных отношениях, страны СНГ способны использовать сложившуюся ситуацию в свою пользу и укреплять связи внутри организации. Однако вызовы, с которыми сталкиваются государства Содружества, могут стать непреодолимым препятствием на пути углубления интеграции.

Проблемы развития сотрудничества в СНГ

Главная проблема СНГ – слабость интеграционных процессов внутри организации. Сферы сотрудничества сужаются, а взаимодействие по многим направлениям носит пассивный характер. Отчетливее видно отсутствие инициативы государств при совместной работе [Соловьев, Чуфрин, 2020]. В значительной степени это обусловлено разобщенностью игроков и отсутствием единых целей (или единого видения этих целей). Государства СНГ слишком разные: их национальные интересы не всегда пересекаются, а иногда противоречат друг другу. Конфликты Армении и Азербайджана, Кыргызстана и Таджикистана препятствуют выработке единых подходов в СНГ. Общее прошлое играет противоречивую роль и выступает в зависимости от ситуативных интересов то объединяющим, то разделяющим фактором². По этим причинам предпочтение отдается двусторонним и многосторонним договоренностям вместо коллективной работы в рамках организации [Пивовар, 2022]. Кроме того, в государствах СНГ растет влияние со стороны западных стран, Турции и Китая.

¹ Председатель Исполнительного комитета СНГ С. Лебедев выступил на панельной сессии «Интеграция для развития: новые горизонты» ПМЭФ. 16.06.2022. URL: https://cis.minsk.by/news/23539/predsedatel_ispolnitelnogo_komiteta_sng_s.lebedev_vystupil_na_panelnoj_sessii_%C2%ABintegracija_dlja_razvitija_novye_gorizonty%C2%BB_peterburgskogo_mezhdunarodnogo_ekonomicheskogo_foruma (дата обращения: 12.10.2023).

² Сушенцов А.А., Силаев Н.Ю. Роман взросления: внешняя политика как формирующий опыт для новых государств Евразии. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». 2022. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/roman-vzrosleniya/> (дата обращения: 12.10.2023).

Страны Содружества во многом рассматривают свою независимость, прежде всего, как независимость от России, что выступает естественным следствием суверенизации и самоидентификации. Дистанция стран увеличивается по мере смены поколений. Не последнюю роль в этом сыграла позиция России, которая на протяжении многих лет после распада СССР не уделяла должного внимания интеграционным процессам на постсоветском пространстве [Ковальчук, 2014].

Совокупность этих факторов способствует усилению позиций сторонних игроков в регионе. Китай стабильно увеличивает экономическое присутствие в СНГ. Содружество не является приоритетным направлением китайских инвестиций: в совокупности страны СНГ составляют менее 1% от всех инвестиций КНР. Однако за последние 10 лет Китай занял 1 место по количеству ПИИ в СНГ, в 2 раза опережая Россию¹. Согласно анализу Евразийского банка развития, КНР демонстрирует особый интерес к нефтегазовой и золотодобывающей отраслям и может стать основным иностранным инвестором в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане. Не менее важным для Пекина выступает развитие транспортных маршрутов через Центральную Азию для реализации экономической инициативы «Один пояс, один путь» и через Южный Кавказ – для доступа к Каспийскому морю [Ван Люин, 2020]. Кроме того, Китай активно продвигает политическое взаимодействие с руководством центральноазиатских государств по широкому спектру направлений сотрудничества [Малышева, 2022].

Турция также расширяет зону интересов на евразийском пространстве. Влияние Анкары особенно сильно в Азербайджане как в экономической, так и в социально-политической сфере. Турецкие инвестиции в страну по итогам 2022 г. составили 1,1 млрд долларов, что в два раза больше инвестиций России². Доля турецкого капитала присутствует во всех пяти международных консорциумах, связанных с азербайджанским нефтегазовым сектором [Исмаилова, 2017]. Не перестают звучать слова М.К. Ататюрка: «Радость Азербайджана – наша радость, его печаль – наша печаль» и Г. Алиева: «Мы – одна нация, два государства».

Однако турецкие притязания не ограничиваются Азербайджаном. Анкара стремится закрепить влияние во всей Центральной Азии. Турция активно инвестирует в инфраструктурные проекты центральноазиатских государств, развивает военное сотрудничество, особенно поставки своих беспилотных летательных аппаратов, и расширяет сотрудничество в области поставок энергоносителей³. Создание транспортных хабов через Казахстан и Туркменистан открывает для Турции возможность использовать преимущества китайской инициативы «Один пояс, один путь».

¹ Кузнецов А., Винокуров Е., Малахов А., Забоев А. Мониторинг взаимных инвестиций ЕАБР. Евразийский банк развития. Доклады и рабочие документы 22/5. 2022. URL: https://cabr.org/upload/iblock/d2b/EDB_2022_Report-5_Monitoring-of-Mutual-Investments_rus.pdf (дата обращения: 12.10.2023).

² External sector statistics. Foreign direct investments statistics for 2022. URL: <https://www.cbar.az/page-43/external-sector-statistics?language=en> (дата обращения: 12.10.2023).

³ Усенов А. Турция в Центральной Азии: влияние и лимиты. Central Asian Analytical Network. 13.07.2021. URL: <https://www.caa-network.org/archives/21989/turczyiya-v-centralnoj-azii-vliyanie-i-limity> (дата обращения: 12.10.2023).

Турция активно использует инструменты мягкой силы в Центральной Азии, которые реализуются через Организацию тюркских государств и его институты: Международную организацию тюркской культуры, Парламентскую ассамблею тюркоязычных стран, Международную тюркскую академию, а также фонды Ю. Эмре и Турецкое агентство по сотрудничеству и координации. В рамках концепции «Ноль проблем с соседями» выстраиваются отношения с Арменией. Функционирование лоббистских групп во всех постсоветских государствах отражает стремление Турции выстроить свою ценностную систему международных отношений [Аватков, 2021].

Сильное влияние на страны Содружества оказывают США и ЕС. Период прозападной внешней политики России позволил им закрепиться в СНГ [Ахмедов, 2019]. Программа «Восточное партнерство», которую в 2009 г. Евросоюз предложил Азербайджану, Армении, Беларуси, Грузии, Молдове и Украине, стала эффективным механизмом манипуляции для получения привилегий и уступок с российской стороны. Согласно заявлениям Брюсселя, программа, построенная на «общих ценностях и правилах, взаимных интересах и обязательствах», нацелена на реформирование государственных систем партнеров¹.

Евросоюз уделяет особое внимание Центральной Азии. Об этом свидетельствуют принятые ЕС Стратегии 2007 и 2019 гг., нацеленные на продвижение европейской «мягкой силы» в государствах региона [Рустами, 2021]. На открытии конференции по взаимосвязанности Евросоюз – Центральная Азия Высокий представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ж. Боррель заявил, что Брюссель «намерен поощрять естественное желание центральноазиатских партнеров освободиться от зависимости от одного единственного международного партнера, невзирая на исторические и географические связи»². США с 2015 г. сотрудничают со странами Центральной Азии в рамках дипломатической платформы «C5+1», цель которой – формирование «независимой, процветающей и защищенной Центральной Азии»³.

После начала специальной военной операции на территории Украины Запад усилил давление на страны СНГ. В мае 2022 г. помощник госсекретаря США по делам Южной и Центральной Азии Д. Лу во время недельного турне по странам региона заверял в том, что санкции США не будут иметь негативных последствий⁴. Однако через год риторика ужесточилась. Сперва пятидневное турне по Центральной Азии совершил госсекретарь США Э. Блинкен, чтобы убедить лидеров государств ослабить связи с Россией. Затем в Кыргызстан с так называемой проверкой

¹ Eastern Partnership. The Diplomatic Service of the European Union. 17.03.2022. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/eastern-partnership_en (дата обращения: 12.10.2023).

² J. Borrell. Opening remarks at the EU-Central Asia Connectivity Conference: Global Gateway. 18.11.2022. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/opening-remarks-high-representativevice-president-josep-borrell-eu-central-asia-connectivity_en (дата обращения: 12.10.2023).

³ C5+1 Diplomatic Platform. 27.02.2023. URL: <https://www.state.gov/c51-diplomatic-platform/> (дата обращения: 12.10.2023).

⁴ Кривошеев К. Центральной Азии протянули руку помощника. Коммерсантъ. 26.05.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5369342> (дата обращения: 12.10.2023).

прибыл спецпредставитель ЕС по санкциям Д. О'Салливан. Страны Запада используют весь спектр механизмов давления: от экономических стимулов до косвенных угроз¹. Например, 20 июля 2023 г. в очередной пакет антироссийских санкций под предлогом поставок товаров двойного назначения включены 4 кыргызские компании². Несмотря на то что, по мнению российских аналитиков, США и ЕС не способны оказать существенное воздействие на страны СНГ, поскольку механизмы давления не перевешивают экономические выгоды от торговли с Россией, настойчивый интерес Вашингтона и Брюсселя к Центральной Азии вызывает беспокойство³.

Отсутствие единых целей государств СНГ выражается в политических проблемах и несогласованности акторов. Страны-партнеры не поддержали Россию во время грузино-югоосетинского конфликта 2008 г. Во время украинского кризиса 2014 государства СНГ не признали Крым частью РФ. После начала СВО Россию поддержала только Беларусь. Таким образом, активное и диверсифицированное давление со стороны Запада может значительно повлиять на колеблющиеся постсоветские государства.

Преимущества СНГ как интеграционного объединения

Сотрудничество в рамках СНГ обладает преимуществами, благодаря которым Содружество продолжает функционировать, несмотря на внешнее давление и внутренние противоречия.

Во-первых, либеральный подход в принятии решений позволяет государствам участвовать в проектах в той мере, которая наиболее полно отражает их национальные интересы. Для реализации любой инициативы требуется поддержка только заинтересованных государств. Вместе с тем страны могут позднее присоединиться к инициативе. Подобный подход делает структуру СНГ очень гибкой и дает возможность исключить давление на государства.

Во-вторых, страны объединения ясно понимают интересы и мотивы друг друга. Исторические связи обеспечивают прочную базу партнерства. На всех уровнях стороны представляют, как протекают политические, социальные и экономические процессы на пространстве СНГ. Объединяющим элементом выступает русский язык, который обеспечивает свободную коммуникацию и является основой крепких куль-

¹ Lewis S. Blinken holds talks with Central Asian leaders amid 'spillover' from Ukraine war. Reuters. 28.02.2023. URL: <https://www.reuters.com/world/blinken-hold-talks-with-central-asian-nations-wake-ukraine-anniversary-2023-02-28/> (дата обращения: 12.10.2023); Панфилова В. Брюссель взял Киргизию на заметку. Независимая газета. 29.03.2023. URL: https://www.ng.ru/cis/2023-03-29/1_8692_sanctions.html (дата обращения: 12.10.2023).

² Тимофеев И.Н. Санкции США в отношении компаний из Киргизии: новая тенденция? РСМД. 14.08.2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/sanktsii-ssha-v-otnoshenii-kompaniy-iz-kirgizii-novaya-tendentsiya/> (дата обращения: 12.10.2023).

³ Тимофеев И.Н. Чего ждать от спецпредставителя ЕС по санкциям? РСМД. 03.02.2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/chego-zhdet-ot-spetspredstavitelya-es-po-sanktsiyam/> (дата обращения: 12.10.2023).

турно-социальных связей. Кроме того, политические модели управления в странах Содружества схожи, а высокоцентрализованный процесс принятия решений облегчает взаимодействие и делает государства надежными и устойчивыми партнерами в глазах друг друга. Это способствовало формированию устоявшихся связей как на правительственном уровне, так в предпринимательской среде.

В СНГ создана всеобъемлющая нормативно-правовая база, достигнуто единое понимание по самому широкому спектру областей взаимодействия. Действующие нормы обеспечивают свободное передвижение, перевозки грузов, признание документов об образовании на взаимной основе, взаимодействие в социально-трудовой сфере и области здравоохранения. Возможность совершенствования и сближения нормативно-правового регулирования открывает перспективы дальнейшего углубления интеграции.

Векторы дальнейшего развития СНГ

Исходя из условий и процессов на постсоветском пространстве, сотрудничество в рамках СНГ может развиваться по трем сценариям.

1. СНГ как клуб по интересам. Интеграционное объединение продолжит при-держиваться принципа разноскоростной и разноуровневой интеграции и станет эффективной площадкой для объединения партнеров на основе заинтересованности в том или ином проекте. Перспективными направлениями взаимодействия могут выступить сближение нормативно-правового регулирования и подходов в области науки, образования и т. д., а также организация совместных мероприятий и реализации экономических и гуманитарных проектов. Кроме того, странам выгодно продолжать сотрудничество в области безопасности, т. к. стороны заинтересованы в борьбе с нелегальной миграцией, незаконным оборотом наркотиков, риском террористической угрозы из Афганистана, а также урегулировании других традиционных для Центральной Азии конфликтов [Комлева, 2022].

2. СНГ как инертная организация. Из-за усиления давления со стороны Запада и угроз введения вторичных санкций страны будут бояться углублять сотрудничество с Россией, что приведет к торможению и искусственному затягиванию интеграционных проектов. Государства будут ориентироваться на других игроков в регионе – Китай и Турцию. В таком случае западные НПО и группы давления продолжают закрепляться в странах региона.

3. СНГ 2.0. как новое качество интеграции. Ухудшение отношений России и Запада способствовало возвращению постсоветского пространства в сферу внешнеполитических интересов России, что закреплено в Концепции внешней политики 2023 г. В отличие от предыдущей Концепции, в которой СНГ упоминается только в четырех статьях, в документе 2023 г. сделан акцент на развитие отношений со странами Содружества: взаимодействие в рамках СНГ выступает приоритетным в политической, экономической и гуманитарной областях, а также в области безопасности. Важнейшая цель России – «формирование в долгосрочной перспективе интегрированного экономического и политического пространства в Евразии» через

«объединение потенциалов в различных сферах с государствами – участниками СНГ и другими сопредельными государствами»¹. Это свидетельствует об активизации российской политики на постсоветском пространстве и заинтересованности в более глубоком уровне сотрудничества. В 2024 г. председательство в СНГ перейдет к России. Такой подход будет способствовать оживлению рутинных процессов и придаст импульс поиску и реализации новых проектов.

Первый сценарий является наиболее вероятным. Реализация второго предусматривает ухудшение отношений с Россией, что для стран СНГ невыгодно с экономической и политической точек зрения. Для реализации третьего сценария необходима политическая воля государств-участников. Российская заинтересованность в регионе не означает, что такая политика будет полностью отвечать национальным интересам других стран.

* * *

Отношения внутри СНГ переживают важный этап, от исхода которого зависит дальнейшее развитие интеграционного объединения. Глобальные политические потрясения способствовали окончательному развороту России в сторону евразийского пространства. Однако за прошедшее время не удалось создать общей идентичности, сопоставимой с тюркской или искусственно созданной европейской, которую сегодня твердо отстаивают представители ЕС. В то же время либеральный подход в СНГ уже более 30 лет способствует развитию интеграционных процессов. В этом заключается уникальность объединения: оно опирается на баланс центробежных и центростремительных сил. Именно такой подход удерживает вместе страны с разными интересами и уровнем развития. Государства-участники СНГ продолжают развивать совместные проекты, т. к. стабильность, безопасность, экономическое и социальное развитие и благополучие – это национальные интересы любого государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аватков В.А. (2021) *Внешинополитический курс Турецкой Республики в рамках современной системы международных отношений*. Автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Москва. 50 с.

Ахмедов Ф.А. (2019) *Центральноазиатский регион в фокусе геополитических интересов глобальных акторов (на примере РФ, КНР и США)*. Дис. ... канд. полит. наук. Душанбе, Таджикистан. 173 с.

Ван Люин. (2020) *Политика Китайской Народной Республики на постсоветском пространстве (1991–2019 гг.)*. Дис. ... канд. ист. наук. Москва. 212 с.

¹ Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». 31.03.2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chego-zhdat-ot-spetspredstavitelya-es-po-sanktsiyam/> (дата обращения: 12.10.2023).

Исмаилова Л.Г. (2017) Азербайджано-турецкое экономическое сотрудничество и основные направления его совершенствования. *Наука, техника и образование*. № 9(39). С. 57–61.

Ковальчук А.Т. (2014) *Эволюция российских концепций многостороннего взаимодействия и интеграционных процессов на постсоветском пространстве*. Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Москва. 23 с.

Комлева Н.А. (2022) Евразийская интеграция на постсоветском пространстве: три препятствия. *Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество*. Вып. 5. Ч. 1. С. 439–443.

Мальшева Д.Б. (2022) Международно-политическая конкуренция и сотрудничество в центрально-азиатском регионе. *Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество*. Вып. 5. Ч. 1. С. 463–465.

Пивовар Е.И. (ред.) (2022) *30 лет СНГ: трансформационные процессы на постсоветском пространстве*. РГГУ, Москва. 473 с.

Рустами С. (2021) *Политика Европейского Союза в интеграционных процессах в центральноазиатском регионе: направления, инструменты, ресурсы*. Дис. ... канд. полит. наук. Екатеринбург. 185 с.

Соловьев Э.Г., Чуфрин Г.И. (ред.) (2020) *Политические процессы на постсоветском пространстве: новые тренды и старые проблемы*. ИМЭМО РАН, Москва. 276 с.

Prospects of Cooperation in the Commonwealth of Independent States

A.S. Rypnevskaya

Consultant

The Executive Committee of the CIS

Department of economic cooperation

34/1, Sofiiskaya Embankment, Moscow, Russia, 115035

E-mail: rypnevskaya@yandex.ru

Abstract. The modern world is going through global changes that to some extent affect all nations. The goals, institutions and principles that were considered to be the basis of international relations have turned out to be unstable and often discredited. In this context, a new system of international relations is being formed, which should reflect the national interests of all states. The current crisis has a major impact on the Commonwealth of Independent States, and the effect is both negative and positive. Western sanctions directly target Russia and Belarus and indirectly they also affect other members. At the same time, such challenges contribute to greater cohesion within the CIS and can give impetus to closer cooperation. Thus, international tension can be the launch point to help intensify integration processes in the CIS and to form a new quality of relations in it. This article aims at determining the current state of relations between the member states of the Commonwealth of Independent States, assessing its strengths and weaknesses as an international organisation, and predicting possible prospects for the development of relations between the states. The article focuses on the current trends in the activities of the Commonwealth of Independent States. It examines the problems of cooperation within the CIS, as well as the causes of these problems, including both internal contradictions and increasing foreign influence. The author explores the advantages and disadvantages of the CIS and proposes three different scenarios of the further evolution of interaction between the Commonwealth's member states.

Key words: integration, CIS, Russia, US, EU, Turkey, China

DOI: 10.31857/S0201708324020177

REFERENCES

Avatkov V.A. (2021) *Vneshnepoliticheskij kurs Tureczkoj Respubliki v ramkax sovremennoj sistemy` mezhdunarodny`x otnoshenij* [Foreign policy of the Republic of Turkey within the framework of the modern system of international relations], Abstract of PhD. dissertation, Moscow, Russia. (In Russian).

Akhmedov F.A. (2019) *Tsentralnoaziatskii region v fokuse geopoliticheskikh interesov globalnykh aktorov (na primere RF, KNR i SSHA)* [The Central Asian region is in the focus of geopolitical interests of global actors (using the examples of Russia, China and the US)], PhD. Thesis, Dushanbe, Tajikistan. (In Russian).

Van Lyuin. (2020) *Politika Kitaiskoj Narodnoj Respubliki na postsovetskom prostranstve (1991–2019 gg.)* [The policy of the People's Republic of China in the post-Soviet space (1991–2019)], PhD. Thesis, Moscow, Russia. (In Russian).

Ismailova L.G. (2017) *Azerbajdzhanu-tureczkoe e`konomicheskoe sotrudnichestvo i osnovny`e napravleniya ego sovershenstvovaniya* [Azerbaijani-Turkish economic cooperation and the main directions for its improvement], *Nauka, texnika i obrazovanie*, 9(39), pp. 57–61. (In Russian).

Kovalchuk A.T. (2014) *Evoljutsiya rossiiskikh kontseptsii mnogostoronnego vzaimodejstviya i integratsionnykh protsessov na postsovetskom prostranstve* [The evolution of Russian concepts of multilateral interaction and integration processes in the post-Soviet space], Abstract of PhD. dissertation, Moscow, Russia. (In Russian).

Komleva N.A. (2022) *Evrazijskaya integraciya na postsovetskom prostranstve: tri prepyatstviya* [Eurasian integration in the post-Soviet space: three obstacles], *Bol`shaya Evraziya: Razvitie, bezopasnost`, sotrudnichestvo*, 5(1), pp. 439–443. (In Russian).

Maly`sheva D.B. (2022) *Mezhdunarodno-politicheskaya konkurenciya i sotrudnichestvo v central`no-aziatskom regione* [International political competition and cooperation in the Central Asian region], *Bol`shaya Evraziya: Razvitie, bezopasnost`, sotrudnichestvo*, 5(1), pp. 463–465. (In Russian).

Pivovarov Ye.I. (ed.) (2022) *30 let SNG: transformatsionnye protsessy na postsovetskom prostranstve* [30 years of the CIS: transformation processes in the post-Soviet space], RSUH, Moscow, Russia. (In Russian).

Rustami S. (2021) *Politika Yevropejskogo Soyuza v integratsionnykh protsessakh v tsentralnoaziatskom regione: napravleniya, instrumenty, resursy* [The European Union's policy in integration processes in the Central Asian region: directions, tools, resources], PhD. Thesis, Yekaterinburg, Russia. (In Russian).

Solovev E.G., Chufirin G.I. (ed.) (2020) *Politicheskie protsessy na postsovetskom prostranstve: novye trendy i starye problemy* [Political processes in the post-Soviet space: new trends and old problems], IMEMO, Moscow, Russia. (In Russian).

РЕЦЕНЗИИ

УДК 327

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТЕОРИЯ ДЕНЕГ

© 2024 СОШНЕВ Александр Николаевич

Кандидат экономических наук, доцент

*Санкт-Петербургский государственный университет, факультет социологии
Заведующий кафедрой социального анализа и математических методов в социологии
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9
E-mail: a.soshnev@spbu.ru*

© 2024 СОШНЕВА Елена Борисовна

Кандидат экономических наук, доцент

*Санкт-Петербургский государственный университет, экономический факультет
доцент кафедры экономической теории и истории экономической мысли
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9
E-mail: e.soshneva@spbu.ru*

Поступила в редакцию 20.11.2023

Принята к публикации 13.03.2024

Ключевые слова: деньги, типы денег, виды денег, денежное обращение, денежная политика, государственная теория денег

DOI: 10.31857/S0201708324020189

Издательство Института Гайдара выпустило перевод труда Георга Фридриха Кнаппа «Государственная теория денег» (с предисловием профессора А.Н. Дубянского) 1905 г. Эта книга не первая работа автора, переведенная на русский язык. В 1913 г. в России была опубликована брошюра под названием «Очерки государственной теории денег. Деньги. Историко-правовые основания природы их. Денежная система» [Кнапп, 1913]. Дореволюционное издание имело целью популяризовать идеи Г. Кнаппа в российском научном сообществе в преддверии выхода основной работы, которая так и не увидела свет.

Современная экономическая наука не имеет единой денежной теории. До сих пор существуют два подхода к определению природы денег: товарно-эволюционный и государственно-правовой. Сторонники первого видят причины появления денег в естественном развитии обменов, в их собственной товарности. Сторонники государственно-правового подхода рассматривают деньги как инструмент для обмена, специально созданный на основе соглашения или государственного акта. Среди сторонников первого подхода – А. Смит, Д. Рикардо, К. Маркс, а также представители советской политической экономии. Западная экономическая мысль активно развивала второй подход. Г. Кнаппа можно считать одним из выдающихся разработчиков государственной теории денег. В предисловии автор обращает внимание на роль государства в денежной политике. Он «рассматривает денежную, а, точнее, платежную систему вообще как предмет науки о государстве. Ее оценку, основывающуюся на способе рассмотрения, игнорирующем государство, я считаю полностью устаревшей, более того, совершенно неверной, сколь распространенными ни оставались бы эти воззрения и по сей день» [Кнапп, 2023: 18]. С этими замечаниями трудно не согласиться: в Новое время в России произошел целый ряд изменений в денежной политике, обусловленный государственными актами.

Первый параграф первой главы открывает абзац: «Деньги – это плод правового порядка; в ходе истории они представляли в самых различных формах, поэтому теория денег может быть только историко-правовой» [Кнапп, 2023: 21]. Далее следует: «Ведь душа денежной системы находится не в материи металлических дисков, но в правовом порядке, регулирующем их использование» [Кнапп, 2023: 22].

Рассматривая природу денег, Г. Кнапп в первую очередь выделяет их функцию как платежного средства, использует понятие менового блага, отличающееся от менового средства. Для проведения обменных операций необходимо наличие эталонного блага, которое отражает (содержит) стоимость, определяемую посредством принятия решения. Это ключевой момент в рассуждениях Г. Кнаппа. Стоимость возникает не в производстве, а в обмене, в сравнении: «Ведь единица стоимости всегда является понятием историческим» [Кнапп, 2023: 28].

Процессы обменов многообразны и сложны. Они включают не только текущее потребление, но и систему договорных обязательств, отложенное во времени производство и потребление. Для учета этих обстоятельств автор вводит понятие литрической стоимости [Кнапп, 2023: 27]. Оно позволяет объяснить развитие платежной системы, смену платежных материалов и сохранение устойчивости общественного воспроизводства.

Развитие платежных средств, переход к деньгам – сложный процесс, непосредственно связанный с развитием государственности. Взвешивание при чеканке и использовании монет (пондеральное и пенсаторное) было обязательным для платежных средств. С укреплением государственности ценность платежных средств в единицах стоимости устанавливается приказом: «ценность может быть провозглашаемой, то есть прокламаторной» [Кнапп, 2023: 43]. Именно прокламаторность составляет ядро хартальности платежных средств.

Хартальностью¹ автор объясняет возникновение денег: «Деньги всегда представляют собой хартальное платежное средство; всякое хартальное платежное средство называется у нас деньгами; определение денег гласит: хартальное платежное средство» [Кнапп, 2023: 49]. Государство определяет номинальность стоимости, платежные средства, их форму, материал и другие требования. Сегодня закрепление в правовом порядке вещи, несущей определенные знаки, средством платежа – общепринятая практика.

Следует обратить внимание на важное замечание автора относительно межгосударственных взаимодействий: «Хартальная конституция не может действовать “интернационально”, вернее, она не может действовать от государства к государству, пока государства полностью независимы друг от друга. ... Но если бы два государства заключили договоры, превращающие их деньги в общие для них обоих, то для нашего исследования они уже не являлись бы двумя независимыми государствами, а представляли собой одно государственное сообщество, которое надлежит рассматривать как некое целое» [Кнапп, 2023: 51]. Возникновение денежных зон – это прежде всего государственно-политический процесс. Он обладал особенностями в эпоху колониализма и проявляется в настоящее время. Создание еврозоны изменило не только экономические механизмы, но и переустроило государственно-политическую структуру Европы.

В третьем параграфе первой главы, озаглавленном «Циркуляторное удовлетворение», автор убедительно доказывает, что «в общем и целом деньги не гарантируют реального удовлетворения – но они предлагают безусловно гарантированное удовлетворение посредством циркуляторного использования» [Кнапп, 2023: 55]. Рассматривая позицию обывателя, который выражает опасения по поводу бумажных денег, Г. Кнапп указывает на ее пристрастность, вызванную заботой о собственном благополучии.

Хартальные основания относятся не только к бумажным, но и к металлическим «денежным штукам» (определение Г. Кнаппа). Автор приводит примеры чеканки звонкой монеты в Англии и Германии. Государство регламентирует монетную технику и задает монетную стопу. Другой акт определяет оценку монет. Первый регламент является техническим и определяется прочностью штампа, второй – хартальным.

Автор рассматривает процесс перехода от автометаллизма к хартальности, который включает следующие этапы: металл представляет средство обмена, металл преобразуется в денежные штуки без ограничений (гилический металл), установление нормы производства денег.

Особое значение для истории экономики имеет термин «звонкая монета». Г. Кнапп вводит понятия ортотипических и паратипических денег [Кнапп, 2023: 73]. Последние включают все разновидности денег помимо звонкой монеты. Интерес представляет исторический экскурс использования гилического металла и

¹ Хартальность (от лат. *charta* – «бумага», «лист бумаги», «марка») – свойство денег, заключающееся в независимости от материального выражения, материальных объектов, т. е. от ценности металлов и др., и в признании платежного средства деньгами государством и закреплении в правовом порядке. – *Прим. ред.*

возможности денежных форм без гилического металла. Если чеканка может приносить доход казне, то износ и порча монет ведут к расходам. «Именно для того, чтобы уберечь казну от убытков, разрабатывается принцип прокламаторной оценки, а стало быть, появляется хар탈ность. Таким образом, тогдашние деньги всегда были предоставлены своей судьбе; пусть изнашиваются как угодно, король – харталист» [Кнапп, 2023: 92].

Вторая глава носит название «Порядок денежной системы внутри страны». Рассмотренная в предыдущей главе генетическая классификация установила четыре вида денег. В каждый момент времени денежная система включает их в той или иной степени. Отношения видов денег регулируются принимаемыми государством предписаниями. Они также устанавливают границы денежной системы государства. Для функционального различия видов денег Г. Кнапп сначала использует характер платежа. Автор разделяет платежи на центрические (получателем или плательщиком выступает государство) и парацентрические (государство не принимает участия). В соответствии с видами платежей Г. Кнапп вводит облигаторный и факультативный виды денег. Вторая функциональная классификация – разделение денег на дефинитивные и провизорные (конвертируемые). Дефинитивные деньги подразделяются на валютные и аксессуарные.

В седьмом параграфе «Биметаллизм и типы валюты» рассмотрены принципы классификации денежных систем, а также денежные системы Англии, Франции, Германии, Австрии и Нидерландов. Г. Кнапп выделяет восемь форм валют: четыре относятся к звонкой монете, четыре – к нотальным формам [Кнапп, 2023: 124]. Систему государственных платежных средств автор дополняет негосударственными – банкнотами и жироплатежами. Банки проводят операции по учету векселей, залоговые операции, выпускают банкноты. Последние выступают особым видом платежа – «хартальное обещание банка заплатить» [Кнапп, 2023: 131]. Банк использует их вместо эмитируемых государством денег, создавая привлекательные условия для клиента. Выпуск банкнот регулируется государством, что способствует развитию банковской сферы. Хартальность банкнот выше денег. Она обеспечивается администрированием банка и государства.

Другой вид платежа – жироплатеж – рассмотрен Г. Кнаппом на примере работавшего в Гамбурге жиробанка. Купцы создали частное платежное сообщество, каждый член которого вносил определенное количество серебра. Величина вклада оценивалась в банкмарках. Для каждого участника открывался счет, в котором записывались поступления и списания (расходов). Расчеты производились только между членами сообщества. Банкмарка, как единица стоимости, – продукт платежного сообщества, а не государства. «Государство – всего лишь самое привычное, самое старое платежное сообщество, но отнюдь не единственное» [Кнапп, 2023: 146]. Жироплатеж – это безналичный расчет, который сегодня является определяющим.

Подводя итог анализу платежных систем, Г. Кнапп делает вывод: «... вся платежная система является творением правового порядка... творением правового порядка в сообществах, будь то приватные или государственные» [Кнапп, 2023: 153]. Автор отвечает на актуальный вопрос, выступают ли деньги товаром. С точ-

ки зрения Г. Кнаппа, деньги не товар, поскольку они являются средством платежа. Однако существует множество видов денег. Акцессорные деньги покупаются и даже во внутреннем обращении выступают товаром [Кнапп, 2023: 154]. Автор исследует возможности получения выгоды от продажи денег и называет его ажио. Он рассматривает различные варианты, включая убытки от продажи денег, оперирует понятиями плохие и хорошие деньги [Кнапп, 2023: 157–158]. При определенных обстоятельствах акцессорные деньги с отрицательным ажио могут накапливаться и создавать напряжение в денежном обороте.

В работе рассмотрены различные варианты накопления и эмиссии денег как государством, так и частными лицами в Европе и США. Отдельный предмет анализа – смена валют. Автор определяет вид перехода по трем позициям: obstructio-нальный или экзакторный; реставраторный или новаторный; восходящий, равновесный или нисходящий».

Обструкционный переход к новой валюте – уход государства от банкротства – рассмотрен на примере Франции. Экзакторный разобран на примере Англии времен Наполеоновских войн, Австрии 1858 г. и Италии. Это – реставраторные переходы к ранее существующим валютам. Новаторные переходы к новой валюте вызваны различными обстоятельствами. Классификация переходов на нисходящий, равновесный или восходящий производится по признаку доходности: в первом случае – негативное ажио, во втором – нулевое, в третьем – позитивное. Приведенное автором многообразие переходов свидетельствует о сложности систем денежного обращения. Г. Кнапп делает следующий вывод в отношении выбора валюты для внутреннего обращения: «... выбор валюты почти не имеет значения, поскольку оказывает лишь вторичные воздействия, исчезающие в общей толчее непрерывных ценовых изменений» [Кнапп, 2023: 200].

Дискутируя с металлстами по поводу литрической политики государства, Г. Кнапп обращает внимание на то, что ее содержание составляют законы, постановления и распоряжения, обеспечивающие организацию платежных средств, а не сводится только к целесообразному выбору валюты.

Межгосударственные отношения в любом случае затрагивают отношения между денежными системами. Они зависят от политики государств, их места в системе мирового хозяйства и других обстоятельств. Третья глава посвящена денежному обращению с другими странами и представляет интерес для современного исследователя, несмотря на существенные изменения в мировых денежных отношениях со времени первой публикации книги. Различие роли денег для внутреннего и международного обращения существенно: «Внутри государства значимость тех или иных видов денег не является коммерческим явлением (на что указывает само слово “значимость”), а основывается на авторитете... Но в международном обращении значимость монет и купюр пропадает; она распространяется только до границ государства, но не переступает их. Иностраннные монеты у нас недействительны; наши монеты недействительны за границей. Но иностраннные монеты имеют у нас стоимость, а наши монеты имеют стоимость за границей. Какова их стоимость (в соответствующем валютном виде денег), решает биржа, но не авто-

ритарно, а в соответствующем, а на основе ежедневной коммерческой борьбы за власть» [Кнапп, 2023: 206–207].

В начале XX в. мировые хозяйственные отношения строились иначе. Мировых валют не было, поэтому Г. Кнапп рассматривает валютные курсы двух стран. «Межвалютный курс во всех случаях является выражением актуального напряжения, возникающего на бирже между спросом и предложением в отношении платежных средств иностранного государства. ... Таким образом, межвалютный курс в первую очередь определяют заключенные сделки, дающие повод для платежей в обоих направлениях, и одновременно настроения в отношении будущей ситуации со сделками; а стало быть, этот курс является психологическим явлением; он зависит от предыдущих волевых актов, из-за которых возникли незавершенные сделки, и от мнений о будущем развитии деловых отношений...» [Кнапп, 2023: 209–210].

Для характеристики особенности межвалютного курса автор вводит понятие «пантополитическое явление». В этом термине отражена психологическая составляющая совокупности коммерческих отношений. «Это слово должно означать, что речь идет о некоем ценообразовании; валютный вид денег одной страны получает цену на бирже другой страны; но эта цена определяется совокупностью платежных обязательств и настроениями, лежащими в основе любого ценообразования» [Кнапп, 2023: 210–211].

Г. Кнапп обращает особое внимание на паритет курсов. Поддержание паритета обеспечивается государственной политикой и выступает результатом регулирующей политики, а не определяется самими денежными системами. Выбор паритета установлен конкретным решением государства. По мнению автора, валютное ажио выступает феноменом международного обращения и не имеет ничего общего с внутренним ажио, которое имеет пантополитическое происхождение. Г. Кнапп указывает: «... стоимость иностранных денег, например английских, выраженная в наших деньгах, представляет собой результат торговых отношений» [Кнапп, 2023: 218], курс всегда формируется только благодаря сделке.

Тринадцатый параграф третьей главы «Соотношение стоимости золота и серебра» содержит обзор международных рынков драгоценных металлов. В этой части работы рассмотрены различные варианты формирования международных платежных отношений стран с различными металлическими стандартами. Зависимость курсов определяют различные пантополитические причины. В настоящее время металлические стандарты канули в прошлое, но параграф вызывает определенный интерес с точки зрения исторического рассмотрения денежного обращения. Особенно это касается взаимоотношений английского фунта стерлингов и индийской рупии. Зависимость Индии закреплена обменным курсом.

Межвалютный курс устанавливает не только биржа (это только первый этап, первое условие). Как правило, развитое государство, активно включенное в международную торговлю, оказывает управляющее воздействие на межвалютный курс. Это воздействие Г. Кнапп называет экзодромическим управлением. Государство оказывает регулятивное действие, оперируя спросом и предложением, чтобы поддержать цены иностранных валютных денег на необходимом уровне, что мы видим

сегодня в деятельности государственного банка. Перемещение денег из одной страны в другую имеет значение инструмента экзодромического управления. В качестве примера экзодромического вмешательства автор приводит действия российского министерства финансов с целью стабилизации курса рубля в Берлине [Кнапп, 2023: 248–249].

Любопытно рассмотрение механизма синхартизма, под которым понимается общность денег, создаваемых монетными союзами, т. е. признание денег, эмитированных союзным государством, при сохранении национальной валюты.

Устойчивые хозяйственные отношения требуют устойчивости межвалютного курса. Необходим паритет. Поиск его причин и условий оказывается главным в денежных отношениях, включая такие обстоятельства, как международные кредиты и государственную политику. Управление денежным обращением – сложный и многоаспектный инструментарий. Г. Кнапп разрабатывает харталистский подход, в рамках которого единица стоимости – историческое понятие, живущее лишь внутри платежного сообщества.

В четвертой главе «Обзор по отдельным государствам» рассмотрены денежные системы Англии, Франции, Германии, Австрии (с 1857 по 1892 и с 1892 по 1900 гг.). Этот материал полезен специалистам в области истории экономики и интересующимся историей Европы.

Труд Г. Кнаппа «Государственная теория денег» заложил основы Современной теории денег (СТД), которая получает все более широкое признание в мире.

Вполне понятно, что за более чем 100 лет с момента выхода в свет «Государственной теории денег» в денежном обращении, государственности, экономике, праве произошли коренные изменения, которые не мог предвидеть автор, такие как глобализация денежного обращения; создание расчетных валют, зон отдельных валют; рост влияния курсов валют на состояние экономики и другие явления, характеризующие современное денежное обращение.

Государства и частный капитал в системе денежного обращения ищут способы оптимизации взаимоотношений. Активно внедряются в денежный оборот цифровые технологии, Цифровые средства платежа, биткойны, цифровые рубли. Меняются виды денег. Монетаризм современный и монетаризм времен Г. Кнаппа – разные явления. Современность ставит перед теорией денег новые вызовы. Появление СТД – объективный процесс поиска ответов на вызовы современности. Заслуга Г. Кнаппа состоит в том, что он проявил научную смелость и отошел от классической трудовой теории стоимости, ввел понятие хартальности для определения природы денег. Его теория не получила признания при жизни автора, но сегодня она получает вторую жизнь в СТД.

Основательный анализ концепции Г. Кнаппа представлен в статье профессора А.Н. Дубянского [Дубянский, 2015]. В ней рассмотрены не только историко-политический контекст периода, но и мнения выдающихся экономистов: К. Менгера, Р. Гильфердинга, К. Каутского и др. Идеи Г. Кнаппа не оставляли равнодушными, вызвали горячие споры, в т. ч. среди российских ученых.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кнапп Г.Ф. (1913) *Очерки государственной теории денег: Деньги. Денежная система*. Тип. Э.П. Карлик. – XX, Одесса. 59 с.; 20.
- Кнапп Г.Ф. (2023) *Государственная теория денег*. Издательство Института Гайдара, Москва; Центр экономической культуры, Санкт-Петербург.
- Дубянский А.Н. (2015) Государственная теория денег Г. Кнаппа: история и современные перспективы. *Вопросы экономики*. № 3. С. 109–125.

The State Theory of Money**A.N. Soshnev**

*Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor
Saint Petersburg State University, Faculty of Sociology, Head of the Department
of Social Analysis and Mathematical Methods in Sociology
7-9, Universitetskaya nab., Saint Petersburg, Russia, 199034
E-mail: a.soshnev@spbu.ru*

E.B. Soshneva

*Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor
Saint Petersburg State University, Faculty of Economics, Associate Professor of the Department
of Economic Theory and History of Economic Thought
7-9, Universitetskaya nab., Saint Petersburg, Russia, 199034
E-mail: e.soshneva@spbu.ru*

Key words: money, types of money, money circulation, monetary policy, state theory of money

DOI: 10.31857/S0201708324020189

REFERENCES

- Knapp G.F. (1913) *Ocherki gosudarstvennoj teorii deneg: Den'gi. Denezhnaya Sistema* [Essays on the state theory of money: Money. The monetary system]. Ed. G.F. Knappa, prof. un-ta v Strasburge; Per. s nem. M.H. Rozenberga; Ed. i so vstup. zametkoj G.I. Tiktina. Тип. Е.П. Карлик. – XX, Odessa.
- Knapp G.F. (2023 [1905]) *Gosudarstvennaya teoriya deneg* [The State Theory of Money]. Izdatel'stvo Instituta Gajdara, Moscow; Centr ekonomicheskoy kul'tury, Sankt-Petersburg. (In Russian).
- Dubyanskij A.N. (2015) Gosudarstvennaya teoriya deneg G. Knappa: istoriya i sovremennye perspektivy [The State Theory of Money Knapp: History and modern perspectives]. *Voprosy ekonomiki*, 3, pp. 109–125. (In Russian).

Журнал «Общественные науки и современность» – один из ведущих российских научных междисциплинарных изданий.

Учредитель – Российская академия наук. Журнал издаётся под руководством Президиума РАН.

«Общественные науки и современность» посвящён актуальным фундаментальным и прикладным исследованиям в социогуманитарных науках. На страницах журнала представлены статьи по политологии, международным отношениям и праву, экономике и социологии, философии и истории, культурологии и психологии.

«Общественные науки и современность» поддерживает самые высокие стандарты отбора материалов, их рецензирования, публикационной этики.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК по специальностям:

- 08.00.00 – экономические науки;
- 22.00.00 – социологические науки;
- 23.00.00 – политология

Индексирование: **RSCI, РИНЦ**

ISSN (print): 0869-0499

Год основания: 1976

Импакт-фактор: 0,862

Подписной индекс: 70677

Периодичность: 6 раз в год.

